

**Редакционный совет научного журнала  
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

**Председатель совета серии**

В. И. Молодин    акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

**Главный редактор серии**

А. С. Зувев    д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

**Ответственный секретарь серии**

С. Г. Скобелев    канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

**Члены редакционного совета**

- Х. А. Амирханов    акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола    д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек    д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц    д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв    чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик    д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
- А. П. Деревянко    акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер    д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Н. Л. Жуковская    д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Москва, Россия)
- О. Д. Журавель    д-р филол. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Е. Импости    д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- С. М. Коткин    д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин    чл.-корр. РАН, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Россия)
- Ока Хироки    д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сендай, Япония)
- Г. Парцингер    д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
- Х. Плиссон    д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон    д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд    д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)
- И. В. Силантьев    чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун    д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм    д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин    д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

## Редакционная коллегия выпуска «Филология»

### Ответственные редакторы

- О. Г. Щеглова канд. филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Л. Н. Синякова д-р филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

### Ответственный секретарь

- М. С. Берендеева канд. филол. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

### Члены редакционной коллегии

- Т. С. Борисова д-р филол. наук (Афинский национальный университет им. И. Каподистрии, Греция)
- Н. Н. Казанский академик РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)
- Н. Б. Кошкарёва д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. А. Лукьянова д-р филол. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- И. А. Мельчук д-р филологии, профессор (Монреальский университет, Канада)
- Л. Г. Панин д-р филол. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Э. Стергиопулу д-р филологии, профессор (Афинский национальный университет им. И. Каподистрии, Греция)
- П. Энгель д-р филологии (Европейский центр по консервации книг и бумаги, Хорн, Австрия)

# Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

## Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

## Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

## Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

## Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

## **Editorial Board of the Issue “Philology”**

### **Executive Editors**

- Olga G. Shcheglova Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Lyudmila N. Sinyakova Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

### **Executive Secretary**

- Mariya S. Berendeeva Candidate of Sciences (Philology), (Novosibirsk State University, Russian Federation)

### **Board Members**

- Tatiana S. Borisova Doctor of Sciences (Philology) (National and Kapodistrian University of Athens, Greece)
- Patricia Engel Doctor of Sciences (Philology) (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration, Horn, Austria)
- Nikolay N. Kazanskiy Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Linguistic Studied of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation)
- Natalya B. Koshkareva Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Nina A. Lukyanova Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Igor A. Melchuk Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Montreal, Canada)
- Leonid G. Panin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Eleni Stergiopoulou Doctor of Sciences (Philology), Professor (National and Kapodistrian University of Athens, Greece)

# В Е С Т Н И К Н Г У

## Серия: История, филология

Научный журнал  
Основан в ноябре 1999 года

2025. Том 24, № 2: Филология

---

---

### СОДЕРЖАНИЕ

#### Языкознание

- Анашкин А. В.* Κορίτζα и παλαδίτζης. О некоторых словообразовательных и семантических особенностях в вопросах ответа Петра Хартофилакса (XI век) 9
- Богинская О. А.* Языковые актуализаторы хеджирования в научных статьях по гуманитарным наукам 19
- Жиравковская А. А.* Словообразование и заимствование номинаций лица в интернет-дискурсе (на материале данных речевого узуса и словарей интернет-языка) 31
- Кондратьева О. Н., Юрьева Е. Ю.* Прецедентный антропоним «Наполеон» как средство конструирования медиаобразов европейских политиков 42
- Эстири М., Сиями Эйдлак Х.* Репрезентация категории определенности / неопределенности формами винительного и родительного падежей в русском языке и их персидские эквиваленты 54
- Алексеева А. А., Прокопьева Е. Р.* Вербальные и визуальные средства репрезентации научных объектов и явлений в современной детской литературе (на материале книг «Увлекательная астрономия» Е. Качур и «Mega poussin» V. Babin) 64
- Дымова А. В., Золотайко А. И., Чудинов А. П.* Протесты в Гонконге (2019–2020): конструирование образов полиции и протестующих в китайском интернет-дискурсе 74

#### Литературоведение

- Долгушин Д. В.* Литературная репутация В. А. Жуковского в 1808–1815 годах: от «Вестника Европы» к «Российскому музеуму» 89
- Шаврыгин С. М.* Формирование когнитивных пространственных моделей в произведениях В. И. Даля («Картины из русского быта») 101

<i>Анисимова Е. Е.</i> Рассказ о Пугачеве в составе «Первой русской книги для чтения» Л. Н. Толстого: редакции, источники, «лабиринт сцеплений»	112
<i>Пономарев Е. Р.</i> Системная перестройка поэтики И. А. Бунина в начале 1900-х годов. Трансформация идейного в философическое	123
<i>Полева Е. А.</i> Мотив мыши / мышеловки в романе В. Набокова «Отчаяние»	134
<i>Скуридина С. А., Кузьминых Е. О., Бугакова Н. Б.</i> Образ мира в рассказе А. П. Платонова «Никита»: мифопоэтический аспект	142
Информация для авторов	153

# V E S T N I K N S U

## Series: History and Philology

Scientific Journal  
Since 1999, November

2025, vol. 24, no. 2: Philology

---

---

### CONTENTS

#### Linguistics

- Anashkin A. V.* Κορίτσα and παπαδίτσης. On Some Word-Formation and Semantic Features in Erotapokriseis by Peter the Chartophylax (11<sup>th</sup> Century) 9
- Boginskaya O. A.* Linguistic Hedges in Scientific Articles on Humanities 19
- Zhirakovskaya A. A.* Word Formation and Borrowing of Person Nominations in Internet Discourse (Based on Speech Usage Data and Internet Language Dictionaries) 31
- Kondratyeva O. N., Yurieva E. E.* Precedent Anthroponym “Napoleon” as a Means of Constructing Media Images of European Politicians 42
- Estiri M., Siyami Eidlak Kh.* Representation of the Category of Certainty-Uncertainty by the Forms of Accusative and Genitive Cases in the Russian Language and Their Persian Equivalents 54
- Alekseeva A. A., Prokoreva E. R.* Verbal and Visual Means of Representation of Scientific Objects and Phenomena in Modern Children’s Literature (Based on *Fascinating Astronomy* by E. Kachur and *Mega Poussin* by V. Babin) 64
- Dymova A. V., Zolotaiko A. I., Chudinov A. P.* Hong Kong Protests (2019–2020): The Formation of the Police and Protesters Images in the Chinese Internet Discourse 74

#### Literature

- Dolgushin D. V.* The Literary Reputation of V. A. Zhukovsky in 1808–1815: From *Vestnik Evropy* to *Rossiiskii Muzeum* 89
- Shavrygin S. M.* Formation of Cognitive Spatial Models in the Artworks of V. I. Dahl (*Scenes from Russian Everyday Life*) 101

<i>Anisimova E. E.</i> The Story on Pugachev as a Part of Tolstoy's <i>First Russian Book for Reading</i> : Redactions, Original Sources, "Labyrinth of Linkages"	112
<i>Ponomarev E. R.</i> Systemic Restructuring of I. A. Bunin's Poetics in the Early 1900s. Transformation of the Ideological into the Philosophical	123
<i>Poleva E. A.</i> The Mouse/Mousetrap Motif in V. Nabokov's Novel <i>Despair</i>	134
<i>Skuridina S. A., Kuzminykh E. O., Bugakova N. B.</i> The Image of the World in A. P. Platonov's Short Story <i>Nikita</i> : A Mythopoetic Aspect	142
Instructions to Contributors	153

Научная статья

УДК 811.14.1:81'37

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-9-18

**Κορίτζα и παλαδίτζης. О некоторых словообразовательных и семантических особенностях в вопросах Петра Хартофилакса (XI век)**

**Антон Владимирович Анашкин**

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет  
Москва, Россия

Московский государственный лингвистический университет  
Москва, Россия

miles-an@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5246-2210>

*Аннотация*

Статья посвящена рассмотрению словообразования и семантики греческих лексем с формантом  $-(i)τζ-$ , обнаруженных в тексте памятника византийской канонико-правовой письменности конца XI в., автором которого считается Петр Хартофилакс. В статье рассматриваются языковые особенности текста в целом, а также словообразовательные особенности и семантические свойства лексем  $κορίτζα$  и  $παλαδίτζης$  в частности. Обращаясь к вопросу семантики лексемы  $παλαδίτζης$ , отличающейся от представленной в исторических словарях, автор статьи уточняет контекстуальное значение этого слова. Расширение семантического поля этой лексемы, вероятно, произошло под влиянием характера текстов этого жанра (канонико-правовая эпистолография). Также в статье проводится анализ гипотез происхождения форманта  $-(i)τζ-$ . Автор обращает внимание на возможность исконно греческого или славянского происхождения этого суффикса.

*Ключевые слова*

греческий язык, византийские вопросыответы, канонико-правовые эротапокризы, этимология, Византия, Петр Хартофилакс

*Благодарности*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10165, <https://rscf.ru/project/24-78-10165/>

*Для цитирования*

Анашкин А. В. Κορίτζα и παλαδίτζης. О некоторых словообразовательных и семантических особенностях в вопросах Петра Хартофилакса (XI век) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 9–18. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-9-18

## Κορίτζα and παπαδίτζης. On Some Word-Formation and Semantic Features in Erotapokriseis by Peter the Chartophylax (11<sup>th</sup> Century)

Anton V. Anashkin

St. Tikhon's Orthodox University for Humanities  
Moscow, Russian Federation

Moscow State Linguistic University  
Moscow, Russian Federation

miles-an@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5246-2210>

### Abstract

*Purpose.* Linguistically, Late Byzantine church canonical erotapokriseis are a type of text influenced by the spoken language. However, their material is not actually presented in existing studies of the grammar and vocabulary of the Byzantine Greek. The article is devoted to the consideration of word formation and semantics of Greek lexemes with the suffix -(ι)τζ-.

*Results.* The source for this study was the erotapokriseis of Peter the Chartophylax (late 11<sup>th</sup> century). Revisions of the text contain various syntactic features. However, of greater interest to us are the lexemes κορίτζα and παπαδίτζης found in the text under consideration, from the point of view of their word-formation model. The article deals with the language features of the text in general, as well as word-formation features and semantic properties of the lexemes in particular. A full-corpus search for κορίτζ- and παπαδίτζ- in the TLG database showed that the first of them occurs 51 times in total (with more than half of the cases in variation with the stem κορίτζι-). Its earliest appearance is recorded in the anonymous Vitae Sanctae Mariae (6<sup>th</sup> century). Turning to the question of the semantics of the lexeme παπαδίτζης which differs from that presented in historical dictionaries, the author of the article clarifies the contextual meaning of this word. The expansion of the semantic field of this lexeme probably occurred under the influence of the nature of the texts of this genre (church canonical epistolography). The article also analyzes the hypotheses of the origin of the formant -(ι)τζ-.

*Conclusion.* The author comes to the conclusion about possible indigenous Greek or Slavic origin of the formant.

### Keywords

Greek, Byzantine questions-and-replies, church canonical erotapokriseis, etymology, Byzantium, Peter the Chartophylax.

### Acknowledgements

The research was carried out with funds of a grant from the Russian Science Foundation, project no. 24-78-10165, <https://rscf.ru/project/24-78-10165/>

### For citation

Anashkin A. V. Κορίτζα and παπαδίτζης. On Some Word-Formation and Semantic Features in Erotapokriseis by Peter the Chartophylax (11<sup>th</sup> Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 9–18. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-9-18

Несмотря на обилие исследований в области византийской литературы, ее язык представляет собой слабо изученную тему. Как отмечал М. Хинтербергер, греческий язык византийской литературы чаще всего слабо отражает повседневный разговорный язык [Hinterberger, 2014, p. 1]. Степень удаленности литературного языка от языка разговорного варьируется от текста к тексту. Хинтербергер связывает это с чрезвычайной консервативностью образовательной системы, построенной главным образом на образцовых текстах классической античности [Ibid.]<sup>1</sup>. Поэтому может показаться, что большинство византийских текстов написано на языке, который, в частности своей орфографией и морфологией, существенно не отлича-

<sup>1</sup> См. также: [Giannouli, 2014; Manolessou, 2014].

ется от древнегреческого, и что лишь весьма ограниченное число текстов обладает какими-то языковыми особенностями, отсылающими к новогреческому. Последнюю группу текстов в исследовательской литературе нередко называют народной литературой (*vernacular literature*) или литературой на просторечии (*spoken literature*), в то время как первую называют ученой (*learned literature*) [Giannouli, 2014; Manolessou, 2014]. Вместе с тем существует литература, занимающая как бы промежуточное в этом делении текстов положение: с одной стороны, ее («тяжеловесный» аристократический) язык тяготеет к языку памятников высокой литературы, а с другой – может содержать примеры разговорного языка. К этой группе текстов можно отнести целый ряд памятников церковной канонико-правовой письменности XI–XV вв., написанных в языковой форме, отражающей (в той или иной степени) некоторые особенности разговорного языка. В частности речь идет о византийской эротапокритической литературе. В языковом отношении византийские канонико-правовые вопросыответы представляют собой тип текстов, претерпевших влияние со стороны разговорного языка. Однако в существующих исследованиях грамматики и лексики греческого языка византийского периода их материал фактически не представлен (возможно, ввиду их маргинальности). Изучение лексико-семантических особенностей этих памятников византийской письменности дает важные сведения о функционировании текстов этого жанра<sup>2</sup> в контексте культурно-языковой прагматики. В качестве источника для настоящего исследования использованы ответы Петра Хартофилакса – византийский памятник конца XI в.

Текст канонических ответов хартофилакса Петра был подготовлен и издан В. Н. Бенешевичем в 1909 г. в Записках Императорской Академии наук<sup>3</sup> [Бенешевич, 1909]. Он же предложил вероятную датировку памятника – 1096/7 г. В издании параллельно приведены ранее известная редакция текста (далее – ред. И) из *Leunclavii Jus Gr. – R. I 395–397* (с вариантами из *Sinait. 1609 л. 339<sup>b</sup>–340<sup>a</sup> и л. 423<sup>b</sup>–424<sup>b</sup>*) и, соответственно, новая редакция (далее – ред. Н). Необходимо заметить, что ред. Н оказалась древнее ред. И<sup>4</sup> и по этой причине особенно интересной с точки зрения изучения языка памятника. Для ясности приведем несколько примеров. Во-первых, в памятнике встречается адъектив *πολιτικός* ('обиходный, обычный; городской, государственный, гражданский, общественный, политический' [Hörandner, 1976, S. 9]) в непривычном для древнегреческого значении 'блудный' (*πολιτικός = πορνικός*)<sup>5</sup>: используется в выражении *ἡ πολιτικὴ γυνή* 'публичная женщина'. Причем в *Ερώτ. 11 L, 12 S<sub>2</sub>* ред. И в качестве синонима этого выражения используется термин *τῶν ἐταιρίδων*<sup>6</sup>: *τῶν πολιτικῶν γυναικῶν* (*Ερώτ. ιη' ред. Н*) = *τῶν ἐταιρίδων* (*Ερώτ. 11 L, 12 S<sub>2</sub> ред. И*):

ред. Н: *Τῶν πολιτικῶν γυναικῶν αἱ προσφωραὶ ἵνα δέχωνται;*

ред. И: *Αἱ τῶν ἐταιρίδων προσφωραὶ δεκταὶ εἰσὶν, ἢ οὐ.*

<sup>2</sup> Вопрос жанровой принадлежности памятников канонико-правовой литературы нами уже ранее поднимался [Анашкин, 2014; 2018], поэтому в настоящей работе он нами затрагиваться не будет.

<sup>3</sup> Причем не по известной к тому моменту редакции ответов, которая воспроизведена у Раллиса и Потлиса и у Миня, а по рукописи *Vatic. № 2184. л. 22<sup>b</sup>–23<sup>b</sup>* (XIII в.) с вариантами из Москва, ГИМ, Син. греч. №33, 1607 г., л. 35<sup>b</sup>–36, *Vatic. Reg. № 57 (R., gr. 57, 1358 г., с. 463–469)*, Имп. Публ. библиотеки № 249 (СПб., собр. еп. Порфирия XVIII–XIX вв., с. 744–747), *Berolin. № 22 (Berolin. graec. oct. 22 кон. XI – нач. XII вв., fol. л. 56<sup>a-b</sup>)*. Подробнее см.: [Бенешевич, 1909, с. 1–3].

<sup>4</sup> По мнению самого издателя (Бенешевич, 1909, с. 11), известная (= более поздняя) редакция является исправленной и очищенной от признаков «живого» языка.

<sup>5</sup> Такое значение зафиксировано лишь в словаре Софоклиса, который указывает, что этот адъектив встречается у анонимного византийского хрониста середины X в., продолжателя Феофана: *ἡ πολιτικὴ, sc. γυνή, = πόρνη* *Theoph. Cont. 430 (Sophocles, 1992, p. 903)*.

<sup>6</sup> *ἐταίρις = ἡ ἐταῖρα* от *ἐταίρειω* 'заниматься ремеслом блудницы, (тж. о мужчинах) предаваться распутству'.

Вероятно, этот случай следует рассматривать как пример эвфемизации речи, ведь со времен античности существует общеупотребительное и понятное *πόρνη*, которое автор вопроса сознательно избегает использовать. В этом же предложении обращают на себя внимание некоторые другие грамматические особенности. Так, форма предиката *δέχονται* в ред. Н может служить примером залоговой аберрации – пассивный залог у депонентного *δέχομαι*. Кроме того, здесь обнаруживается использование конструкции *ἵνα* + Aor. Cop. вместо императива<sup>7</sup>.

Во-вторых, в тексте нередко встречаются формы слов, которые можно назвать если не византийскими, то во всяком случае неклассическими. Например, *χύνω* вместо *χέω* ‘лить, проливать’<sup>8</sup> (Sophocles, 1992, p. 1176) в ‘Ερώτ. ιζ’ ред. Н. или *μαγαρίζω* ‘изменить, отпасть’ [Trapp et al., 2001, S. 957] в ‘Ερώτ. ιγ’ ред. Н.

Текст ред. Н содержит и некоторые другие синтаксические особенности. Однако больший интерес для нас представляют лексемы *κορίτζα*<sup>9</sup> и *παπαδίτζης*, обнаруженные в рассматриваемом тексте, с точки зрения их словообразовательной модели.

### Лексемы *κορίτζα* и *παπαδίτζης* и их семантические свойства

Полнокорпусный поиск *κορίτζ-* и *παπαδίτζ-* в базе TLG показал, что первое суммарно встречается 51 раз<sup>10</sup> (причем более половины кейсов в вариации с основой *κορίτζι-*) и что наиболее раннее его появление фиксируется в анонимном *Vitae Sanctae Mariae VI* в. (в форме *κορίτζα*, два случая). Второе в базе встречается трижды: все три случая в канонических сборниках – *Libellus Roenientialis* св. Иоанна Постника (конец VI в.), Протоканонарий (IX в.), Тактикон Никона Черногорца (конец XI в.). С учетом нашего памятника можно сказать, что словоупотребление зафиксировано для четырех случаев.

Словарям оба слова (*κορίτζα* и *παπαδίτζης*) в той или иной мере знакомы. Так, первое легко находится в словарях Криараса, Дюканжа и Траппа со значением ‘девушка, девочка’. Ровно в том же значении оно функционирует и в эротапокризах Петра Хартофилакса, когда вопрошатель хочет у него узнать, можно ли благословлять на вступление в супружество девочек, которые по византийскому закону еще не достигли возраста согласия: *Εἰ ἔστιν ἄξιον εὐλογεῖν τέλειον γάμον ὀκτῶ ἢ δέκα χρόνων κορίτζα* (ερώτ. ιδ’ ред. Н). Очевидно, что морфологически *κορίτζα* (ср. *κοριάω* ‘быть молодым’) восходит к *κόρη*, типовым диминутивом к которому служит *κορίδιον*<sup>11</sup>; ср. н.-греч. *κορίτσι*, *κοριτσάκι* ‘девушка’ [Τριανταφυλλίδης, 2009]<sup>12</sup>.

<sup>7</sup> Приведенный нами выше пример далеко не единственный. В подтверждение приведем еще один, на наш взгляд, не менее показательный (здесь и далее перевод наш. – А. А.):

*Ερώτ. ιβ’*. *Ὁ ἱερέυς ἐν φαντασίᾳ γενόμενος σωματικῇ καὶ τὴν ἡμέραν ἐκείνην ἵνα λειτουργήσῃ ἢ κοσμικὸς ἵνα κοινωνήσῃ?* – Вопрос. Если у священника было плотское видение, то может ли он служить литургию (= пусть служит литургию), а мирянин причащаться (= пусть причащается)?

*Αἰσῖς*. *Ἐὰν πολλάκις τοῦτο πάσῃ ἐκ δαιμονικῆς ἐπηρείας, ὥστε κολύεσθαι τῆς τοῦ ἀγαθοῦ μεταλήψεως, ἐξαγορεύσει πρότερον, καὶ οὕτως ὁ μὲν ἵνα λειτουργήσῃ, ὁ δὲ λαϊκὸς ἵνα μεταλήψῃται.* – Ответ. Если часто он претерпевает это от бесовских нападений, так что они препятствуют ему причащаться Блага, то прежде исповедует [это], и таким образом пусть он служит литургию, а мирянин пусть причащается.

<sup>8</sup> *Εἰ οὐκ ἔχει ἡ ἐκκλησία ἴδιον τόπον τοῦ χύνειν τὸ ἅγιον βάπτισμα τῶν παιδίων τῆς κολυμβήθρας, ἔστι δίκαιον χύνειν τοῦτο εἰς κῆπον ἢ ἀλλαχοῦ, ὅπου καὶ βοῦλονται* – Если у Церкви нет своего места для слива воды от святого крещения из детской купели, правильно ли делают, что сливают ее в сад или где-либо, где захотят?

<sup>9</sup> В примеч. 8 В. Н. Бенешевич приводит разночтение *κορίτζια* по рук. Vatic. Reg. 57 (Бенешевич, 1909, с. 7).

<sup>10</sup> Отметим, что у этой лексемы встречаются следующие (не)нормированные варианты позднеантичной и средневековой орфографии: *κορίτζι*, *κορίτζια*, *κορίτσι*, *κορίτσια*. Их мы, разумеется, также учли в наших расчетах.

<sup>11</sup> По типу *πυρίδιον* как диминутив от *πῦρ* или *ὑδατίδιον* – от *ὑδωρ*.

В отношении же *παπαδίτζης* дело обстоит несколько иначе. В словарях для него можно встретить следующие пояснения: 1. у Димитракоса (Δημητράκος, 1953, т. 10, σ. 5400–5401): а. как уменьшительная форма *παπάς* ('священник'); б. *παπαδάκι* = νεωστὶ χειροτονηθεῖς ἱερεὺς; 2. у Траппа (Trapp, 2007б S. 1203): Pfäfflein; 3. у Софоклиса (Sophocles, 1992, р. 839): а. маленький *παπάς* ('попенок'), б. мальчик на побегушках. Таким образом, исходя из сведений словарных статей, можно определить такой круг значений: сын попа, или попенок, недавно рукоположенный священник. Однако в ответах хартофилакса Петра эта лексема приобретает дополнительное, контекстуальное, значение '(церковный) ставленник', т. е. тот, кто желает принять духовный сан. Приведем контекст употребления этого слова из *ἐρώτ. ις'* ред. Н:

*Εἰ παπαδίτζης φθειρεῖ παρθένον, ποιήσει δὲ καὶ παιδίον ἐξ αὐτῆς καὶ ἐπάρη*<sup>13</sup> *ἐτέραν γυναῖκα, ἵνα γένηται ἱερεὺς?*

Если ставленник обесчестит девушку, зачнет же с ней и ребенка, а в жены возьмет другую, может ли он стать священником?

Наше мнение, во-первых, основывается на логике самого вопроса, из которого ясно следует, что действие рукоположения еще только предстоит и что именно для этого (*ἵνα γένηται ἱερεὺς*) *παπαδίτζης* и должен жениться. Во-вторых, тот же смысл раскрывается в *ἐρώτ. 10 S<sub>2</sub>* ред. И: *ἐάν ἄπαξ τις πορνεύσας εἶτα ζητεῖ ἱερωθῆναι*. Поэтому понимание лексемы в тех смыслах, которые нам предлагают словари, не годится.

### Формант -(ι)τζης

Суффикс -(ι)τζ- (ср. н.-греч. -(ι)τσ-) (Τριανταφυλλίδης, 2009)<sup>14</sup>, передающий, в частности, субъективно-оценочное значение малого объема или размера, привлек наше внимание случайно. Вопрос о его происхождении волнует исследователей греческих морфем до сих пор (см., например: (Ανδριώτης, 2001, σ. 133–134), см. также: [Стефанчикови др., 2022; Тохтасьев, 2018, с. 300–312; Шукуров, 2008, с. 123–124]) и по-прежнему остается открытым. Как сообщает С. Р. Тохтасьев со ссылкой на К. Д. Бак [Buck, 1965, р. 267: № 70 В<sub>2</sub>), сам по себе нетипичный для греческих диалектов диграф τζ впервые обнаруживается в надписи V в. до н. э. из г. Тегея на лаконском диалекте [Тохтасьев, 2018, с. 300]. В римскую и византийскую эру диграф встречался в папирусах для передачи египетских и коптских имен [Foraboschi, 1967, р. 316–323]. А начиная с конца V в. диграф τζ прочно входит в греческий литературный обиход при транскрипции, в частности, латинских словоформ с *ts* (подробнее см.: [Beševliev, 1970, S. 32]). Так, диграф использовался для передачи как глухих, так и звонких аффрикат [Psaltis, 1913, S. 134–136]. С. Р. Тохтасьев приводит большое количество примеров с содержанием этого диграфа для глухих и звонких аффрикат при транскрипции лексических заимствований из итальянского, венгерского, сербского, хорватского, древнерусского, армянского, тюркских языков [Тохтасьев, 2018, с. 304]. На основании того, что диграф, который входит в состав и нашего суффикса, передает сочетание смычного согласного с фрикативным в перечисленных выше языках, в разное время выдвигались разные теории происхождения самого суффикса: испанское, итальянское, турецкое, персидское (возможно,

<sup>12</sup> [https://www.greek-language.gr/greekLang/modern\\_greek/tools/lexica/triantafyllides/search.html?lq=%CE%BA%CE%BF%CF%81%CE%AF%CF%84%CF%83%CE%B9](https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/search.html?lq=%CE%BA%CE%BF%CF%81%CE%AF%CF%84%CF%83%CE%B9) (дата обращения 18.05.2023).

<sup>13</sup> Бенешевич приводит другое чтение: *λάβη*.

<sup>14</sup> [https://www.greek-language.gr/greekLang/modern\\_greek/tools/lexica/triantafyllides/search.html?lq=%22-%CF%84%CE%B6%CE%AE%CF%82%22](https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/search.html?lq=%22-%CF%84%CE%B6%CE%AE%CF%82%22) (дата обращения 18.05.2023).

через армянский), славянское [Jannaris, 1968, p. 291–294; Стефанчиков и др., 2022, с. 39; Kretschmer, 1934, S. 235; Henrich, 1976, p. 122; Dietrich, 1928, S. 141].

Желая внести посильную лепту в обсуждение этой проблемы, мы хотели бы обратить внимание на возможное происхождение суффикса  $-(i)\tau\zeta(i)-$  от древнегреческого диминутивного форманта  $-ιδιον$  (?). На эту мысль нас натолкнуло чтение Птохопродрома<sup>15</sup>, где среди множества уменьшительно-ласкательных форм на  $-ίτισιν$  следующие семь определенно соответствуют равнозначным более древним существительным с тем же значением, образованным от той же основы с прибавлением суффикса  $-ιδιον$ <sup>16</sup>:

Птохопродром	Более древняя традиция
<i>γραμματίττζια</i> ( <i>γραμματίττσια</i> ) III 400 hh	<i>γραμματίδιον</i> (Herodian. 2, 488L)
<i>ζουμίτισιν</i> III 155	<i>ζωμίδιον</i> (Arph. Nub. 389)
<i>λαχανίττιζιν</i> ( <i>λαχανίτισιν</i> ) III 2777	<i>λαχανίδιον</i> (Hesych. Lexic. Цикорий)
<i>πιττακίτισιν</i> III 344c	<i>πιττακίδιον</i> (PMag.Leid.V.3.5)
<i>σुकίττσια</i> IV 129b	<i>σुकίδιον</i> (Arph., Pax 598)
<i>τυρίτισιν</i> II 30a, IV 52	<i>τυρίδιον</i> (Epich. 92, Diog. Laert. 6, 36)
<i>χορδο-κοιλίττσια</i> IV 51, 54	<i>κοιλίδιον</i> (Strab. 14.5.14)

Схема трансформации могла бы выглядеть так:  $-ίττιζ(i) / -ίττισ(i) < -ιδίττιζ(i) < -ιδ(i)$ . Ср. *κορίδιον*, которое в новогреческом стало *κορίττισιν*, и его вероятная промежуточная форма *κορίττιζ(i)α*. Однако окончательно принять это мнение нам мешают две фонетические трудности: 1) хотя превращение смычного в аффрикату (палатализация  $\delta$  перед  $i$  (и особенно между двумя  $i$ )) и является допустимым –  $ti > tsi$  (например, в *βουτσί < βυτίον*), скорее следовало бы ожидать звонкий  $\alpha\zeta(i) < \delta(i)$ , а не соответствующий глухой  $\tau\sigma(i)$ <sup>17</sup>; 2) следует отметить, что формант  $-ιδι-$  далеко не всегда переходит в  $-ίττιζ(i) / -ίττισ(i)$ : *γίδι < αἴγ-ιδιον* (козел), *φίδι < ὄφ-ιδιον* (змея), *δαχτυλίδι < δακτυλ-ιδιον* (перстень, кольцо). Это относится к существительным, которые заканчиваются на  $-ιδι(o)v$  и при этом утратили свой диминутивный оттенок. Поэтому вслед за Г. С. Генрихом [Henrich, 1976, S. 122] и П. Кречмером [Kretschmer, 1934, S. 235] допускаем, что следует учитывать возможность заимствования этого суффикса от соответствующего славянского форманта<sup>18</sup>  $-ic-$  /  $ič-$  (-иц- / -ич-), например: болг. *мом'иче* ('девушка'), рус. *девица, сестрица*. Кремер также допускает происхождение  $ίττιζ(i) / -ίττισ(i)$  от лат.  $-icius / -itius$ , который мог быть использован в греческом в качестве модели для собственного словообразования. Это предположение кажется маловероятным, поскольку в латинском этот суффикс не имел уменьшительного значения.

Вместе с тем отметим очевидность того, что суффикс  $-\tau\zeta-$  представляется орфографическим вариантом перехода (возможно, непрямого) к современной практике формообразования диминутивных существительных  $-ίττισ(i)$  из средневекового греческого в новогреческий: ср. н.-греч. *θειτσοσ* 'дядюшка' < *θείος* 'дядя'; *θειτσα* 'тетюшка' < *θεία* 'тетя'.

<sup>15</sup> Изд.: [Hesseling, Pernot, 1910].

<sup>16</sup> По типу *κορ-ιδιον*, *νησ-ιδιον* ('маленький остров', 'островок'), *οικ-ιδιον* ('домик'), *ἀγρ-ιδιον* ('маленькое поле', 'полянка'). Об этом суффиксе см.: [Χριστοδουλίδου, 2019, σ. 1209–1210]; о диминутивном словообразовании в греческом языке см.: [Μπαμπινιώτης, 1969].

<sup>17</sup> Финлиндас приводит достаточно примеров перехода  $δι(α) > τσ(α)-$  (Φιλήντας, 1927, σ. 144–147), однако Андриотис считает его маловероятным (Ανδριώτης, 2001, σ. 381). Это же мнение разделяет и Г. С. Генрих [Henrich, 1976, S. 124].

<sup>18</sup> По данным археологии, славяне появились на Балканах и Пелопоннесе не позднее начала правления имп. Ираклия, т. е. в начале VII в. [Шувалов, 1998, с. 21].

Несколько иным представляется казус слова *παπαδίτζης*, когда формант *-(ι)τζης* фактически служит для конструирования социальной роли, что, впрочем, не исключает исконного диминутивного свойства суффикса. Подобная словообразовательная модель в ономастических традициях разных народов была весьма распространенной при образовании фамилий и прозвищ (см., например, *μουζακίτζης* в [Стефанчиков и др., 2022, с. 41]).

Анализ словообразовательных и семантических особенностей лексем *κορίτζα* и *παπαδίτζης* показал следующее: войдя в тезаурус греческого языка не позднее VI в. (хотя при этом и не став общегреческими), к моменту появления вопросов Петра Хартофилакса лексемы как бы консервируются в своей стилистической нише, определяемой жанровой принадлежностью текстов, в которых они бытуют; словообразовательное родство лексем в нашем случае едва ли помогает определенно говорить о происхождении суффикса *-(ι)τζ-*, однако лексема *κορίτζα* позволяет по крайней мере принять во внимание версии исконно греческого или славянского ее происхождения (последнее может быть обусловлено многоязычным характером византийского общества, в которое были вовлечены и славяне); в рамках настоящего исследования благодаря экспликации контекста бытования лексемы *παπαδίτζης*, как кажется, удалось расширить ее словарное значение – ‘церковный ставленник’. В заключение нам хотелось бы также отметить особую ценность канонико-правовой вопросоответной литературы в целом и вопросоответов Петра Хартофилакса в частности для исследования развития греческого языка в диахронии. Эти памятники могут заметно обогатить историческую грамматику греческого языка.

### Список сокращений

Ἑρώτ. – Ἑρώτησις.

LSJ – Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford, 1940. URL: <https://web.archive.org/web/20160617163155/http://stephanus.tlg.uci.edu/ljsj/>

### Список литературы

- Анашкин А. В. Проблемы жанра вопросоответной литературы в контексте церковно-канонической письменности поздневизантийского периода // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2014. № 39 (4). С. 7–16. DOI 10.15382/sturIII201439.7-15
- Анашкин А. В. Жанровая природа канонико-правовых ответов патриарха Николая III Кирдиниата Грамматика // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. № 23 (5). С. 25–33. DOI 10.15688/jvolsu4.2018.5.2
- Стефанчиков И. В., Давыдов Т. Г., Горшков А. И. К проблеме этимологии и адаптации заимствований в греческом языке: *μοῦτζος / μοῦτσος* и *μουζακίτζης* [L. Diac. hist. V 91–92] – исп. *mozo?* перс. *موزک?* арм. *մոշաւի?* слав. *моужь?* // Litera. 2022. № 10. С. 30–49. DOI 10.25136/2409-8698.2022.10.39015
- Тохтасьев С. Р. Язык трактата Константина Багрянородного *De administrando Imperio* и его иноязычная лексика. СПб.: Наука, 2018. 679 с.
- Шувалов П. В. Проникновение славян на Балканы // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона: Сб. ст. СПб., 1998. Ч. 2: Славянские языки. С. 5–28.
- Шукуров Р. М. Некоторые персидские заимствования в среднегреческом // Иран-наме. 2008. № 3 (7). С. 119–126.
- Beševliev V. Zur Deutung der Kastellnamen in Prokops Werk “De aedificiis”. Amsterdam: Hakert, 1970. XV, 158 S.
- Buck C. D. The Greek Dialects. Chicago: Uni. Press; London: Cambridge Uni. Press, 1965. XIII, 373 p.
- Dietrich K. Die Suffixbildung im Neugriechischen // Balkan-Archiv. 1928. № 4. S. 104–167.

- Foraboschi D.** *Onomasticon alterum papyrologicum. Supplemento al Namenbuch di F. Preisigke.* Milano, Varese: Istituto Editoriale Cisalpino, 1967. 353 p.
- Giannouli A.** *Education and Literary Language in Byzantium // The Language of Byzantine Learned Literature (SBHC; 9) / Ed. by M. Hinterberger.* Turnhout: Brepols, 2014. P. 52–71.
- Hesseling D., Pernot H.** *Poemes Prodromiques en grec vulgaire.* Amsterdam: J. Müller, 1910. 274 p.
- Hinterberger M.** *Intoduction // The Language of Byzantine Learned Literature (SBHC; 9) / Ed. by M. Hinterberger.* Turnhout: Brepols, 2014. P. 1–12.
- Hörandner W.** *Traditionelle und populäre Züge in der Profandichtung der Komnenenzeit // XV Congrès International d'études byzantines (5–11 September 1976. Rapports et co-rapports II. Langue, littérature, philologie).* Athènes, 1976. P. 3–15.
- Jannaris A. N.** *A Historical Greek Grammar chiefly of the Attic Dialect (as written and spoken from classical antiquity down to the present time): founded upon the ancient texts, inscriptions, papyri and present popular Greek.* Hildesheim: Georg Olms, 1968. XXXVIII, 737 p.
- Kretschmer P.** *Literaturberichte für die Jahre 1931 und 1932. Griechisch // Glotta.* 1934. № 22. S. 193–269.
- Manolessou I.** *Learned Byzantine Literature and Modern Linguistics // The Language of Byzantine Learned Literature (SBHC; 9) / Ed. by M. Hinterberger.* Turnhout: Brepols, 2014. P. 13–33.
- Psaltes S. B.** *Grammatik der Byzantinischen Chroniken.* Göttingen: Göttingen Vandenhoeck & Ruprecht, 1913. XVI, 394 S.
- Henrich G. S.** *Κλητικες και γενικες σε -ο απο αρσενικα σε -ος στα μεσαιωνικα και νεα ελληνικα. Διατριβη επί διδακτορια. Θεσσαλονικη, 1976. 214 σ.*
- Μπαμπινιώτης Γ. Α.** *Ο δια συνθέσεως υποκορισμός εις την Ελληνικήν (διατριβή επί διδακτορία).* Αθήνα: ΕΚΠΑ, 1969. 316 σ.
- Χριστοδουλίδου Π.** *Το επίθημα ιδ(ι) στην κοινή νεοελληνική // Studies in Greek Linguistics 39. Θεσσαλονίκη: Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών, 2019. P. 1203–1214.*

### Список источников и словарей

- Бенешевич В. Н.** *Ответы Петра Хартофилакса (конец XI века) // Зап. Имп. Академии наук.* 1909. Т. 8, № 14. С. 4–11.
- Sophocles E. A.** *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (from BC 146 to AD 1100).* Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 1992. 1189 p.
- TLG – Thesaurus Linguae Graecae Digital Library. Ed. by Maria C. Pantelia. Uni. of California, Irvine. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu> (дата обращения 11.04.2023).
- Trapp E. et al.** *Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders 9.–12. Jahrhunderts.* Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001–2007.
- Ανδριώτης Ν. Π.** *Ετυμολογικό λεξικό της κοινής νεοελληνικής.* Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο, 2001. κδ', 440 σ.
- Δημητράκος Δ.** *Μέγα λεξικόν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης.* 15 τ. Αθηναι: Πιρογα Εκδοσεις, 1953.
- Τριανταφυλλίδης Μ.** *Λεξικό της κοινής νεοελληνικής.* Θεσσαλονίκη, 2009. URL: [https://www.greek-language.gr/greekLang/modern\\_greek/tools/lexica/triantafyllides/index.html](https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/index.html) (дата обращения 18.05.2023).
- Φιλήντας Μ.** *Γλωσσογνωσία και Γλωσσογραφία ελληνική.* 3 Τ. Αθήνα: Αθηνά, 1927.

### References

- Anashkin A. V.** *Zhanrovaya priroda kanoniko-pravovyykh otvetov patriarkha Nikolaya III Kirdiniata Grammatika [Genre Nature of Church Canonical Catechism by the Patriarch of Constantinople Nicholas III Grammatikos]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.*

*Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. Series 4: History. Area Studies. International Relations], 2018, no. 23 (5), pp. 25–33. (in Russ.)

- Anashkin A. V.** Problemy zhanra voprosotvetnoi literatury v kontekste tserkovno-kanonicheskoi pis'mennosti pozdnevizantiiskogo perioda [Genre Problems of Question-and-Answer Literature in Context of Late Byzantine Canonical Writing]. *Vestnik PSTGU. Seriya 3: Filologiya* [St. Tikhon's University Review. Series 3: Philology], 2014, no. 39 (4), pp. 57–69. (in Russ.) DOI 10.15382/sturIII201439.7-15
- Beševliev V.** Zur Deutung der Kastellnamen in Prokops Werk “De aedificiis”. Amsterdam, Hakert, 1970, XV, 158 S.
- Buck C. D.** The Greek Dialects. Chicago, Uni. Press; London, Cambridge Uni. Press, 1965, XIII, 373 p.
- Dietrich K.** Die Suffixbildung im Neugriechischen. *Balkan-Archiv*, 1928, no. 4, S. 104–167.
- Foraboschi D.** Onomasticon alterum papyrologicum. Supplemento al Namenbuch di F. Preisigke. Milano, Varese, Istituto Editoriale Cisalpino, 1967, 353 p.
- Giannouli A.** Education and Literary Language in Byzantium. In: Hinterberger M. (ed.). The Language of Byzantine Learned Literature. Turnhout, Brepols, 2014, pp. 52–71.
- Hesseling D., Pernot H.** Poemes Prodromiques en grec vulgaire. Amsterdam, J. Müller, 1910. 274 p.
- Hinterberger M.** Introduction. In: Hinterberger M. (ed.). The Language of Byzantine Learned Literature. Turnhout, Brepols, 2014, pp. 1–12.
- Hörandner W.** Traditionelle und populäre Züge in der Profandichtung der Komnenenzeit. In: XV Congrès International d'études byzantines (5–11 September 1976. Rapports et co-rapports. II. Langue, littérature, philologie). Athènes, 1976, S. 3–15.
- Jannaris A. N.** A Historical Greek Grammar chiefly of the Attic Dialect (as written and spoken from classical antiquity down to the present time): founded upon the ancient texts, inscriptions, papyri and present popular Greek. Hildesheim, Georg Olms, 1968, XXXVIII, 737 p.
- Kretschmer P.** Literaturberichte für die Jahre 1931 und 1932. Griechisch. *Glotta*, 1934, no. 22, S. 193–269.
- Manolessou I.** Learned Byzantine Literature and Modern Linguistics. In: Hinterberger M. (ed.). The Language of Byzantine Learned Literature. Turnhout, Brepols, 2014, pp. 13–33.
- Psaltis S. B.** Grammatik der Byzantinischen Chroniken. Göttingen, Göttingen Vandenhoeck & Ruprecht, 1913, XVI, 394 S.
- Shuvalov P. V.** Proniknovenie slavyan na Balkany [The penetration of the Slavs into the Balkans]. In: Osnovy balkanskogo yazykoznanija. Yazyki balkanskogo regiona [Fundamentals of Balkan linguistics. Languages of the Balkan region]. St. Petersburg, 1998, pt. 2: Slavic languages, pp. 5–28. (in Russ.)
- Shukurov R. M.** Nekotorye persidskie zaimstvovaniya v srednegrecheskom [Some Persian loanwords in Middle Greek]. *Iran-name* [Iran-name], 2008, no. 3 (7), pp. 119–126. (in Russ.)
- Stefanchikov I. V., Davydov T. G., Gorshkov A. I.** K probleme etimologii i adaptatsii zaimstvovaniy v grecheskom yazyke: μοῦτζος / μοῦτσος i μουζακίτζης [L. Diac. hist. V 91–92] – isp. mozo? pers. موزک? arm. մուճալ? slav. mouzh'? [On the problem of etymology and adaptation of borrowings in Greek: μοῦτζος / μοῦτσος and μουζακίτζης [L. Diac. hist. V 91–92] – Spanish mozo? Persian موزک? Armenian մուճալ? Slavonic muzh'?]. *Litera* [Litera], 2022, no. 10, pp. 30–49. (in Russ.)
- Tokhtasiev S. R.** Yazyk traktata Konstantina Bagryanorodnogo De administrando Imperio i ego inoyazychnaya leksika [The language of the treatise De administrando Imperio by Constantine Porphyrogenitus and its foreign vocabulary]. St. Petersburg, Nauka, 2018, 679 p. (in Russ.)
- Henrich G. S.** Κλητικές και γενικές σε -ο από αρσενικά σε -ος στα μεσαιωνικά και νέα ελληνικά. Διατριβή έπι διδακτορία [Vocatives and genitives in -o from masculine to -os in medieval and modern Greek. PhD Thesis]. Θεσσαλονίκη, 1976, 214 p. (in Greek)

- Μπαμπινιώτης Γ. Α.** Ο δια συνθέσεως υποκορισμός εις την Ελληνικήν (διατριβή επί διδακτορία) [The compositional diminutive in Greek (PhD Thesis)]. Αθήνα, ΕΚΠΑ, 1969 316 σ. (in Greek)
- Χριστοδουλίδου Π.** Το επίθημα *ιδ(ι)* στην κοινή νεοελληνική [The suffix *ι(ι)* in common modern Greek]. In: Μελέτες για την ελληνική γλώσσα 39 [Studies on the Greek language 39]. Θεσσαλονίκη, Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών, 2019, σ. 1203–1214. (in Greek)

### List of Sources and Dictionaries

- Beneshevich V. N.** Otvety Petra Khartofilaksa (konets XI veka) [Responses by Peter the Chartophylax (late 11<sup>th</sup> century)]. *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk [Notes of the Imperial Academy of Sciences]*, 1909, vol. 8, no. 14, pp. 4–11. (in Russ.)
- Sophocles E. A.** Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (from BC 146 to AD 1100). Hildesheim, Zürich, New York, Georg Olms Verlag, 1992, 1189 p.
- TLG – Thesaurus Linguae Graecae Digital Library. Ed. by Maria C. Pantelia. Uni. of California, Irvine. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu> (accessed: 11.04.2023).
- Trapp E. et al.** Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders 9.–12. Jahrhunderts [Lexicon of Byzantine Greece, especially the 9<sup>th</sup> to 12<sup>th</sup> centuries]. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001–2007.
- Ανδριώτης Ν. Π.** Ετυμολογικό λεξικό της κοινής νεοελληνικής [Etymological dictionary of common modern Greek]. Θεσσαλονίκη, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο, 20016 κδ', 440 σ. (in Greek)
- Δημητράκος Α.** Μέγα λεξικόν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης [A great dictionary of the entire Greek language]. 15 vols. Αθήνα, Πιρογα Εκδοσεις, 1953, 8056 σ. (in Greek)
- Τριανταφυλλίδης Μ.** Λεξικό της κοινής νεοελληνικής [Dictionary of Common Modern Greek]. Θεσσαλονίκη, 2009. (in Greek) URL: [https://www.greek-language.gr/greekLang/modern\\_greek/tools/lexica/triantafyllides/index.html/](https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/index.html/).
- Φιλήντας Μ.** Γλωσσογνωσία και Γλωσσογραφία ελληνική [Linguistics and Greek Linguistics]. In 3 vols. Αθήνα, Αθηνά, 1927. (in Greek)

### Информация об авторе

**Антон Владимирович Анашкин**, кандидат филологических наук  
Scopus Author ID 57214689958

### Information about the Author

**Anton V. Anashkin**, Candidate of Sciences (Philology)  
Scopus Author ID 57214689958

*Статья поступила в редакцию 13.08.2024;  
одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 10.09.2024  
The article was submitted on 13.08.2024;  
approved after reviewing on 09.09.2024; accepted for publication on 10.09.2024*

Научная статья

УДК 811.1

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-19-30

## **Языковые актуализаторы хеджирования в научных статьях по гуманитарным наукам**

**Ольга Александровна Богинская**

Иркутский национальный исследовательский  
технический университет  
Иркутск, Россия

olgaa\_boginskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9738-8122>

### *Аннотация*

На материале 120 русскоязычных статей по гуманитарным наукам исследуются языковые средства хеджирования, используемые для снижения категоричности высказываний и минимизации коммуникативных рисков. Актуальность исследования определяется современным пониманием научного дискурса как интерактивного, а не только информационного пространства. Такой подход требует выявления средств языка, которые помогают конструировать эффективный диалог с читателем и выражать рискоугрожающие коммуникативные интенции безопасным для автора способом. Цель работы – выявление языковых маркеров хеджирования, определение частотности их употребления и прагматических функций в корпусе текстов статей по гуманитарным наукам. Исследование выявило, что хеджирование актуализируется различными лексическими и лексико-синтаксическими средствами, наиболее продуктивными среди которых оказались наречия, глаголы и вводные конструкции.

### *Ключевые слова*

научный дискурс, научная статья, метадискурс, хеджирование, смягчение, синтаксические конструкции, лексические средства

### *Для цитирования*

Богинская О. А. Языковые актуализаторы хеджирования в научных статьях по гуманитарным наукам // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 19–30. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-19-30

## **Linguistic Hedges in Scientific Articles on Humanities**

**Olga A. Boginskaya**

Irkutsk National Research Technical University  
Irkutsk, Russian Federation

olgaa\_boginskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9738-8122>

### *Abstract*

*Purpose.* By using a corpus of 120 Russian scientific articles on humanities the study analyzed linguistic actualizers of hedging as a metadiscourse strategy contributing to the efficient communication between an author and a reader. The novelty of the study is determined by scarcity of metadiscourse studies on articles in Russian, while it is relevant due to the ongoing attempts to re-interpret the nature of academic discourse, which has been considered as an interactional rather than informational space. This approach determines the need to study linguistic tools that help to construct an efficient dialogue with the reader and present research results in a way that is appropriate in the scientific

© Богинская О. А., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 19–30  
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 19–30

community. The study aims to reveal lexical and lexico-syntactic hedges and determine their frequencies and functions in the corpus of scientific articles on humanities.

*Results.* It was demonstrated that hedging is an integral part of academic discourse, where it mitigates the categoricalness of author's claims by de-intensifying features under consideration, shifting the communicative focus to the emotional state or subjective nature of author's opinions, indicating the non-absolute nature of his statements, or presenting the statements as possible ones.

*Conclusion.* The analysis revealed hedging to be a crucial component of effective author-reader interaction, mitigating categorical statements and conveying a nuanced understanding of the research issue. Adverbs and verbs were the most prevalent lexical hedges, while introductory constructions played a significant role in the lexico-syntactic category. These findings emphasize the importance of hedging in creating a collaborative academic discourse space.

*Keywords*

academic discourse, scientific article, metadiscourse, hedging, mitigation, lexico-syntactic structures, lexical items

*For citation*

Boginskaya O. A. Linguistic Hedges in Scientific Articles on Humanities. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 19–30. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-19-30

Новый подход к определению научного дискурса как пространства самовыражения автора и взаимодействия с читателем требует анализа метадискурсивных стратегий, способствующих построению эффективного диалога с адресатом. С этой целью авторы часто прибегают к стратегии хеджирования, которая позволяет смягчить категоричность высказываний и тем самым улучшить коммуникацию с аудиторией.

Термин «хеджирование» был предложен Дж. Лакоффом, который определил хеджи как языковые единицы с расплывчатой семантикой [Lakoff, 1973]. Однако в лингвистической литературе хеджирование рассматривается не только как создание семантически размытых высказываний, но и как средство реализации принципа вежливости. Данный подход основывается на понятии лица, а хеджирование концептуализируется как способ выражения ликоугрожающих интенций безопасным для говорящего способом [Brown, Levinson, 1987]. Лицо – это коммуникативный образ, создаваемый говорящим в ходе взаимодействия с адресатом. В этом контексте хеджирование служит инструментом поддержания позитивного коммуникативного образа участников дискурса (лица), способствуя сохранению гармоничных взаимоотношений.

Следует отметить, что в целом ряде исследований хеджирование трактуется и как стратегия смягчения иллюкутивной силы категоричного высказывания [Fraser, 2010]. Данное определение является методологическим субстратом большинства исследований, в основу которых положен анализ языковых средств актуализации хеджирования в научном дискурсе, в том числе и представленного в данной работе. Хеджирование представляется эффективной дискурсивной стратегией, особенно ценной в гуманитарных исследованиях, где знание представляет собой суждение о свойствах тех или иных объектов, явлений или процессов, которое сформировалось у автора в ходе интерпретативного анализа. Будучи субъективным по своей природе, такой анализ не способен дать строгого знания. Напротив, знания, полученные опытным путем, требуют их категоричного представления, что исключает возможность использования средств хеджирования. Именно поэтому представители точных наук в большей степени склонны к безапелляционному выражению собственной точки зрения, представлению результатов исследования с опорой на эмпирические данные, а не на спекуляции. Так, на материале статей по экономическим, медицинским и техническим наукам Т. Варттала пришел к выводу о значительных различиях в способах актуализации хеджирования представителями различных отраслей знания, указав на преобладание данных метадискурсивных средств в экономических текстах [Varttala, 2001]. Междисциплинарный анализ провел и Н. Такимото, который сравнил частотность и функции хеджей в англоязычных статьях по гуманитарным, социальным и естественным наукам, выявив существенные различия: исследователь обнаружил, что представители социальных и гуманитарных наук гораздо чаще прибегали к хеджированию [Takimoto, 2015]. Н. Хауфику и Дж. Кангира также устано-

вили, что частотность хеджей в диссертациях детерминирована необходимостью соблюдения дисциплинарных норм письменной речи [Naufiku, Kangira, 2018].

В российской научной традиции хеджирование как метадискурсивная стратегия получила более скромное внимание: лишь небольшое количество исследователей занимаются способами смягчения иллокутивной силы категоричных высказываний. Примером подобных исследований являются работы Т. В. Лариной. Проанализировав англо- и русскоязычные научные рецензии, автор указала на различия в степени категоричности: русскоязычные рецензии оказались более категоричными, в отличие от сдержанных и конструктивных англоязычных текстов [Ларина, 2019].

Следует отметить, что в российской лингвистике чаще используется семантически тождественное хеджированию понятие некатегоричности. Данный термин, в частности, используется Н. С. Милянчук [1997], определившей его как придание высказыванию неокончательного характера. Исследователь отмечает, что для смягчения категоричности высказываний в русском научном дискурсе используются как лексические средства, так и синтаксические приёмы.

В работе Е. А. Рудкой и В. В. Звягиной [2018] некатегоричность определяется как придание высказыванию неокончательного характера. Исследователи выявили языковые средства смягчения категоричности высказывания и их функции в научных статьях по направлению «Механика». Е. Ю. Викторова связала категорию некатегоричности с проявлением неуверенности, предположительности, приблизительности, сомнения, а к основным средствам ее актуализации отнесла модальные слова и модальные выражения, модальные глаголы, модальные предикаты, маркеры приблизительности, допущения, меры и неопределенности [Викторова, 2016, с. 126–127]. Исследователь предположила, что в научном дискурсе маркеры некатегоричности преобладают над маркерами категоричности, что обусловлено нормами академического письма. Л. Б. Никитина и К. Ю. Малышкин отметили, что некатегоричность высказывания «связана с сомнениями, неуверенностью говорящего, недостаточной достоверностью излагаемых фактов, в связи с чем говорящий не склонен к однозначному выражению своего мнения» [Никитина, Малышкин, 2016, с. 24–25]. Кроме того, авторы связали некатегоричность с желанием говорящего не давить на адресата, не вызывать у него отрицательных эмоций в случае его несогласия с высказываемой точкой зрения с целью предотвращения конфликта.

Несмотря на имеющиеся исследования отечественных и зарубежных лингвистов, потенциал хеджирования как метадискурсивной стратегии, регулирующей взаимодействие автора и читателя в научном дискурсе, остается недостаточно изученным. Данное обстоятельство определяет научную новизну настоящего исследования, целью которого является количественный и качественный анализ языковых средств актуализации хеджирования в текстах гуманитарных научных статей.

Методологической основой настоящего исследования является понимание хеджирования как стратегии смягчения иллокутивной силы высказывания с целью корректного представления полученных результатов в соответствии с дисциплинарными конвенциями письма.

Материалом исследования послужили русскоязычные научные статьи по гуманитарным наукам, размещенные на сайтах российских журналов. Методом сплошной выборки были отобраны 120 статей. Количество слов в корпусе составило 413 245.

В корпус были отобраны статьи, опубликованные в следующих пяти научных журналах: *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Язык и литература*; *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология*; *Вестник Томского государственного университета. Филология*; *Жанры речи*; *Научный диалог*.

Анализ языковых средств хеджирования проводился с использованием количественных и интерпретативных методов в несколько этапов: 1) отбор и экспорт статей из электронных журналов в формат Microsoft Word; 2) выявление языковых средств хеджирования; 3) классификация хеджей по категориям (лексические и лексико-синтаксические средства) и подка-

тегориям; 4) контекстуальный анализ для уточнения прагматических функций хеджей; 5) подсчет частоты использования хеджей в каждой категории и подкатегории; 6) обобщение результатов.

В таблице обобщены результаты количественного анализа языковых средств хеджирования в исследуемом корпусе текстов.

Частотность лексических и лексико-синтаксических актуализаторов хеджирования  
Frequency of lexical and lexico-syntactic hedges

Категория	Частотность	Примеры из корпуса
<i>Лексические средства</i>	<i>661</i>	
Существительные	27	предположение, гипотеза, сомнение, догадка, возможность, вероятность
Прилагательные	34	возможный, вероятный, некоторый
Наречия	257	недостаточно, около, примерно, отчасти, иногда, порой, возможно, вероятно
Глаголы	232	полагать, представлять, думать, считать, казаться, мочь
Частицы	8	едва ли, вряд ли
Местоимения	67	мы, нам, наш
Вводные слова	36	вероятно, пожалуй, наверное, видимо, возможно, по-видимому, кажется
<i>Лексико-синтаксические средства</i>	<i>290</i>	
Конструкции с семантикой меры и степени	17	в какой-то мере, в известной степени, в определённой степени
Вводные конструкции	178	к сожалению, на мой взгляд, как представляется
Отрицательные конструкции	15	не совсем, не вполне
Конструкции, содержащие ссылки на источник информации	79	по мнению X., как считает X
<b>Всего</b>	<b>951</b>	

Исследование показало, что наиболее частотными языковыми средствами хеджирования в группе лексических средств являются наречия и глаголы, а в группе лексико-синтаксических средств – вводные конструкции.

Далее рассмотрим каждую категорию языковых средств более подробно, проиллюстрировав реализуемые ими функции примерами из корпуса.

*Существительные.* В исследуемом корпусе подкатегория существительных представлена двумя разновидностями: алетическими и эпистемическими.

Алетические существительные редуцируют категоричность высказываний путем указания на то, что автор представляет лишь один из возможных вариантов исследовательской позиции.

(1) На основании анализа текста лингвистическими методами *можно* лишь с большой долей *вероятности предполагать*, как данный текст и совокупность обсуждаемых языковых средств будут восприняты реципиентами и какой это дает эффект<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> [http://journals.tsu.ru/philology/&journal\\_page=archive&id=1832&article\\_id=41148](http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=1832&article_id=41148)

Алетическое существительное *вероятность* придает высказыванию меньшую категоричность. Кроме того, автором используются и другие средства хеджирования: модальный глагол *можно* и эпистемический глагол *предполагать*, что с очевидностью указывает на антидогматизм его научного мышления, проявляющийся в вероятностном когнитивном стиле и предполагающий стремление к поиску различных вариантов решения проблемы, каждый из которых не претендует на окончательность и истинность.

Эпистемические существительные смягчают категоричность высказываний путем перемещения высказывания в область возможного, недостоверного, нуждающегося в доказательствах. В приведенных примерах хеджи маркируют позицию авторов, обеспечивая возможность продуцирования высказываний в модусе догадки:

(2) Сделано *предположение*, что «гравированные гальки» из поселения карасукской культуры Торгажак эпохи поздней бронзы можно считать древними фетишами <sup>2</sup>;

(3) В этом исследовании мы выдвинем *гипотезу* о том, что эвфемизмы и дисфемизмы невозможно определить заранее <sup>3</sup>;

(4) В настоящей статье дан критический анализ таких аргументов, ставящий под *сомнение* использование стратифицированных памятников неолита этой системы в качестве эталонных <sup>4</sup>.

Переключение модальной характеристики из действительной в предположительную является довольно распространенным способом смягчения категоричности высказывания научного дискурса, поскольку модальность предположительности, сомнения служит более корректной формой утверждения в гуманитарных дисциплинах, чем модальность действительности. Заметим, что в последнем примере хедж используется для выражения оценки чужой деятельности, а также выражения несогласия с ранее выдвинутыми аргументами. Метадискурсивное средство позволят сделать так, чтобы читатель воспринял авторское возражение с минимальным ущербом для дальнейшего взаимодействия.

*Прилагательные.* В исследуемом корпусе данная лексико-грамматическая категория представлена алетическими прилагательными и прилагательными с семантикой неопределенности. В качестве иллюстрации приведем пример из корпуса.

(5) Не преуменьшая «крайнюю разнородность речевых жанров...», мы *считаем возможным* осторожно распространить принятую в мировой эстетической мысли типологию литературных родов на типологию РЖ <sup>5</sup>.

Как и алетические существительные, алетические прилагательные маркируют некатегоричность, указывая на одну из возможных исследовательских позиций. Функция модусного митигатора у прилагательного *возможный* снижает иллюкутивную силу высказывания. Использование первого лица усиливает митигацию, подчеркивая субъективность оценки. Таким образом, смягчение достигается сочетанием лексических средств: глагола эпистемической модальности и алетического прилагательного.

Прилагательные, обозначающие неопределенность, также способствуют созданию некатегоричных высказываний.

(6) Вместе с тем, характеризуя значения глаголов бегать и бежать, *некоторые* исследователи (В. Г. Гак, С. И. Ожегов) в качестве релевантного семантического признака отмечают указание на большую, чем при ходьбе, скорость передвижения <sup>6</sup>;

<sup>2</sup> <https://nguhist.elpub.ru/jour/article/view/331>

<sup>3</sup> [http://journals.tsu.ru/philology/&journal\\_page=archive&id=2218&article\\_id=50294](http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2218&article_id=50294)

<sup>4</sup> <https://nguhist.elpub.ru/jour/article/view/546>

<sup>5</sup> <https://zhanry-rechi.sgu.ru/ru/articles/o-tipologii-rechevyh-zhanrov-v-svete-teorii-literaturnyh-rodov>

<sup>6</sup> Филология. [http://journals.tsu.ru/sjp/&journal\\_page=archive&id=1318&article\\_id=24026](http://journals.tsu.ru/sjp/&journal_page=archive&id=1318&article_id=24026)

(7) Такая лексика создает *своеобразные* доверительные отношения между адресантом и адресатами <sup>7</sup>.

Семантический оператор, снижающий точность высказывания, ослабляет его категоричность. Деинтенсификация за счет семантики неопределенности делает высказывание менее категоричным.

*Наречия* – наиболее продуктивная категория хеджей в исследуемом корпусе. Самыми частотными оказались наречия меры и степени, снижающие точность высказывания:

(8) Новизна проведенного исследования заключается в аналитико-теоретическом и прикладном изучении *недостаточно* изученных и описанных вариантов русского жестового языка Восточной Сибири, а также в возможности их лингвистического документирования на основе электронно-материальной фиксации <sup>8</sup>.

Темпоральные наречия также использовались для смягчения категоричности, указывая на нерегулярность проявления признака. Наречие *порой* в следующем примере выражает умеренную интенсивность признака, о котором говорит автор:

(9) ...сам текст автографа *порой* имеет смысловую привязку к названию произведения <sup>9</sup>.

Наречия алетической модальности позволяют авторам представить критическое суждение как вероятное или альтернативное. Авторская точка зрения, выраженная с помощью алетического наречия, переносится из области факта в область вероятности, допуская тем самым альтернативные мнения.

(10) Новизна исследования состоит в разработке методики детального анализа, при помощи которого *возможно* будет обнаружить механизмы образования разного рода коллокаций <sup>10</sup>.

(11) Упоминание того, что какая-то категория субъектов является врагом названных ценностей или, например, того, что некоторое политическое решение принимается во имя этих ценностей, распространенный лейтмотив президентской риторики, *вероятно* играющий важную роль в легитимизации этих решений <sup>11</sup>.

*Глаголы*. В ходе анализа корпуса текстов были найдены две категории глаголов в роли актуализаторов хеджирования: глаголы эпистемической модальности и глаголы алетической модальности. Наиболее частотной оказалась первая группа. Приведем примеры из корпуса.

(12) *Полагаем*, что эти заболевания не были частыми спутниками кочевников-степняков <sup>12</sup>.

(13) Сегодня *представляется* актуальным найти наиболее оптимальный с языковедческой точки зрения метод интерпретации символа <sup>13</sup>.

(14) *Думается*, такую недалёковидность Бестужева можно объяснить его вынужденной изоляцией <sup>14</sup>.

Модусная модификация пропозиционального содержания смягчает категоричность высказывания, делая акцент на субъективности авторского мнения. Аксиологические предика-

<sup>7</sup> <https://nguhist.elpub.ru/jour/article/view/1331>

<sup>8</sup> <https://languagejournal.spbu.ru/article/view/12905>

<sup>9</sup> <https://zhanry-rechi.sgu.ru/ru/articles/rechevoy-zhanr-avtograf-avtora-na-knige>

<sup>10</sup> <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/185>

<sup>11</sup> [http://journals.tsu.ru/philology/&journal\\_page=archive&id=1832&article\\_id=41148](http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=1832&article_id=41148)

<sup>12</sup> <https://nguhist.elpub.ru/jour/article/view/459>

<sup>13</sup> [http://journals.tsu.ru/philology/&journal\\_page=archive&id=2309](http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2309)

<sup>14</sup> <https://languagejournal.spbu.ru/article/view/4740>

ты переносят утверждения в область возможного, связывая субъект и объект оценки [Вольф, 2014].

В приведенных примерах глаголы эпистемической модальности маркируют позицию авторов, обеспечивая возможность продуцирования высказываний в модусе альтернативы. С помощью таких лексических единиц авторы субъективируют свое мнение и смягчают иллокутивную силу высказываний, которые могут привести к конфликту и неприятию их читателем по причине категоричности.

Глаголы алетической модальности, указывающие на возможность / невозможность действия, являются менее малочисленной категорией в исследуемых статьях. Приведем пример.

(15) Результаты такого анализа *могут* найти применение в двуязычной лексикографии<sup>15</sup>.

Заменяя утверждение о положении дел предположением о его возможности, автор либо оставляет за читателем право преодоления нерешительности в оценке ситуации, либо защищает себя от возможных обвинений в категоричности оценки результатов исследования. Цель хеджирования в данном примере – показать, что необязательно выводы автора относительно применения результатов исследования являются верными: при определенных условиях результаты могут и не найти применения в указанной области. Таким образом, хедж, маркирующий модальность возможности, позволяет донести до читателя информацию о некатегоричности предлагаемой автором квалификации результатов исследования. Некатегоричное высказывание указывает на неокончателность выводов автора, формируя условия для дискуссии, предоставляя возможность уточнить или пересмотреть полученные результаты.

*Частицы.* Категория служебных частей речи, выполняющих функцию смягчения категоричности высказывания, представлена в корпусе частицами эпистемической модальности с семантикой сомнения.

(16) Что же касается персональных характеристик конкретных представителей циньского общества, то в данном случае говорить о них *вряд ли* правомерно<sup>16</sup>.

(17) Что касается перевода художественной литературы, то его оценка по N-граммному соответствию единиц *едва ли* может быть признана эффективной<sup>17</sup>.

В приведенных примерах в фокусе высказывания – семантика вероятности. В вероятностных высказываниях имплицитно присутствует автор, который далек от однозначного вывода. Комбинации частиц *вряд ли* и *едва ли* вносят в высказывание семантику сомнения, указывая на недостаток данных у автора для категоричного утверждения факта. Авторское мнение, выраженное с помощью этих частиц, основывается на неполной информации [Boginskaya, 2023]. Располагаясь на модальной шкале ближе к отрицанию, эти частицы являются эффективными средствами выражения некатегоричности, транслируя квалификативные реакции автора, отражающие его прагматически обусловленное мировосприятие [Нагорный, 2019]. Однако важно отметить, что их функция не сводится к простому выражению сомнения, а служит коммуникативным инструментом для передачи неуверенности, основанной на осознании неполноты информации.

*Местоимения.* Смягчению категоричности высказываний способствуют и личные местоимения во множественном числе, используемые вместо личных местоимений в единственном числе.

<sup>15</sup> <https://languagejournal.spbu.ru/article/view/9882>

<sup>16</sup> <https://nguhist.elpub.ru/jour/article/view/676>

<sup>17</sup> <https://languagejournal.spbu.ru/article/view/13508>

(18) Целью данной статьи является изучение просветительской деятельности омских врачей в конце XIX – начале XX веков, для достижения которой *мы* обратимся к вопросам, которые затрагивали лекторы в своих выступлениях<sup>18</sup>.

Местоимение *мы* присуще научному стилю русского языка и регулярно употребляется в статьях с единственным автором. К основным причинам употребления *мы* вместо *я* в русскоязычном научном дискурсе относят: проявление принципа вежливости, научного этикета [Гергокаева, 2008]; демонстрацию научной скромности автора [Гнездечко, 2005]; стремление позиционировать себя как представителя некоторой научной школы [Крапивкина, 2016]; стремление подчеркнуть, что работа является собирательным опытом автора и автор отдает должное трудам предшественников [Иванов, 1978].

*Вводные слова* с семантикой неуверенности (*вероятно, пожалуй, наверное, видимо, возможно, по-видимому, кажется* и т. д.) являются довольно частотными средствами снятия категоричности высказываний в научных статьях:

(19) *Пожалуй*, здесь сформулирована суть отношения сибирского областничества к творчеству Достоевского<sup>19</sup>.

В данном примере вводное слово *пожалуй* имплицитно, что автор пришел к определенному выводу в условиях дефицита времени на полноценный анализ, поэтому вывод может оказаться ошибочным и подлежит верификации.

(20) Кроме того, *по-видимому*, именно из этого района чеканы такого облика распространялись в Притяньшанье<sup>20</sup>.

Вводное слово *по-видимому* указывает на то, что высказывание отражает лишь возможный вариант решения проблемы и автор не исключает другие версии распространения чеканов.

### Лексико-синтаксические средства

*Конструкции с семантикой меры и степени*, ослабляющие выраженность оценочного признака, служат в гуманитарном дискурсе средством смягчения категоричности. Часто используются синтаксические конструкции с местоимениями и наречиями, обозначающими неопределенность, например: *в какой-то мере, в известной степени, в определённой степени*. Эти средства снижают категоричность оценки, указывая на ее неабсолютный характер.

(21) Субстратный подход к диалектному слову носит *в известной степени* условный характер<sup>21</sup>.

(22) Аспирация *в той или иной степени* присутствует в оттенках всех фонем<sup>22</sup>.

*Вводные конструкции*. Среди вводных конструкций, редуцирующих иллюкутивную силу высказывания, наиболее частотными в исследуемом корпусе оказались конструкции, выражающие эмоциональную оценку, и конструкции, указывающие на субъективный характер пропозиции:

(23) *К сожалению*, Д. А. Клеменц не владел хакасским языком, поэтому многие названия остались без должного перевода<sup>23</sup>;

<sup>18</sup> <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/4485>

<sup>19</sup> [http://journals.tsu.ru/philology/&journal\\_page=archive&id=1832&article\\_id=41154](http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=1832&article_id=41154)

<sup>20</sup> <https://nguhist.elpub.ru/jour/article/view/506>

<sup>21</sup> [http://journals.tsu.ru/philology/&journal\\_page=archive&id=1832&article\\_id=41146](http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=1832&article_id=41146)

<sup>22</sup> <https://nguhist.elpub.ru/jour/article/view/278>

<sup>23</sup> <https://nguhist.elpub.ru/jour/article/view/331>

(24) *На взгляд втора*, это может быть связано с тем, что ребенок не рассматривается в русской культуре как полноценный коммуникант<sup>24</sup>;

(25) ... в России свидетелей предупреждают об ответственности за дачу ложных показаний... что накладывает, *как представляется*, менее серьезный эмоциональный отпечаток<sup>25</sup>.

Стратегия хеджирования, актуализированная с помощью представленных вводных конструкций, позволяет смягчить интеракциональные параметры высказывания за счет смещения коммуникативного фокуса на эмоциональное состояние автора (23) или субъективную природу его точки зрения (24), (25).

(26) *По всей видимости*, в этот период на территории распространения большевистской культуры появились мастерские, ориентированные на изготовление крупных серий высокохудожественных отливок<sup>26</sup>.

Конструкция подразумевает, что вывод сделан на основе обобщения большого числа фактов. Как и в случае с вводным словом, высказывание лишается свойства безапелляционности, приобретая характер предположения.

*Отрицательные конструкции* также способствуют смягчению категоричности суждений:

(27) Однако *не совсем* справедливо называть кино вымышленной реальностью, поскольку вымышленным и «нереальным» можно назвать лишь сюжет кинофильма, но не то, как этот сюжет выстраивается и разворачивается в динамике видеоряда<sup>27</sup>.

Конструкции с отрицательной частицей «не» позволяют автору редуцировать интенсивность проявления оценочного признака и сигнализировать неабсолютный характер оценки результатов, полученных другими исследователями.

(28) В дискурс-историческом подходе такую категорию традиционно называют топосом, что, *по-видимому*, *не вполне* корректно<sup>28</sup>.

В данном примере отрицательная конструкция помогает смягчить иллюкативную силу категоричного суждения о корректности описания рассматриваемой автором категории. Кроме того, целям смягчения категоричности высказывания способствует и вводное слово *по-видимому*.

*Конструкции, содержащие ссылки на чужое мнение*. Смягчить категоричность высказываний и снять с автора ответственность за их истинность помогают конструкции, указывающие на источник информации, не имеющий отношения к автору.

(29) Организующим ритмическим принципом в стиле «плетения словес», *по мнению С. Матхаузерой*, является тот, который имеет место в геометрии орнамента<sup>29</sup>.

(30) Заметим, о «спасении» листа-человека (*как полагает Р. Измайлов* [Измайлов, 2008, с. 166]) у Бродского речи не идет<sup>30</sup>.

Ссылка на чужое мнение перемещает содержание в другое поле: автор перекладывает ответственность за истинность пропозиции на третьи лица, которые либо указываются, либо скрываются за глагольными конструкциями.

<sup>24</sup> <https://zhanry-rechi.sgu.ru/ru/articles/ob-obryadovyh-zhanrah-interneta-na-primere-pozdravitelnyh-tekstov-svyazannyh-s-poyavleniem>

<sup>25</sup> [http://journals.tsu.ru/philology/&journal\\_page=archive&id=2218&article\\_id=50292](http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2218&article_id=50292)

<sup>26</sup> <https://nguhist.elpub.ru/jour/article/view/46>

<sup>27</sup> [http://journals.tsu.ru/philology/&journal\\_page=archive&id=2218&article\\_id=50292](http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=2218&article_id=50292)

<sup>28</sup> [http://journals.tsu.ru/philology/&journal\\_page=archive&id=1832&article\\_id=41148](http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=1832&article_id=41148)

<sup>29</sup> <https://www.nauka-dialog.ru/jour/issue/viewIssue/96/32>

<sup>30</sup> Там же.

В настоящем исследовании предпринята попытка анализа языковых актуализаторов хеджирования в корпусе гуманитарных научных статей с целью выявления особенностей коммуникативного взаимодействия автора и читателя в рамках академического дискурса.

Хеджирование является неотъемлемой составляющей научного гуманитарного дискурса и представляет собой метадискурсивную стратегию, выполняющую функции смягчения категоричности высказывания путем деинтенсификации признака, смещения фокуса высказывания на эмоциональное состояние или субъективный характер мнения автора, указания на неабсолютный характер авторской оценки, перемещения высказывания в область возможного, что способствует конструированию эффективного диалога с читателем, сигнализирует стремление автора к поиску различных вариантов решения проблемы, каждый из которых не претендует на окончательность и истинность.

Исследование выявило, что хеджирование в научных статьях актуализируется с помощью различных лексических и лексико-синтаксических средств, наиболее продуктивными среди которых оказались наречия, глаголы и вводные конструкции.

Эффективное использование стратегии хеджирования в научных статьях является не просто формальностью, но и важнейшим показателем прагматической компетентности автора, демонстрирует осознание автором многогранности изучаемого вопроса и стремление к построению открытого диалога с читателем. Таким образом, использование хеджей свидетельствует о глубоком понимании норм академического письма и способствует не только ясности, но и большей убедительности исследования.

Анализ хеджирования на материале расширенного корпуса гуманитарных научных статей позволит получить более репрезентативные данные и подтвердить или опровергнуть выводы данного исследования. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется и сравнительный анализ хеджирования в различных гуманитарных дисциплинах, а также диахроническое изучение эволюции стратегий хеджирования в научном дискурсе. Особый интерес представляет исследование влияния хеджирования на восприятие и интерпретацию научных текстов читателями.

### Список литературы

- Викторова Е. Ю.** Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и специфики функционирования: Дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2016. 617 с.
- Вольф Е. М.** Функциональная семантика оценки. М.: Либроком, 2014. 284 с.
- Гергокаева Д. Д.** Эгоцентризм лингвистического дискурса (на материале русского, английского, карачаево-балкарского языков): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 181 с.
- Гнездечко О. Н.** Авторизация научного дискурса: коммуникативно-прагматический аспект (на материале англоязычных статей современных европейских и американских лингвистов): Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2005. 175 с.
- Иванов В. В.** Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Просвещение, 1978. 174 с.
- Крапивкина О. А.** Языковые средства экспликации субъекта дискурса // Вестник Вят. гос. ун-та. 2016. № 1. С. 71–74.
- Ларина Т. В.** Эмоции и вежливость в стиле анонимной научной рецензии // Актуальные проблемы стилистики. 2019. № 5. С. 40–46.
- Милянчук Н. С.** Средства выражения некатегоричности высказывания в научном стиле речи // Социально-экономические и политические процессы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: Материалы и тез. докладов к Междунар. науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 107–108.
- Нагорный И. А.** Грамматико-коммуникативные функции русских частиц в речевой сфере // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 38 (3). С. 369–378.

- Рущкая Е. А., Звягина В. В.** Некатегоричность в научных статьях технической тематики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-2 (90). С. 371–375.
- Boginskaya O. A.** Russian lexical and syntactic hedges in dissertation reviews // *Russian Language Studies*. 2023. Vol. 21 (1). P. 18–32.
- Brown P., Levinson S.** *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1987. 360 p.
- Fraser B.** Pragmatic Competence: the Case of Hedging // *New Approaches to Hedging*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2010. P. 15–34.
- Haufiku N., Kangira J.** An Exploration of Hedging and Boosting Devices Used in Academic Discourse Focusing on English Theses at the University of Namibia // *Studies in English Language Teaching*. 2018. Vol. 6 (1). P. 1–11.
- Lakoff J.** The logic of politeness: Or, minding your p's and q's // Corum C. (ed.). *Papers from the 9<sup>th</sup> Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1973. P. 292–305.
- Takimoto M.** A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles // *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. 2015. Vol. 5 (1). P. 95–105.
- Varttala T.** *Hedging in Scientifically Oriented Discourse: Exploring Variatio*. Tampere: Uni. of Tampere Press, 2001. 342 p.

### References

- Boginskaya O. A.** Russian lexical and syntactic hedges in dissertation reviews. *Russian Language Studies*, 2023, vol. 21 (1), pp. 18–32.
- Brown P., Levinson S.** *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1987, 360 p.
- Fraser B.** Pragmatic Competence: the Case of Hedging. In: *New Approaches to Hedging*. Bingley, Emerald Group Publishing Limited, 2010, pp. 15–34.
- Gergokaeva D. D.** Egotsentrizm lingvisticheskogo diskursa (na materiale russkogo, angliiskogo, karachaevo-balkarskogo yazykov) [Egocentrism of linguistic discourse (on the material of Russian, English, Karachay-Balkarian languages)]. Cand. of Philol. Sci. Diss. Moscow, 2008, 181 p. (in Russ.)
- Gnezdechko O. N.** Avtorizatsiya nauchnogo diskursa: kommunikativno-pragmaticheskii aspekt (na materiale angloyazychnykh statei sovremennykh evropeiskikh i amerikanskikh lingvistov) [Authorization of scientific discourse: communicative-pragmatic aspect (based on English-language articles by modern European and American linguists)]. Cand. of Philol. Sci. Diss. Kiev, 2005, 175 p. (in Russ.)
- Haufiku N., Kangira J.** An Exploration of Hedging and Boosting Devices Used in Academic Discourse Focusing on English Theses at the University of Namibia. *Studies in English Language Teaching*, 2018, vol. 6 (1), pp. 1–11.
- Ivanov V. V.** Chet i nechet. Asimetriya mozga i znakovykh sistem [Even and odd. Asymmetry of the brain and sign systems]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1978, 174 p. (in Russ.)
- Krapivkina O. A.** Yazykovye sredstva eksplikatsii sub"ekta diskursa [Language means of explication of the subject of discourse]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of Vyatka State University*], 2016, vol. 1, pp. 71–74. (in Russ.)
- Lakoff J.** The logic of politeness: Or, minding your p's and q's. In: *Papers from the 9<sup>th</sup> Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, Chicago Linguistic Society, 1973, pp. 292–305.
- Larina T. V.** Emotion and politeness in the style of blind peer-review. *Aktual'nye problemy stilistiki* [*Actual problems of stylistics*], 2019, vol. 5, pp. 40–46. (in Russ.)
- Milyanchuk N. S.** Sredstva vyrazheniya nekategoričnosti vyskazyvaniya v nauchnom stile rechi [Means of expressing the noncategoricalness of an utterance in a scientific style of speech]. In:

- Social'no-ekonomicheskie i politicheskie processy v stranah Aziatsko-Tihookeanskogo regiona [Socio-economic and political processes in the countries of the Asia-Pacific region]. Vladivostok, Far Eastern Uni. Press, 1997, pp. 107–108. (in Russ.)
- Nagorny I. A.** Grammatiko-kommunikativnye funktsii russkikh chastits v rechevoi sfere [Grammatical-communicative functions of the Russian particles in the speech sphere]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series], 2019, vol. 38 (3), pp. 369–378. (in Russ.)
- Rutskaya E. A., Zvyagina V. V.** Nekategorichnost' v nauchnykh stat'yakh tekhnicheskoi tematiki [Non-categoricity in technical scientific articles]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 2018, vol. 12-2 (90), pp. 371–375. (in Russ.)
- Takimoto M.** A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 2015, vol. 5 (1), pp. 95–105.
- Varttala T.** Hedging in Scientifically Oriented Discourse: Exploring Variatio. Tampere, Uni. of Tampere Press, 2001, 342 p.
- Viktorova E. Yu.** Vspomogatel'naya sistema diskursa: problemy vydeleniya i spetsifiki funktsionirovaniya [Auxiliary system of discourse: problems of identification and specifics of functioning]. Cand. of Philol. Sci. Diss. Saratov, 2016, 617 p. (in Russ.)
- Volf E. M.** Funktsionalnaya semantika otsenki [Functional semantics of assessment]. Moscow, Librokom, 2014, 284 p. (in Russ.)

### Информация об авторе

**Ольга Александровна Богинская**, доктор филологических наук  
Scopus Author ID 56049693200  
SPIN 1370-7025

### Information about the Author

**Olga A. Boginskaya**, Doctor of Sciences (Philology)  
Scopus Author ID 56049693200  
SPIN 1370-7025

*Статья поступила в редакцию 25.05.2023;  
одобрена после рецензирования 29.11.2023; принята к публикации 30.11.2023  
The article was submitted on 25.05.2023;  
approved after reviewing on 29.11.2023; accepted for publication on 30.11.2023*

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-31-41

## **Словообразование и заимствование номинаций лица в интернет-дискурсе (на материале данных речевого узуса и словарей интернет-языка)**

**Анна Аркадьевна Жиравовская**

Новосибирский государственный университет  
Новосибирск, Россия

a.zhirakovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7546-9748>

### *Аннотация*

Представлены результаты структурно-семантического анализа номинаций лица, функционирующих в интернет-дискурсе. Деривационная парадигма, в рамках которой проанализированы 145 лексем (состав картотеки определен на основе речевых и лексикографических источников), предусматривает использование морфемного, морфонологического, словообразовательного и семантического методов. Установлены основные способы пополнения лексикона номинаций лица: 35,8 % единиц – заимствования; 64,2 % – русские дериваты. Практически все заимствования в картотеке – англицизмы, уникальны случаи заимствования из японского языка (2 лексем из 52). Образование номинаций лица на базе русского языка происходит посредством семантической деривации, аффиксации, словосложения, сращения, фонетического усечения. Суффиксация оказывается наиболее продуктивным способом (доля суффиксальных дериватов – 66 %, выделено 13 различных формантов, образующих неологизмы со значением ‘человек’).

### *Ключевые слова*

номинации лица, личные существительные, интернет-дискурс, заимствование, словообразование, способ словообразования, семантическая деривация

### *Для цитирования*

*Жиравовская А. А.* Словообразование и заимствование номинаций лица в интернет-дискурсе (на материале данных речевого узуса и словарей интернет-языка) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 31–41. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-31-41

## **Word Formation and Borrowing of Person Nominations in Internet Discourse (Based on Speech Usage Data and Internet Language Dictionaries)**

**Anna A. Zhirakovskaya**

Novosibirsk State University  
Novosibirsk, Russian Federation

a.zhirakovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7546-9748>

### *Abstract*

*Purpose.* The article presents the results of a structural-semantic analysis of person nominations functioning in Internet discourse. Based on speech and lexicographic sources, the composition of the card index was determined – 145 slang personal nouns. The analysis of speech material was carried out within the framework of the derivational para-

© Жиравовская А. А., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 31–41  
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 31–41

digm, which involves the complex use of several methods – morphemic, morphonological, word-formational and semantic.

*Results.* The analysis of lexical material allowed to establish the main ways of replenishing the lexicon of person nominations. Thus, 35.8 % of units are borrowings, and 64.2 % are Russian derivatives. Almost all borrowings in the card index (50 out of 52 lexemes) are Anglicisms; cases of borrowing from the Japanese language are unique. A third of the units in in the card index (44 words) are neolexemes that is, new phonetic units with new semantics. The formation of person nominations on the basis of the Russian language occurs through semantic derivation, affixation, compounding, fusion, and phonetic truncation.

*Conclusion.* Suffixation turns out to be the most productive way of producing personal nouns (the share of suffixal derivatives is 66 %, 13 different formants form neologisms with the meaning ‘person’ have been identified). The other methods of word formation listed earlier are less relevant in Internet discourse.

*Keywords*

person nominations, personal nouns, Internet discourse, borrowing, word formation, method of word formation, semantic derivation

*For citation*

Zhirakovskaya A. A. Word Formation and Borrowing of Person Nominations in Internet Discourse (Based on Speech Usage Data and Internet Language Dictionaries). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 31–41. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-31-41

В языковой картине мира человек традиционно предстает мыслящим и действующим существом; его стремление характеризовать себя и других участников коммуникации по различным параметрам обуславливает тенденцию к образованию номинаций лица (далее – НЛ<sup>1</sup>), под которыми понимается пласт субстантивной лексики со значением ‘человек’ / ‘делец’.

В «типологическом» аспекте НЛ рассматриваются в работе Н. В. Рындиной [2002], классифицирующей единицы по способу их «вхождения» в русский язык. Исследователь выделяет непроемные НЛ (например, термины родства), заимствования (*геймер, модератор*), семантические (*чайник* ‘новичок в каком-л. деле’, *хомячок* ‘интернет-пользователь, знания которого неглубоки’) и словообразовательные дериваты (*айтишник, косплеищик*) [Там же].

В исследовании Н. О. Труфановой [2006] проводится сопоставление способов и средств образования НЛ в русском и английском подязыке экономики. Наиболее регулярны лексико-синтаксический (сращение) и морфолого-синтаксический (конверсия) способы, а специфическим является «заимствование и калькирование англоязычных лексических единиц, а также образование максимально мотивированных многокомпонентных наименований» [Там же, с. 4]. Отмечено, что заимствования составляют 18 % от всей картотеки. НЛ, состоящие из двух слов, актуальны для обоих языков, а НЛ из трех-четырех слов свойственны русскому языку (например, *руководитель среднего звена* – англ. *middle manager, эксплуататор воздушного судна* – англ. *aircraft operator*).

Собственно деривационному аспекту НЛ посвящено исследование З. И. Минеевой [2017], в котором описаны характерные для данной лексики способы аффиксального и семантического словообразования, а также словосложение, аббревиация, усечение и конверсия (автор использует термин «транспозиция»). З. И. Минеева анализирует словообразовательные модели, по которым строятся единицы. Исследователь указывает, что «деривационная активность русских агентивов... проявляется в разнообразии способов словообразования и богатстве используемых деривационных моделей...» [Там же, с. 36].

В отличие от других коммуникативных сфер, в интернет-дискурсе отражены наиболее регулярные деривационные процессы, что обусловлено его универсальностью: интернет-общение – «глобальный способ коммуникации», объединяющий «наибольшее количество участников» [Назарова, 2010, с. 149]. В связи с масштабным развитием виртуальной коммуникации формируется новый корпус НЛ, являющихся результатом деривационных процес-

<sup>1</sup> Данное сокращение часто используется в исследованиях личных существительных, например, у Н. В. Рындиной [2002], Н. О. Труфановой [2006].

сов (*чатовец, ЭКОшка, сисадмин*) или ассимиляции иноязычной лексики (*юзер, казуал, инфлюенсер*).

Функционирующие в интернете НЛ постепенно получают лексикографическую фиксацию в специальных толковых словарях, например, в «Кратком словаре интернет-языка...» под редакцией С. Г. Шулежковой (КС, 2012) или «Словаре языка интернета.ру» под редакцией М. А. Кронгауза (СЯИ, 2018).

Цель нашего исследования – выделить и описать актуальные способы пополнения лексико-семантической группы НЛ, функционирующих в интернет-дискурсе.

На первом этапе исследования из двух словарей (КС и СЯИ) методом сплошной выборки была составлена картотека НЛ. В нее вошли 39 лексем из КС и 24 – из СЯИ. С учетом фиксации 12 лексем в обоих словарях уникальный словник представлен 51 номинацией.

На втором этапе были проанализированы данные речевого узуса (привлекались электронные ресурсы: *babyplan.ru* – форум, посвященный планированию беременности и воспитанию детей, *otvet.mail.ru* – проект-форум платформы @mail, на котором пользователи сети могут задать интересующий вопрос, *dtf.ru* – форум о компьютерных играх). Это позволило расширить картотеку на 94 НЛ, актуальные для трех страт пользователей глобальной сети: молодежи (молодежный сленг – МС), сообщества молодых мам (далее – СММ) и геймеров (сленг геймеров – СГ). На основе речевых и лексикографических источников определен состав картотеки – 145 сленговых номинаций лица.

При семантическом и словообразовательном анализе некоторых единиц мы обращались к «Большому толковому словарю русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (БТС, 2000)<sup>2</sup> и Словарю молодежного сленга Т. Г. Никитиной (Никитина, 2007).

Основным в исследовании является метод лингвистического описания. Деривационная парадигма, в рамках которой проведен анализ речевого материала, предусматривает использование морфемного, морфонологического, словообразовательного и семантического методов.

Многоаспектный анализ лексического материала интернет-дискурса позволил установить основной «инструментарий» расширения лексикона НЛ: 35,8 % единиц – заимствования, а 64,2 % – русские дериваты. Рассмотрим и опишем подробнее эти группы НЛ.

### Заимствование номинаций лица в интернет-дискурсе

В связи с интеграцией различных языковых культур в интернет-дискурсе возрастает доля заимствований (52 лексемы нашей картотеки – собственно **заимствования**). Практически все заимствования в нашей картотеке (50 из 52 лексем) являются англицизмами, например: *анонимус* (англ. *anonymous*); *бро* (англ. *bro*) ‘друг, товарищ’; *зумер* (англ. *zoomer*) ‘тот, кто родился в период с 2003 г. и по настоящее время, представитель молодежи’; *инфлюенсер* (англ. *influencer*) ‘тот, чье мнение является важным для многих людей’; *фолловер* (англ. *follower*) ‘подписчик’; *френд* (англ. *friend*) и др. Регулярность заимствований из английского языка обусловлена его международным статусом: процесс «англоязычной экспансии... характеризующийся активным развитием международных контактов в различных областях общественной жизни... способствовал повышению роли английского языка в мире...» [Григоренко, 2012, с. 49].

К заимствованиям мы также относим НЛ, имеющие спорный статус, в частности существительные на *-ep-*, например: *майнер* (англ. *miner*), *стример* (англ. *streamer*) *хейтер* (англ. *hater*) и др. Заимствованный из английского суффикс *-ep- / -ëp-* функционирует в русском языке как самостоятельная морфема, но в приведенных примерах, он скорее является структурным элементом заимствования (ср.: *дотер* ← *Дота* ‘название компьютерной игры’ (англ. *Dota*), *тацгер* ← *тащить*, *флешмобер* ← *флешмоб*).

<sup>2</sup> Кроме того, была использована онлайн-версия словаря 2014 г.: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 14.10.2023).

Две лексемы МС являются заимствованиями из японского языка: *кун* [япон. 君] ‘милый и / или симпатичный парень’ и *тян* [япон. ちゃん] ‘милая и / или симпатичная девушка’. В японском языке *кун* и *тян* функционируют как диминутивные суффиксы, добавляемые к мужским и женским именам собственным в качестве маркеров неформального отношения (их использование гендерно ориентировано: *кун* используется с существительными мужского рода, а *тян* – женского, что объясняет прагматику потребления и в русском языке).

При анализе неологизмов в сфере НЛ можно классифицировать их не только по принадлежности к языку-источнику, но и по характеру заимствования. Так, О. В. Григоренко считает целесообразным разграничение:

- 1) *неолексем* – в языке-реципиенте фиксируется новая фонетическая единица с новой семантикой;
- 2) *неосемем* – в языке-реципиенте заимствованию присваивается новое значение под влиянием языка-источника;
- 3) *устойчивых сочетаний слов* – при калькировании словосочетаний или сложных слов [Григоренко, 2012, с. 51].

Почти треть единиц нашей картотеки (44 слова) – *неолексемы*, например: *газлайтер* (англ. *gaslighter*) ‘тот, кто оказывает психологическое давление на собеседника’; *коуч* (англ. *coach*); *краш* (англ. *crush*) ‘тот, кто является предметом обожания’; *модератор* (англ. *moderator*); *нуб* (англ. *noob*) ‘новичок в интернете, который не знает правил поведения, задает глупые вопросы и т. п.’

Верифицируя данные единицы в языке-источнике, мы обращались к толковому словарю английского языка (CALD, 2023), а также к сервису Google Books Ngram Viewer (GBNV). Например, слово *читер* зафиксировано в CALD в значении ‘a person who behaves in a dishonest way in order to win or get an advantage’ (CALD, 2023). В английском языке пик употребительности лексемы приходится на 2017 г., что, вероятно, связано с актуализацией в электронной коммуникации.

Четыре номинации нашей картотеки в английском языке являются устойчивыми словосочетаниями: *Dead Inside* (транскрипция *дединсайд / дед инсайд*), *Grammar Nazi* (транслитерация *граммар-наци*), *lj user* от *Live Journal user* (в транскрипции передается фонетический облик английского сочетания и используется «обыгрывание» – *лже-юзер*), *topic starter* (транслитерация *топикстартер* или аббревиатура *ТС* (от англ. *TS*)).

Наряду с неолексемами, в нашем материале выявлены *неосемемы*, например: *лемминг* (англ. *lemming* ‘an animal that looks like a large mouse...’). В английском интернет-дискурсе популярна фраза *like lemming* ‘in a silly way, without thinking, and in large numbers’), что объясняет новое значение слова в русском языке – ‘человек, интересы и знания которого неглубоки...’

Рассмотрим еще один пример неосемемы. Будучи единицей лексикона компьютерных игр, лексема *хилер* стала «достоянием» сленга геймеров, где используется в значении ‘2. Игрок, который выполняет роль целителя’ (образована от англ. *Healer* ‘1. A person who has the power to cure ill people without using ordinary medicines’, ‘2. A person or thing that heals’). Таким образом, семантический объем ранее заимствованных существительных может обогащаться семемами, которые формируются у оригинальных слов, т. е. в языке-источнике.

Заимствование как способ пополнения арсенала НЛ распространено в молодежном и геймерском сленге, но не актуально для «мамского языка»: его носители предпочитают непривычным иностранным словам традиционные словообразовательные дериваты.

В процессе ассимиляции иноязычной лексики иногда происходит транспозиция, например: глагол *crush* ‘раздавить’ → сущ. *краш* ‘тот, кто является предметом обожания’; прил. *old* ‘старый’ → сущ. *олд* ‘тот, кто не понимает интересов молодежи’.

### Семантические дериваты со значением ‘лицо’ в интернет-дискурсе

В нашей картотеке 93 номинации – это собственно неологизмы русского языка, часть из которых семантические дериваты. Так, 10 слов (6,8 %) – полисеманты, вторичные значения которых сформировались в условиях интернет-дискурса. Агентивное значение формируется в результате метафоризации, метонимизации или специализации. Метафорическим является значение лица у 5 лексем (табл. 1).

Нетипичный случай семантической деривации демонстрируют омонимы *рак*<sup>1</sup> и *рак*<sup>2</sup>. М. А. Кронгауз считает, что в интернет-дискурсе это слово сначала имело значение ‘захват тренда новичками, не понимающими правил’ (актуализировалась аналогия «с раковой опухолью, которая постепенно разрастается») (СЯИ, 2018, с. 106).

В языке геймеров номинация *рак*<sup>2</sup> ‘плохой, безнадежный игрок’, соотносимо с *рак*<sup>1</sup> ‘покрытое панцирем пресноводное беспозвоночное животное’. В этом случае геймеры акцентируют внимание на неповоротливости новичков (отсюда ассоциация рук с клешнями) (СЯИ, 2018, с. 107). Следовательно, семантика омонимов развивается по индивидуальной траектории и дает различные результаты.

Метонимическими являются ЛСВ сущ. *анрег* (‘1. Состояние, в котором кто-л., что-л. является незарегистрированным где-л.’ → ‘2. Незарегистрированный посетитель веб-сервиса’ (КС, 2012)), соответствующий модели {СОСТОЯНИЕ → ЧЕЛОВЕК, НАХОДЯЩИЙСЯ В СОСТОЯНИИ}, и *эникей* (КС, 2012), значения которого связаны другим типом смежности – {ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ → СУБЪЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ}.

Специализация отмечена в развитии семантики слов *падонак* (‘1. Разг. бранное. Низкий, подлый человек’ → ‘2. Представитель движения падонков (самоназвание субкультуры, нацеленной на отрицание культурных норм)’ (КС, 2012; СЯИ, 2018)) и *штрих* (‘1. Неодобр. Человек, который ведет себя вызывающе’ → ‘2. Парень / мужчина, который готов замарать руки в криминальных делах либо просто ведет себя вызывающе’ (Никитина, 2007)), в которых содержание социально неодобряемой деятельности конкретизировано.

Окказиональную семантизацию иллюстрирует слово *пекарь*, являющееся в сленге геймеров обозначением сугубо профильной деятельности, не связанной с приготовлением хлеба, – ‘Тот, кто играет в компьютерные игры, используя персональный компьютер (ПК)’. Это значение – результат обыгрывания внутренней формы *пекарь* и буквенной аббревиатуры ПК ‘пэка’, что в целом нетипично для образования новой лексики, даже в маргинальных номинативных областях.

### Словообразовательные дериваты со значением ‘лицо’ в интернет-дискурсе

В результате структурного анализа выявлено 83 НЛ (57,2 %), образованных с помощью аффиксации, словосложения и сращения.

1. Наиболее продуктивным способом в сфере НЛ интернет-дискурса оказывается **суффиксация** (61 ЛЕ (42 %)), например: *айти* → *айтишник* (СЯИ, 2018; КС, 2012), *минус* → *минусер* ‘тот, кто ставит кому-либо множество негативных, влияющих на рейтинг, оценок’ (КС, 2012); *чат* → *чатовец* ‘участник общения в режиме реального времени...’ (КС, 2012); а также единицы речевого узуса, например «мамского» сленга: *август* → *августенок*, *годовалый* (ребенок) → *годовасик*, *овуляция* → *овуляшка* и др.

В ходе деривационного анализа выявлено 13 словообразовательных формантов, актуальных для НЛ в интернет-дискурсе. Перечислим суффиксы в табл. 2, указывая количество лексических единиц (приводятся отдельные примеры) с ними.

Таблица 1

## Номинации лица интернет-дискурса, образованные путем метафоризации

Table 1

## Persons' nominations of Internet discourse formed through metaphorization

Лексема	Значение		Способ образования	Пример употребления
	прямое	переносное		
<i>Варезник</i> (КС, 2012)	1. Веб ресурс, основным предназначением которого является размещение взломанных программ (вареза)	2. Тот, кто занимается созданием и распространением пиратского программного обеспечения (вареза)	Сем. деривация, метафора {АРТЕФАКТ → ЧЕЛОВЕК}	С добрым утром друзья, товарищи, <b>варезники!!!</b> (nmm.ru)
<i>Рак</i> (СЯИ, 2018)	<i>РАК</i> <sup>1</sup> 1. Покрытое панцирем пресноводное беспозвоночное животное (БТС, 1998)	2. Плохой, безнадёжный игрок 3. Некомпетентный или низкосортный собеседник*	Сем. деривация, метафора {ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК} Вторичная сем. деривация, генерализация ЛСВ <sub>2</sub>	... <b>раки</b> не считают себя новичками в области, пытаясь вжиться в игровую среду... (subersport.ru)
<i>Любик</i> (интернет-ресурс)	<i>РАК</i> <sup>2</sup> 1. Злокачественная опухоль в организме (БТС, 1998)	2. Захват тренда новичками, не понимающими правил	Сем. деривация, метафора {ФИЗИЧЕСКИЙ МИР → АБСТРАКЦИЯ}	Вам нравятся парни <b>любики?</b> (otvet.mail.ru)
<i>Хомячок</i> (КС, 2012; СЯИ, 2018)	1. Металлическая, пластмассовая трубочка для полужидких веществ (БТС, 1998) <i>хомяк</i> : 1. Небольшой грызун с толстым неуклюжим телом и развитыми защёчными мешками (БТС, 1998)	2. Худой неуверенный в себе парень 18–25 лет 2. Обыватель; интернет-пользователь, интересы и знания которого неглубоки	Сем. деривация, метафора {АРТЕФАКТ → ЧЕЛОВЕК}	Что же волнует среднего нестатистического <b>хомячки</b> ...? (ruatnicup.ru)
<i>Эникей</i> (КС, 2012)	1. Любая кнопка клавиатуры	2. Мелкая работа по обслуживанию компьютера, не требующая профессиональных знаний 3. Человек, который выполняет мелкую работу по обслуживанию компьютера	Сем. деривация, метафора {АРТЕФАКТ → АБСТРАКЦИЯ} Вторичная сем. деривация, метонимия {ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ → СУБЪЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ}	Ищу работу специали- стом техподдержки, настройщиком интер- нета, <b>эникеем</b> ... (tvvet.mail.ru)

Таблица 2

Суффиксальные форманты в номинациях лица

Table 2

Suffixal formants forming persons' nominations

№ п/п	Суффикс	Род	Количество НЛ	Примеры лексических единиц
1	-ер-	муж.	13	<i>пранкер</i> 'тот, кто разыгрывает окружающих, записывая их реакцию' (Никитина, 2007); <i>таицер</i> 'умелый игрок, обеспечивающий успех всей команде' (СГ); <i>флешмобер</i> 'участник флешмоба (спланированной массовой акции)' (Никитина, 2007) и др.
2	-енок-	муж.	13	<i>июленок</i> 'ребенок, родившийся в июле' (СММ); <i>кесаренок</i> 'ребенок, родившийся при помощи кесарева сечения' (СММ); <i>мартенек</i> 'ребенок, родившийся в марте' (СММ) и др.
3	-ник-	муж.	7	<i>ГВшник</i> 'младенец на естественном (грудном) вскармливании (СММ); <i>очкошник</i> 'тот, кто излишне переживает и всего боится' (Никитина, 2007); <i>фидошник</i> 'пользователь любительской сети Фидонет' (СЯИ, 2018) и др.
4	-щик-	муж.	7	<i>банщик</i> 'тот, кто накладывает ограничения (бан) на возможность реализации кем-л. своих функций в рамках определённого веб-ресурса' (КС, 2012); <i>бодипозитивщик</i> 'последователь бодипозитива' (Никитина, 2007); <i>консолец</i> 'тот, кто играет в компьютерные игры с помощью игровой консоли' (СГ) и др.
5	-к-	жен.	7	<i>ванилька</i> 'мечтательная девушка, характеризующаяся тонкой душевной организацией' (СЯИ, 2018); <i>няшка</i> 'кто-л. милый, приятный в общении' (СЯИ, 2018; КС, 2012); <i>ЭКОшка</i> 'ребенок, зачатый путем искусственного оплодотворения' (СММ) и др.
6	-ик-	муж.	4	<i>годовасик</i> 'годовалый ребенок' (СММ); <i>челик</i> 'человек' (Никитина, 2007); <i>дединсайдик</i> 'уменьш. к дединсайд (пессимист, переживающий без весомого повода)' (Никитина, 2007)
7	-очк- / -ечк-	жен.	3	<i>беременношечка</i> 'беременная женщина' (СММ); <i>тяночка</i> 'милая и / или симпатичная девушка' (Никитина, 2007); <i>хочушечка</i> 'женщина, страстно жаждущая ребенка и активно пытающаяся забеременеть' (СММ)
8	-анин- / -янин-	муж.	2	<i>сетянин</i> 'пользователь глобальной сети' (Никитина, 2007); <i>чатланин</i> 'участник чата (виртуальной беседы)' (КС, 2012)
9	-ак-	муж.	1	<i>читак</i> 'игрок, использующий запрещённое программное обеспечение или чит-коды' (СГ)
10	-ец-	муж.	1	<i>чатовец</i> 'участник чата (виртуальной беседы)' (КС, 2012)
11	-л-	общ.	1	<i>душилла</i> 'тот, с кем сложно общаться из-за его занудства, излишней педантичности...' (Никитина, 2007)
12	* -лог-	муж.	1	<i>сутолог</i> 'беспокойный водитель, которому свойствен агрессивный, экстремальный стиль вождения' (Никитина, 2007)
13	-ус-	муж.	1	<i>личинус</i> 'маленький капризный ребенок, который вызывает раздражение' (Никитина, 2007)

В список суффиксальных дериватов включаем производное *суеолог* с аффиксоидом *-лог-*. Номинация создана по аналогии с названиями человека по специальности (*биолог, геолог, стоматолог*), но непосредственная мотивация областью деятельности в этом случае отсутствует (нет *\*суеология*), словообразовательная пара демонстрирует чересступенчатую деривацию: *суета / суетиться* → [*суеология*] → *суеолог*.

Суффиксальная деривация – продуктивный способ образования НЛ в СММ. Например, с помощью диминутивных суффиксов образуются номинации малышей или беременных женщин. Так, от мотиванта *беременный* образуются уменьшительно-ласкательные существительные *беременяшка, беременюшечка, беремущка*. Характерной для данной социальной страты является деривационная модель {название месяца + *-енок-* → ребенок, рожденный в этом месяце}, которой соответствуют 12 слов: *ноябренок, декабренок, январенок* и пр.

2. Результатом **словосложения** являются 15 производных (10,3 %), например: *трололо* ← *троль* + *ололо* ‘смеховая реакция’ (‘тот, кто размещает провокационные материалы в сети с целью травли’), *пузожитель* ← *жить в пузе* (сложно-суффиксальный), *сурмама* ← *сур(рогатная) мама* и др.

В МС наиболее актуальна аббревиация, причем на основе узуально устойчивого словосочетания, например: *любимый человек* → *ЛЧ*; *молодой человек* → *МЧ*, *системный администратор* → *сисадмин* (КС, 2012), *ЧСВ* ‘оппонент, страдающий, по мнению говорящего, нарциссизмом’ (СЯИ, 2018). Последняя единица образована от трехкомпонентного словосочетания *чувство собственной важности* (ср.: *человек с ЧСВ* и просто *ЧСВ*): *Сестре будет 12 лет и она ЧСВ... ставит свои интересы выше интересов других людей...* (otvet.mail.ru).

3. Шесть единиц (4,1 %) – результат **фонетического усечения** производящей основы: *админ(истратор)* → *админ* ‘администратор компьютерной сети или веб-ресурса’ (КС, 2012); *анон(имный)* (пользователь сети) → *анон* ‘пользователь, скрывающий свое имя’ (СЯИ, 2018) (происходит транспозиция); *разраб(отчик)* (компьютерных игр) → *разраб* (СГ); *ре(бенок)* → *ре* (СММ), *чел(овек)* → *чел* (МС).

Слово *кэп* (*Капитан Очевидность* (англ. *Capitan Oblivious*, сокр. *capt.*) ‘тот, кто говорит очевидные вещи’ (СЯИ, 2018; КС, 2012) – результат сложения по типу универбации (сокращается второй компонент устойчивого словосочетания) и фонетического усечения (усечению подвергается не слово *капитан*, а его английская транскрипция (совпадает со словом *capt.* ‘капитан судна’ из профессионального сленга моряков)).

4. Результатом **сращения** является производное *яжемать* (СЯИ, 2018) (от популярной в сети фразы «Я же мать»), которая на многих тематических форумах используется как главный аргумент в спорах женщин, агрессивно защищающих своих детей и требующих для себя привилегий.

Несмотря на специфичность коммуникации в Интернете, расширение в нем состава НЛ происходит традиционными для русского языка способами: через заимствование лексических единиц или путем семантической и словообразовательной деривации, которые различаются только по характеру и частотности воспроизведения (см. рисунок).

Словообразовательный и семантический анализ НЛ, используемых в виртуальной коммуникации, подтверждает динамический характер именного словообразования. Новые слова и значения включаются в активную деривационную систему и становятся мотиваторами для производных «второго порядка»: *няшка* ‘милый, приятный, очаровательный’ → *няшечка, някать, няшиться*; *тян* → *тянка, тяночка*; *чатланин* ‘участник беседы посредством сервиса мгновенных сообщений’ → *чатланка*.

В большинстве случаев мотивирующей основой являются заимствованные ранее корни, а словообразовательные цепочки формируются благодаря использованию русских суффиксов, что усиливает роль суффиксации при образовании НЛ в интернет-дискурсе.



Продуктивность словообразовательных способов номинации лица в интернет-языке  
The productivity of derivational ways of persons' nomination in the Internet language

На основе проведенного на материале интернет-дискурса анализа 145 сленговых НЛ выявлены способы количественного расширения лексико-семантической группы личных существительных. Виртуальная коммуникация позволяет носителям различных языков обмениваться речевым опытом, преодолевая любое расстояние. Результат подобной интеграции – не теряющий актуальности процесс заимствования единиц, существенную долю (35,8 %) которых составляют англицизмы.

Сегодня повсеместно, в том числе и в глобальной сети, обсуждаются пугающие масштабы заимствования, однако проведенное исследование демонстрирует, что словообразовательная система русского языка радикально не изменяется даже в интернет-дискурсе. В составе лексико-семантической группы НЛ 93 слова из 145 (64,2 %) образованы на базе собственно русских единиц, по моделям традиционного словообразования (доля суффиксальных дериватов – 66 %). Менее актуальны для образования личных имен в интернет-дискурсе словосложение, срращение, фонетическое усечение и семантическая деривация.

Пополнение лексического состава НЛ связано с процессами технологической модернизации разных сфер жизни человека, а также с глобальной тенденцией формирования общего культурного и языкового пространства в Интернете.

### Список литературы

- Григоренко О. В.** Иноязычные заимствования со значением лица в русском языке конца XX – начала XXI в. // Вестник ИГЛУ. 2012. № 3 (20). С. 47–54.
- Минеева З. И.** Активные процессы в деривации неоагентов в современном русском языке (1850–2016 гг.): структурно-семантический и прагматический аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород: Петрозавод. гос. ун-т, 2017. 42 с.
- Назарова Л. В.** Гипертекст и интернет-дискурс // Текст – Дискурс. Гипертекст – Интернет-дискурс: Сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. С. 137–159.
- Рындина Н. В.** Типология номинаций лица в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2002. 18 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/tipologiya-nominatsii-litsa-v-sovremennom-angliiskom-yazyke> (дата обращения 09.12.2023).

**Труфанова Н. О.** Проблема номинации лиц в финансово-экономической терминологии: на материале русского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 25 с.

### Список источников и словарей

- СЯИ – **Кронгауз М. А.** Словарь языка интернета.ru / Под ред. М. А. Кронгауза. М.: Изд-во «Словари XXI века», 2018. 288 с.
- БТС – Большой толковый словарь / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 14.10.2023).
- Никитина Т. Г.** Молодежный сленг: толковый словарь: более 12 000 слов, свыше 3 000 фразеологизмов. М.: Астрель: АСТ, 2007. 910 с.
- КС – **Хайдарова В. Ф.** Краткий словарь интернет-языка: ок. 350 ед. / Под ред. С. Г. Шулежковой. М.: Флинта: Наука, 2012. 328 с.
- CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge Uni. Press & Assessment, 2023. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (дата обращения 09.12.2023).
- GBNV – Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams/> (дата обращения 03.12.2023).

### References

- Grigorenko O. V.** Inoyazychnye zaimstvovaniya so znacheniem litsa v russkom yazyke kontsa XX – nachala XXI v. [Borrowed Words with a Meaning of a Person in the Russian Language of the End of 20<sup>th</sup> – the Beginning 21<sup>st</sup> Century]. *Vestnik IGLU [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University]*, 2012, no. 3 (20), pp. 47–54. (in Russ.)
- Mineeva Z. I.** Aktivnye protsessy v derivatsii neoagentivov v sovremennom russkom yazyke (1850–2016 gg.): strukturno-semanticheskii i pragmaticheskii aspekty [Active Processes in the Derivation of Neoagentives in Modern Russian (1850–2016): Structural-semantic and Pragmatic Aspects]. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. Nizhny Novgorod, Petrozavodsk State Uni. Press., 2017, 42 p. (in Russ.)
- Nazarova L. V.** Gipertekst i internet-diskurs [Hypertext and Internet discourse]. In: *Tekst – Diskurs. Gipertekst – Internet-diskurs [Text – Discourse. Hypertext – Internet discourse]*. Collection of scientific articles. St. Petersburg, SPbSUEF Press, 2010, pp. 137–159. (in Russ.)
- Ryndina N. V.** Tipologiya nominatsii litsa v sovremennom angliiskom yazyke [Typology of person nominations in modern English]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, MSRU Press, 2002, 18 p. (in Russ.) URL: <https://www.dissercat.com/content/tipologiya-nominatsii-litsa-v-sovremennom-angliiskom-yazyke> (accessed 09.12.2023).
- Trufanova N. O.** Problema nominatsii lits v finansovo-ekonomicheskoi terminologii: na materiale russkogo i angliiskogo yazykov [The problem of nominating persons in financial and economic terminology: based on the Russian and English languages]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2006, 25 p. (in Russ.)

### List of Sources and Dictionaries

- Krongauz M. A.** Slovar' yazyka interneta.ru [Internet Language Dictionary.ru]. Moscow, Slovarei XXI veka Publ., 2018, 288 p. (in Russ.)
- Kuznetsov S. A.** (comp. and ed.). Bol'shoi tolkovyi slovar' [Large explanatory dictionary]. St. Petersburg, 1998, 1534 p. (in Russ.) URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed 14.10.2023).

**Nikitina T. G.** Molodezhnyi sleng: tolkovyi slovar': bolee 12 000 slov, svyshe 3 000 frazeologizmov [Youth slang: explanatory dictionary: more than 12,000 words, over 3,000 phraseological units]. Moscow, Astrel' : AST Publ., 2007, 910 p. (in Russ.)

**Khaidarova V. F.** Kratkii slovar' internet-yazyka: ok. 350 ed [Concise Internet Language Dictionary: approx. 350 units]. Ed. by S. G. Shulezhkova. Moscow, FLINTA (Nauka) Publ., 2012, 328 p. (in Russ.)

Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge Uni. Press & Assessment, 2023. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (accessed 09.12.2023).

Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams/> (accessed 03.12.2023).

### Информация об авторе

**Анна Аркадьевна Жираковская**

WoS Researcher ID MСJ-9857-2025

### Information about the Author

**Anna A. Zhirakovskaya**

WoS Researcher ID MСJ-9857-2025

*Статья поступила в редакцию 20.12.2023;  
одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 24.01.2024  
The article was submitted on 20.12.2023;  
approved after reviewing on 22.01.2024; accepted for publication on 24.01.2024*

Научная статья

УДК 811.161.1'42; 070

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-42-53

## **Прецедентный антропоним «Наполеон» как средство конструирования медиаобразов европейских политиков**

**Ольга Николаевна Кондратьева**<sup>1</sup>

**Елизавета Евгеньевна Юрьева**<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Кемеровский государственный университет  
Кемерово, Россия

<sup>1</sup> Olnik25@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9469-3634>

<sup>2</sup> Ur.lee@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4331-2499>

### *Аннотация*

Рассмотрены особенности использования прецедентного антропонима «Наполеон» в моделировании медиаобразов двух современных политиков – Э. Макрона и В. Зеленского. Материалом послужил корпус российских медиатекстов, обработанный с помощью лексико-семантического, дистрибутивного и фреймового анализа. Выявлены и описаны дифференциальные признаки антропонима «Наполеон», используемые российскими массмедиа для характеристики европейских политиков. Установлено, что наиболее востребованными являются признаки, связанные с их возрастом, политическими амбициями и агрессией в отношении России. Продемонстрировано, что апелляции к образу Наполеона позволяют массмедиа акцентировать внимание на наиболее ярких чертах Э. Макрона и В. Зеленского, а также спрогнозировать финал их политической карьеры в случае дальнейшего противостояния с Россией и реализации необдуманных политических проектов.

### *Ключевые слова*

медиалингвистика, политическая лингвистика, имагология, медиаобраз, дискурсивное конструирование, прецедентный антропоним, Наполеон

### *Для цитирования*

Кондратьева О. Н., Юрьева Е. Е. Прецедентный антропоним «Наполеон» как средство конструирования медиаобразов европейских политиков // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 42–53. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-42-53

## **Precedent Anthroponym “Napoleon” as a Means of Constructing Media Images of European Politicians**

**Olga N. Kondratyeva**<sup>1</sup>, **Elizaveta E. Yurieva**<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Kemerovo State University  
Kemerovo, Russian Federation

<sup>1</sup> Olnik25@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9469-3634>

<sup>2</sup> Ur.lee@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4331-2499>

### *Abstract*

*Purpose.* The article examines the usage peculiarities of the universal precedent anthroponym “Napoleon” by the Russian mass media in the process of modeling media images of two modern European politicians – the French President Emmanuel Macron and the Ukrainian President Vladimir Zelensky.

© Кондратьева О. Н., Юрьева Е. Е., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 42–53

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 42–53

*Results.* A corpus of the Russian media texts including more than 500 contexts serve as the material for the analysis. The texts were scrutinised with the help of lexical-semantic, distributional and frame methods to identify and describe the differential features of the precedent anthroponym “Napoleon”. These features coming from three frames (“Anthropometric and Physiological Characteristics”, “Personal Characteristics” and “Social Characteristics”) are regularly used by the Russian mass media to characterize European politicians.

*Conclusion.* It is established that the most popular stereotypical ideas about Napoleon used in the Russian mass media while constructing media images of E. Macron and V. Zelensky are associated with Napoleon’s short stature, young age of coming to power, exorbitant political ambitions, aggression towards Russia and defeat at Waterloo. It is demonstrated that numerous appeals to the image of the French emperor allow the mass media not only to focus attention on the most striking personal and professional traits of European leaders who are ideological opponents of Russia, but also to predict the sad demise of their political career in case of further confrontation with Russia and the implementation of ill-considered political projects.

*Keywords*

media linguistics, political linguistics, imagology, media image, discursive construction, precedent onym, Napoleon

*For citation*

Kondratyeva O. N., Yurieva E. E. Precedent Anthroponym “Napoleon” as a Means of Constructing Media Images of European Politicians. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 42–53. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-42-53

В настоящий момент проблема конструирования медиаобразов политиков приобретает особую значимость, поскольку судьба субъектов политической коммуникации в значительной степени зависит от того, как их деятельность освещается в массмедиа, какое впечатление о политиках и их политической программе, политической и общественной деятельности формируется у потребителей медиаконтента (потенциальных избирателей), которые зачастую не имеют возможности прямой, непосредственной коммуникации с политиками и целиком полагаются на информацию, предлагаемую массмедиа. Иными словами, именно массмедиа задают векторы, по которым будут в дальнейшем формироваться впечатление о политиках и отношение к ним социума. Конструируя образ политика, массмедиа, исходя из идеологической повестки дня и редакционной политики, тщательно осуществляют отбор информации, высвечивая, актуализируя одни профессиональные и личностные особенности политика и оставляя без внимания или притеняя другие, что позволяет создать более яркий, объемный, но в значительной степени стереотипный образ.

С этой целью массмедиа активно используют разнообразные языковые средства и приемы. Объектом рассмотрения лингвистов регулярно становятся *оценочная и экспрессивно окрашенная лексика* (см. [Виниченко, Петрова, 2023; Захарова, Скривел, 2022; Филиппова С., Филиппова В., 2021] и др.), *стилистические средства и приемы* [Ирисмамбетова, 2018], *метафоры* (см. [Барышникова, Дубинина, 2019; Михневич, 2020] и др.), используемые массмедиа для конструирования медиаобразов политиков, также анализируются связи создаваемых медиаобразов со значимыми для современной информационной повестки *концептами и идеологемами* (см. [Егорова, 2020; Коцюбинская, Кузина, 2021; Хабаров, 2022] и др.).

Вне поля исследовательского внимания незаслуженно остается роль в конструировании медиаобразов политиков прецедентных онимов (антропонимов, топонимов, астронимов и т. д.), которые также довольно часто используются с этой целью мировыми и национальными массмедиа. Прецедентные имена хорошо известны целевой аудитории, кроме того, они значимы для определенной культурной группы, соответственно, их использование при конструировании медиаобразов политиков позволяет массмедиа добиться максимального воздействующего эффекта. В статье впервые рассматривается роль прецедентного антропонима (как основного репрезентанта одноименного концепта) в формировании медиаобразов европейских политиков.

Для конструирования медиаобразов современных политиков массмедиа регулярно апеллируют к именам политиков прошлого, оставивших существенный след в мировой истории. Одним из таких государственных деятелей является Наполеон Бонапарт (1769–1821), имя которого во многих странах мира стало прецедентным. Прецедентное имя представляет собой «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, отно-

сящимся к числу прецедентных (напр., Обломов, Тарас Бульба), или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (Иван Сусанин, Колумб), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (Моцарт, Ломоносов)» [Гудков, 2003, с. 108]. Прецедентный антропоним «Наполеон» хорошо известен большинству европейцев, в том числе и большинству россиян, что позволило Е. А. Нахимовой отнести его к группе «глобально прецедентных» [Нахимова, 2011, с. 82].

Цель предлагаемой статьи – рассмотреть роль прецедентных антропонимов в конструировании медиаобразов политиков. Поставленная цель достигается в процессе описания особенностей использования глобально прецедентного антропонима «Наполеон» в конструировании медиаобразов двух европейских политиков – президента Франции Эмманюэля Макрона и президента Украины Владимира Зеленского.

Обращение к этим политическим персонажам обусловлено несколькими факторами: во-первых, это два молодых амбициозных политика (на момент баллотирования на пост президента Эмманюэлю Макрону было 40 лет, а Владимиру Зеленскому – 41), что нетипично для должности подобного уровня; во-вторых, их деятельность до вступления в должность не была связана с политикой, они являются «политическими новичками»; в-третьих, в их победу на выборах никто не верил, но благодаря активной работе предвыборных штабов они одержали уверенную победу; в-четвертых, оба реализуют конфронтационную внешнюю политику, соответственно, обращение к данным фигурам позволит в перспективе вписать проблему конструирования медиаобразов политиков в проблематику информационно-психологической войны.

Материалом исследования послужили статьи в печатных и электронных российских масс-медиа за период с 2017 (с момента избрания Э. Макрона на пост президента Франции) по 2023 г. (Э. Макрон и В. Зеленский продолжают деятельность в качестве глав своих государств). Используются материалы наиболее авторитетных изданий, среди которых «Комсомольская правда», «Известия», «Коммерсантъ», «Сноб», «Евразия Daily», «РИА Новости», «Русское агентство новостей», «Газета.ru», «Дни.ру», «Сегодня.ру», «Украина.ру», «Царьград», «NewsFront», «Regnum», «lenta.ru» и др., а также текстовые версии передач телеканалов и радио (НТВ, Россия 24, Телеканал 360°, Радио «Спутник» и др.). Источником материала послужили: 1) полнотекстовая база данных Polpred.com. Обзор СМИ; 2) газетный подкорпус Национального корпуса русского языка; 3) служба автоматической обработки и систематизации новостей Яндекс.Дзен (ранее – «Яндекс.Новости»). Проанализировано более 500 контекстов. Сбор языкового материала осуществлялся с применением корпусного метода, а для его описания использовались лексико-семантический, дистрибутивный и фреймовый анализ. Также был использован метод контент-анализа, позволяющий определить частотность выявленных дифференциальных признаков. В процессе статистической обработки материала использовалась процентная характеристика признаков с их последующим ранжированием.

Любой прецедентный антропоним является репрезентантом одноименного концепта и обладает сложной структурой, его ядро «составляют дифференциальные признаки, апелляции к которым наиболее частотны, а периферию – атрибуты» [Гудков, 2003, с. 139]. Обращение к прецедентному антропониму «Наполеон» на материале русского, английского и французского языков [Богоявленская, Буженинов, 2015; Елисеева, 2010; Нахимова, 2007] позволило лингвистам выстроить структуру идеализованной когнитивной модели прецедентного имени (концепта) «Наполеон», «представляющую собой перечень актуализированных дифференциальных признаков, учитывающую как случаи денотативного, так и коннотативного употребления прецедентного имени» [Богоявленская, Буженинов, 2015, с. 139]. В первом случае прецедентные антропонимы используются в прямом значении, т. е. указывают непосредственно на денотат и содержат характеристику Наполеона Бонапарта, при коннотативном употреблении речь идет о личностях, обладающих определенным сходством (статус, биография, поведение и т. д.) с французским императором. Все дифференциальные признаки когни-

тивной модели прецедентного имени (концепта) «Наполеон» выявляются авторами при обобщенном анализе медийного дискурса, т. е. без привязки к ситуациям и личностям, для характеристики которых они использовались, и ранжируются по частотности.

В предлагаемом исследовании рассматривается использование прецедентного антропонима «Наполеон» в медиатекстах, посвященных двум европейским лидерам – президенту Украины Владимиру Зеленскому и президенту Франции Эмманюэлю Макрону, устанавливается, какие именно дифференциальные признаки используются российскими массмедиа при конструировании медиаобразов обозначенных политиков, выявленные характеристики группируются во фреймы, представляющие собой узловые блоки в сформированных медиа-образах.

В процессе исследования установлено, что наиболее активно при конструировании медиаобразов Э. Макрона и В. Зеленского российские массмедиа используют дифференциальные признаки прецедентного антропонима «Наполеон», относящиеся к трем фреймам: «Антропометрические и физиологические характеристики», «Личностные характеристики» и «Социальные характеристики».

**Фрейм 1. «Антропометрические и физиологические характеристики».** В рамках данного фрейма сгруппированы дифференциальные признаки, отражающие наиболее типичные представления о внешнем облике французского императора, его возрасте, состоянии здоровья и семейном положении.

1. **Дифференциальный признак «Человек, похожий внешне на Наполеона»** (Э. Макрон – 2 %, В. Зеленский – 5 %). Российские массмедиа акцентируют внимание на внешнем сходстве Э. Макрона и В. Зеленского с французским императором. Для этого используются лексемы *похож, сходство, напоминает, вылитый, один в один* и др.: *Не один на-поле-он. Макрон решил подражать еще и Трампу. Он вышел ростом и лицом <...> И ну вылитый Наполеон* (РИА Новости, 2018); *По мнению комментаторов, новый аватар Эмманюэля Макрона в виде обрамленного круглой рамкой профиля напоминает изображения монархов на древних монетах. <...> Среди активных комментаторов нового фото президента нашлись и те, кто записал его в потомки Наполеона* (Top.news.ru, 2019); *«Вылитый Наполеон»: фото Зеленского на обложке Time обсуждают в Сети* (mirtesen.ru, 2022); *Украинский генерал нашел сходство Зеленского с Наполеоном* (ИА Хакассия, 2022).

2. **Дифференциальный признак «Человек в треуголке, сюртуке»** (Э. Макрон – 5 %, В. Зеленский – 3 %). Непомерные амбиции европейских политиков метафорически характеризуются в российских массмедиа посредством упоминания атрибутов одежды французского императора, широко известных благодаря живописи и кинематографу, и в итоге создается отсылка к образу Наполеона. Подобную функцию выполняют лексемы *треуголка, сюртук, мундир, эполеты* и др.: *По приглашению своего французского коллеги Макрона, пока безуспешно пытающегося примерить на себя треуголку Наполеона Бонапарта, бывший комедиаант прибывает в Париж* (Дагестанская правда, 2023). *...надевает мундир Наполеона и воображает себя им, но Зеленскому не хватает ума понять, что его используют* (RB Новости, 2022).

3. **Дифференциальный признак «Человек невысокого роста».** (Э. Макрон – 1 %, В. Зеленский – 4 %). Широко распространенным является стереотип о небольшом росте французского императора, данной особенностью традиционно объясняют его комплексы и значительные амбиции. На языковом уровне этот дифференциальный признак реализуется посредством лексем и устойчивых выражений *маленький, карлик, невысокий, низкий, ростом не вышел* и т. п.: *Маленький сверхчеловек. Эксперты о предрасположенности Зеленского к желанию казаться царём положения* (Дагестанская правда, 2022); *Генерал СБУ: Карлик Зеленский – это Гитлер, страдающий комплексом Наполеона* (Политнавигатор, 2019); *На Наполеона Зеленский похож лишь ростом, считает Москаль. В действительности украинский лидер не способен к длительному умственному напряжению* (Утро, 2022).

В случае Э. Макрона, рост которого чуть больше (170 см), прямые указания на небольшой рост французского политика в российских массмедиа отсутствуют, представлены только немногочисленные метафоры, в частности для характеристики его политических амбиций используются лексемы и устойчивые сочетания *подставка*, *возвыситься над толпой*, *прыгнуть выше головы*: *Вот так выглядит попытка прыгнуть выше головы: Эмманюэль Макрон на подставке. Колонизаторские инстинкты и комплекс Наполеона не дают покоя: пытается возвыситься над толпой* (ТВЦ, 2023).

4. **Дифференциальный признак «Политик, пришедший к власти в молодом возрасте»** (Э. Макрон – 8 %, В. Зеленский – 1 %). Как уже было отмечено, Э. Макрон и В. Зеленский добились президентского поста в достаточно молодом возрасте, что позволяет массмедиа проводить параллели между ними и французским императором. Основным маркером названного признака является прилагательное *молодой*, зачастую используемое в сравнительной или превосходной степени (*молодой*, *моложе*, *очень молодой*, *самый молодой* и др.): *Моложе только Наполеон: чего ждать от нового французского лидера* (РБК, 2017); *39-летний Макрон стал «самым молодым главой Франции после Наполеона Бонапарта»* (Sputnik, 2017).

Два дифференциальных признака связаны с состоянием здоровья (прежде всего психического) французского императора. Это дифференциальные признаки «Человек, страдающий манией величия» и «Психически неуравновешенный / нездоровый человек».

5. **Дифференциальный признак «Человек, страдающий манией величия»** (Э. Макрон – 7 %, В. Зеленский – 10 %). В психологии и медицине закрепился термин, связанный с личностью французского императора, – «комплекс / синдром Наполеона», обозначающий высокомерную, властную, манеру поведения, стремление завоевать весь мир, являющиеся результатом стремления преодолеть чувство неполноценности из-за малого роста. В массмедиа языковыми маркерами данного дифференциального признака являются устойчивые сочетания *комплекс Наполеона / наполеоновский комплекс*, *мания величия*, *политический нарцисс*: *Президент Франции Эммануэль Макрон, который ратует за новые антироссийские санкции, страдает очевидным «комплексом Наполеона»* (Sputnik, 2022); *...«политический нарцисс», и готов появляться где угодно, где есть возможность продемонстрировать самого себя, великого и непревзойдённого политика, практически «нового французского Наполеона» – Эммануэля Макрона* (Украина.ру, 2023); *У Зеленского «комплекс Наполеона»*. Этот «маленький вояка» – просто марионетка Вашингтона (Российская газета, 2023); *Комплекс Наполеона и раздвоение личности – Оскар Кучера назвал две главные проблемы украинского лидера Владимира Зеленского* (5-ТВ, 2021).

6. **Дифференциальный признак «Психически неуравновешенный / нездоровый человек»** (Э. Макрон – 0 %, В. Зеленский – 14 %). Данный признак используется российскими массмедиа только при конструировании медиаобраза В. Зеленского, подобным образом эксплицируются непродуманные политические планы и решения украинского президента, имеющие негативные последствия как для его страны, так и для мирового социума. В качестве языковых маркеров выступают лексемы и словосочетания, обозначающие отклонения в психической сфере, например, *психобольная*, *безумие*, *сумасшедший*, *бредить*, *утратить связь с реальностью*, *слететь с катушек* и др.: *Зеленский – это человек, по сравнению с которым Наполеон Бонапарт выглядит умеренным человеком с точки зрения своего эгоизма и безумия* (Общественная служба новостей, 2023); *По мнению жителей Германии, после визита в США 21 декабря, Зеленский совсем утратил связь с реальностью. Он похож на сумасшедшего Наполеона* (Про Город Казань, 2022); *Один из них назвал Зеленского «новым Наполеоном с Украины». Второй же отметил, что ему постепенно начинает казаться, что украинский лидер теряет связь с реальностью* (Царьград, 2022).

7. **Дифференциальный признак «Человек, женатый на женщине старше него»** (Э. Макрон – 9 %, В. Зеленский – 0 %). Жозефина Богарне, супруга французского императора, была старше него на шесть лет. Разница в возрасте у четы Макрон еще более значительна,

Брижит старше своего супруга на 24 года, что также дает основание для сопоставления двух французских политиков, языковыми маркерами выступают единицы *старше* и *геронтофил*: *Макрон, как и Бонапарт, женился на женщине много старше себя* (Газета Культура, 2018); *Макрон, как и Наполеон, трансформатор, реформатор, молодой, да и вообще у них много общего. Они оба геронтофилы* (medialeaks.ru, 2017). Названный признак не используется при характеристике В. Зеленского, поскольку он и его супруга являются ровесниками.

**Фрейм 2. «Личностные характеристики».** В данном фрейме представлены дифференциальные признаки, отражающие характерные особенности личности французского императора.

1. **Дифференциальный признак «Амбициозный, честолюбивый человек, рвавшийся к власти»** (Э. Макрон – 9 %, В. Зеленский – 7 %). Одна из основных характеристик, приписываемых Наполеону, – это непомерные амбиции, безграничное стремление к власти. Вполне логично, что подобные характеристики используются для конструирования медиаобразов политиков, достигших высоких государственных постов в молодом возрасте и продолжающих активно строить свою политическую карьеру. На языковом уровне названный дифференциальный признак проявляется в использовании массмедиа лексем *амбиции / амбициозный, власть / властный, честолюбие / честолюбивый* и подобных: *Близится символическая дата для Эммануэля Макрона – сто дней на посту главы государства. Президент невольно напрашивается на аналогю с Наполеоном Бонапартом. Молодой и амбициозный политик, расчетливый стратег, который за считанные месяцы заработал огромную популярность и с триумфом въехал в Елисейский дворец...* (МК, 2017); *Имперские амбиции (ведь в этой стране каждый воображает себя Наполеоном) позволяют Эммануэлю Макрону мутить воду на Южном Кавказе* (Vesti, 2023); *Однако Зеленский может позволить себе сейчас практически все <...> И это открывает для него очевидные соблазны укрепления личной власти – своего рода бонапартистские настроения* (Украина.ру, 2019).

Устойчивое выражение «наполеоновские планы», традиционно используемое для обозначения ‘несбыточных мечтаний, завышенных планов’, также активно используется российскими массмедиа для характеристики политической деятельности Э. Макрона и В. Зеленского: *Наполеоновские планы – станет ли Макрон центральной фигурой в Европе?* (Яндекс.Дзен, 2022); *Наполеоновские планы президента Зеленского, высказанные в речи сегодня перед депутатами ВРУ* (Яндекс.Дзен, 2020).

2. **Дифференциальный признак «Харизматичная личность»** (Э. Макрон – 2 %, В. Зеленский – 4 %). Личное обаяние французского императора во многом предопределило его политический успех. Подобные особенности приписываются и успешным европейским политикам, для этого используются лексемы *обаяние / обаятельный, харизма / харизматичный: Очаровательный и амбициозный Макрон: политический путь и личная жизнь* (news.ru, 2021); *Наполеона играет Вова Зеленский. Мне кажется, это лучший комедийный Наполеон, которого только можно было найти. Во-первых, он безумно похож. Во-вторых, он безумно обаятелен* (Яндекс.Дзен, 2021).

3. **Дифференциальный признак «Жестокий диктатор, тиран, деспот»** (Э. Макрон – 5 %, В. Зеленский – 2 %). Французский император отличался излишней требовательностью и жестокостью, проецируя эту характеристику на европейских политиков, массмедиа используют лексемы *жестокий, агрессивный, диктатор, тиран: Можно было бы смягчить курс правительства в сфере пенсионной реформы, но Макрон на это никогда не пойдет, пытаясь играть в «жесткого лидера», некоего «наполеона» современной Европы* (Военное обозрение, 2023); *46-летний Эммануэль Жан-Мишель Фредерик Макрон, политик с манерами цивилизованного диктатора, судя по всему, действительно возомнил себя Наполеоном Бонапартом* (Naqin, 2023); *Президент Украины Владимир Зеленский планирует проводить агрессивную политику в стране, превращаясь в «очередного Наполеона»* (Украина.ру, 2019).

**Фрейм 3. «Социальные характеристики».** В данный фрейм входят дифференциальные признаки, связанные с основными социальными ролями Наполеона Бонапарта, вошедшего в историю как сильный правитель, смелый реформатор и талантливый полководец.

1. **Дифференциальный признак «Политический лидер, который внес значительный вклад в укрепление государства, повышение его международного авторитета»** (Э. Макрон – 8 %, В. Зеленский – 3 %). Названный дифференциальный признак репрезентируется лексемами *правитель, вождь, лидер, властитель, дуче, центральная фигура: Стараются новый Наполеон, радеет за страну. А вот и очередная попытка Франции выбиться в лидеры западного мира, создание трибунала для России, этакий новый «нюрнбергский процесс» для военных преступников* (Яндекс.Дзен, 2022); *Учитывая происходящие на мировой политической арене события, Эммануэль Макрон возомнил себя Наполеоном и решил ввести Францию под его руководством в число таких супердержав, как США, Россия, Китай* (Vesti, 2023); *Макрон глядит в Наполеоны: удастся ли французскому президенту стать новым лидером Европы* (Комсомольская правда, 2022).

Стоит отметить, что российские массмедиа отражают не только стремления Э. Макрона и В. Зеленского вывести свои страны на новый уровень, но и их несоответствие выбранной политической роли. Особенно ярко это проявляется применительно к В. Зеленскому, на это указывают выражения *примерил роль, строит из себя* и т. д. в сочетании с названными лексемами *властелин, дуче* и подобными: *И теперь, когда Зеленский, игравший Наполеона, начинает строить из себя дуче (в переводе с итальянского «вождь» – титул, который носил Бенито Муссолини, глава Национальной фашистской партии Италии) и воображать, что он может все, в том числе действовать вопреки конституции, – то это, безусловно, попытка порушить государственные устои* (ФАН, 2020).

2. **Дифференциальный признак «Реформатор социальной жизни»** (Э. Макрон – 12 %, В. Зеленский – 0 %). Правление французского императора было отмечено реформами в ряде сфер – государственного устройства, экономики, армии, религии. Подобные признаки актуализируются исключительно при характеристике президента Франции, имеющего хорошее образование, обладающего практическим опытом работы в сфере экономики и реально стремящегося провести в своей стране ряд реформ, применительно же к украинскому президенту о серьезных общественных трансформациях речь не идет: *Пришёл к мысли, что он – Наполеон Бонапарт: Макрону напомнили об участии реформаторов* (Царьград, 2018); *Макрон, как и Наполеон, трансформатор, реформатор, молодой, да и вообще у них много общего* (Medialeaks, 2017); *Кроме того, нынешний глава государства (Макрон. – О. К., Е. Ю.) пытается провести важные реформы, хотя наполеоновские были более кардинальными* (Газета Культура, 2018).

Наиболее востребованы в российских массмедиа дифференциальные признаки, характеризующие различные аспекты военной деятельности Наполеона, вошедшего в историю как талантливый полководец и военный стратег.

3. **Дифференциальный признак «Иноземный захватчик, вторгающийся в Россию во главе большой армии с целью порабощения ее народа»** (Э. Макрон – 11 %, В. Зеленский – 19 %). Специальная военная операция на Украине приводит к существенному увеличению частотности названного признака в российских массмедиа, в первую очередь, что закономерно, при конструировании медиаобраза В. Зеленского. В массмедиа активно используются лексемы и словосочетания *антироссийский, противники России, мирные жители, гражданская инфраструктура, нанесение ударов*, а также наименования разного рода оружия: *(Зеленский) Ассоциировал себя как лицедея со своей ролью великого и могучего противника России, нового Наполеона* (Российская газета, 2023); *«Наполеон решил победить Россию»: Зеленский заявил, что Украину устроит только победа на поле боя* (Утренний юг, 2023); *Зеленскому, как Наполеону, нужна только победа над Россией* (smi.today, 2023).

Активное вовлечение в конфликт на Украине европейских политиков предопределило использование рассматриваемого дифференциального признака и при конструировании медиаобраза Э. Макрона: *(Макрон) проникся воинственным духом и заявил, что передаст Киеву ракеты дальнего радиуса действия. Так далеко в Россию забирался только Наполеон I. А теперь президент Макрон собрался со своим SCALPом* (Аргументы и факты, 2023); *При этом президент Макрон в лучших демагогических традициях Наполеона – всем известно, чем закончился его поход в Россию, – декларирует нанесение ударов по нашим мирным жителям и гражданской инфраструктуре как «помощь украинской демократии»* (Еженедельник Звезда, 2022).

4. *Дифференциальный признак «Полководец, потерпевший военное поражение в войне с Россией»* (Э. Макрон – 21 %, В. Зеленский – 29 %). По наблюдениям Ю. В. Богоявленской и А. Е. Буженинова, в российском медиадискурсе зафиксировано «преобладание характеристики Наполеона как потерпевшего поражение (практически все связаны с разгромом его войск при Ватерлоо)» [Богоявленская, Буженинов, 2015, с. 140]. В настоящий момент этот признак приобретает особую актуальность и позволяет российским массмедиа спрогнозировать итоги специальной военной операции, репрезентируется посредством лексем *поражение, проигрыш, провал, фиаско, капитуляция, разгром, разгромить*, а также с помощью топонимов, связанных с наиболее серьезными военными неудачами французского императора: *Ватерлоо, Бородино, Березина, остров св. Елены: неужели Зеленского ожидает конец Наполеона?* (Камертон, 2022); *Зеленский забыл, что у каждого Наполеона есть свой Ватерлоо. Поэтому не исключено, что в ближайшее время заигравшегося Зеленского уберут те, кто стоит за ним* (Блокнот.ру, 2022); *Украинскую армию ждет разгром, подобный катастрофе «Великой армии» Наполеона в сражении при Березине, после которого наполеоновская армада прекратила свое существование как организованная сила* (Политнавигатор, 2023).

Показательно, что российские массмедиа используют тему поражения Наполеона в войне с Россией не только применительно к В. Зеленскому, политика которого спровоцировала начало СВО, но и в отношении президента Франции, оказывающего финансовую и военную поддержку Украине: *Французы напомнили Макрону провал Наполеона после слов об Украине* (Life.ru, 2022); *...русская армия вошла в Париж и разгромила казавшуюся тогда непобедимой армию Наполеона. Весь русский народ был един в своей борьбе за эту победу. Макрону необходимо хорошо знать историю. Выучить исторический урок о том, что российские войска были в Париже, и зарубить себе на носу, что Россия способна разгромить любую мощную армию...* (РВ Новости, 2023).

Прецедентный антропоним «Наполеон» активно используется российскими массмедиа для конструирования медиаобразов Э. Макрона и В. Зеленского. Анализ показал, что существует значительное сходство в наборе используемых с этой целью дифференциальных признаков, формирующих когнитивную структуру прецедентного антропонима «Наполеон», при этом доминирующими в формировании медиаобразов европейских политиков, реализующих конфронтационную внешнюю политику, являются признаки, связанные со вторжением Бонапарта в Россию и его поражением. Специфическими для французского лидера являются признаки «Человек, женатый на женщине старше него» и «Реформатор социальной жизни», для украинского лидера – «Психически неуравновешенный / нездоровый человек», что обусловлено биографией политиков, а также особенностями их поведения и способов осуществления государственной деятельности.

Также установлено, что далеко не весь набор исходных дифференциальных признаков оказался задействованным в процессе конструирования медиаобразов Э. Макрона и В. Зеленского, что можно объяснить, во-первых, тем, что «даже в прецедентном имени интернационального характера каждый народ воспринимает далеко не все потенциально возможные характеристики» [Нахимова, 2007, с. 114], во-вторых, не все дифференциальные признаки антропонима «Наполеон» соответствуют индивидуальным и профессиональным характери-

стикам европейских политиков, а также тем задачам, которые преследуют массмедиа, формируя их образы.

Так, не востребованными при конструировании медиаобразов Э. Макрона и В. Зеленского оказались дифференциальные признаки «Выдающийся государственный деятель», «Блестящий военный стратег», «Удачливый и уверенный полководец, победитель», «Герой, обладающий исключительной славой и вызывающий всеобщее восхищение», «Блестящий ум / автодидакт / имеющий прекрасный вкус» (см. [Богоявленская, Буженинов, 2015]), другими словами, те признаки, которые репрезентируют положительные характеристики столь неоднозначной исторической личности, как Наполеон Бонапарт. В российских массмедиа регулярно отмечается несоответствие современных европейских лидеров масштабу многогранной и яркой личности легендарного французского императора.

Многочисленные случаи использования прецедентного антропонима «Наполеон» при характеристике Э. Макрона и В. Зеленского позволяют российским массмедиа подчеркнуть политические амбиции новых европейских лидеров, а также спрогнозировать возможный печальный финал их политической карьеры в случае дальнейшего противостояния с Россией и реализации необдуманных политических проектов.

### Список литературы

- Барышникова Г. В., Дубинина И. И.** Метафорическое создание политического образа руководителя России в западных СМИ (на материале англо-американской и французской прессы) // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2019. № 4 (37). С. 179–185.
- Богоявленская Ю. В., Буженинов А. Э.** Прецедентное имя «Наполеон» в исторической памяти Франции: опыт корпусного исследования // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 137–143.
- Виниченко Л. Г., Петрова Е. И.** Медийная презентация образа канцлера Германии Олафа Шольца в современных СМИ (на материале публикаций журнала «Spiegel») // Политическая лингвистика. 2023. № 3 (99). С. 38–46.
- Гудков Д. Б.** Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
- Егорова О. И.** О некоторых языковых особенностях, создающих медиаобраз Президента Российской Федерации В. В. Путина // Изв. Воронеж. гос. пед. ун-та. 2020. № 3. С. 168–172. DOI 10.47438/2309-7078\_2020\_3\_168
- Елисеева С. В.** Прецедентные феномены, восходящие к французской культуре, в современной российской и американской прессе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 23с.
- Захарова М. В., Скривел К. А.** Специфика репрезентации медиаобраза Марин ле Пен в период пандемии коронавируса (по материалам Le Figaro, Le Monde и Libération) // Меди@льманах. 2022. № 2 (109). С. 61–75. DOI 10.30547/mediaalmanah.2.2022.6175
- Ирисмамбетова Н. А.** Медиаобраз Д. А. Медведева в текстах англоязычных СМИ // Поволжский педагогический вестник. 2018. № 2 (1). С. 42–47.
- Коцюбинская Л. В., Кузина О. А.** Медиаобраз как совокупность идеологем (на примере медиаобраза Виктора Януковича, репрезентированного в англоязычных СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 9. С. 2773–2781. DOI 10.30853/phil210441
- Михневич О. И.** Диахронический анализ метафорического образа президента Грузии Э. Шеварднадзе // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 83–94. DOI 10.26170/pl20-02-09
- Нахимова Е. А.** Прецедентное имя Наполеон в отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 107–114.
- Нахимова Е. А.** Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. 276 с.

**Филиппова С. В., Филиппова В. В.** Медиаобраз Рамзана Кадырова в британских СМИ (на материале статей The Independent) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 9. С. 2818–2822. DOI 10.30853/phil210458

**Хабаров А. А.** Идеологические детерминанты институционализации образа Си Цзиньпина в китайском медиадискурсе // Мир лингвистики и коммуникации. 2022. № 67. С. 103–119.

### Список источников

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 01.10.2023).  
Служба автоматической обработки и систематизации новостей Яндекс.Дзен (ранее – «Яндекс.Новости»). URL: <https://dzen.ru/> (дата обращения 10.09.2023).

Polpred.com. Новости. Обзор СМИ. URL: <https://www.polpred.com/> (дата обращения 05.10.2023).

### References

**Baryshnikova G. V., Dubinina I. I.** Metaforicheskoe sozдание politicheskogo obraza rukovoditelya Rossii v zapadnykh SMI (na materiale anglo-amerikanskoi i frantsuzskoi pressy) [Metaphorical Creation of the Political Image of the Leader of Russia in Western Media (Based on the Material of the Anglo-American and French Press)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 2019, no. 4(37), pp. 179–185. (in Russ.)

**Bogoyavlenskaya Yu. V., Buzheninov A. E.** Pretsedentnoe imya “Napoleon” v istoricheskoi pamyati Frantsii: opyt korpusnogo issledovaniya [Precedent Name “Napoleon” in the Historical Memory of France: Experience of Corpus-based Research]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2015, no. 2, pp. 137–143. (in Russ.)

**Egorova O. I.** O nekotorykh yazykovykh osobennostyakh, sozdayushchikh mediaobraz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii V. V. Putina [On some Features of Creating the Media Image of the President of the Russian Federation V. V. Putin]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University], 2020, no. 3, pp. 168–172. (in Russ.) DOI 10.47438/2309-7078\_2020\_3\_168

**Eliseeva S. V.** Pretsedentnye fenomeny, voskhodyashchie k frantsuzskoi kul'ture, v sovremennoi rossiiskoi i amerikanskoi presse [Precedent phenomena dating back to French culture in the modern Russian and American press]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2010, 23 p. (in Russ.)

**Filippova S. V., Filippova V. V.** Mediaobraz Ramzana Kadyrova v britanskikh SMI (na materiale statei The Independent) [Ramzan Kadyrov’s Image in the British Mass Media (By the Material of The Independent Newspaper)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2021, no. 9, pp. 2818–2822. (in Russ.) DOI 10.30853/phil210458

**Gudkov D. B.** Teoriya i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow, Gnozis, 2003, 288 p. (in Russ.)

**Irismambetova N. A.** Mediaobraz D. A. Medvedeva v tekstakh angloyazychnykh SMI [The Image of D. A. Medvedev in the Texts of English Mass Media]. *Povolzhskii pedagogicheskii vestnik* [Volga Pedagogical Bulletin], 2018, no. 2 (1), pp. 42–47. (in Russ.)

**Khabarov A. A.** Ideologicheskie determinanty institutsionalizatsii obraza Si Tszinpinga v kitaiskom mediadiskurse [Ideological Determinants of Image Institutionalization Xi Jinping in the Chinese Media Discourse]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii* [World of Linguistics and Communication], 2022, no. 67, pp. 103–119. (in Russ.)

**Kotsyubinskaya L. V., Kuzina O. A.** Mediaobraz kak sovokupnost' ideologem (na primere mediaobraza Viktora Yanukovicha, reprezentirovannogo v angloyazychnykh SMI) [Media Image as a Set of Ideologemes (by the Example of the Media Image of Viktor Yanukovich Represented

- in the English-Language Mass Media)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2021, no. 9, pp. 2773–2781. (in Russ.) DOI 10.30853/phil210441
- Mikhnevich O. I.** Diachronicheskii analiz metaforicheskogo obraza prezidenta Gruzii E. Shevardnadze [Diachronic Analysis of the Metaphorical Image of the President of Georgia E. Shevardnadze]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2020, no. 2 (80), pp. 83–94. (in Russ.) DOI 10.26170/pl20-02-09
- Nakhimova E. A.** Pretsedentnoe imya Napoleon v otechestvennykh SMI [The precedent name Napoleon in the domestic media]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2007, no. 23, pp. 107–114. (in Russ.)
- Nakhimova E. A.** Pretsedentnye onimy v sovremennoi rossiiskoi massovoi kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya [Precedent onyms in modern Russian mass communication: theory and methodology of cognitive-discursive research]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical Uni. Press, 2011, 276p. (in Russ.)
- Vinichenko L. G., Petrova E. I.** Mediinaya prezentatsiya obraza kantslera Germanii Olafa Sholtsa v sovremennykh SMI (na materiale publikatsii zhurnala “Spiegel”) [The Media Presentation of German Chancellor Olaf Scholz in Today’s Media (Based on Publications in Der Spiegel)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2023, no. 3 (99), pp. 38–46. (in Russ.)
- Zakharova M. V., Skrivel K. A.** Spetsifika reprezentatsii mediaobraza Marin le Pen v period pandemii koronavirusa (po materialam Le Figaro, Le Monde i Libération) [Specifics of the Representation of the Media image of Marine Le Pen During the Coronavirus Pandemic (Based on Materials from Le Figaro, Le Monde and Libération)]. *Medi@l'manakh* [Medi@lmanac], 2022, no. 2 (109), pp. 61–75. (in Russ.) DOI 10.30547/mediaalmanah.2.2022.6175

#### List of Sources

- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 01.10.2023).
- Polpred.com. Novosti. Obzor SMI [Polpred.com News. Media Review]. URL: <https://www.polpred.com/> (accessed 05.10.2023).
- Service for automatic processing and systematization of news Yandex.Zen (formerly “Yandex. News”). URL: <https://dzen.ru/> (accessed 10.09.2023).

#### Информация об авторах

**Ольга Николаевна Кондратьева**, доктор филологических наук, доцент

Scopus Author ID 57192920663

WoS Researcher ID U-4723-2017

RSCI Author ID 349280

SPIN 4483-6931

**Елизавета Евгеньевна Юрьева**

WoS Researcher ID HKF-7868-2023

#### Information about the Authors

**Olga N. Kondratyeva**, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 57192920663

WoS Researcher ID U-4723-2017

RSCI Author ID 349280

SPIN 4483-6931

**Elizaveta E. Yurieva**

WoS Researcher ID HKF-7868-2023

**Вклад авторов:**

О. Н. Кондратьева – разработка концепции исследования, отбор и анализ материала, формулирование выводов, доработка текста.

Е. Е. Юрьева – отбор и анализ материала, подготовка первой версии текста.

**Contribution of the Authors:**

Olga N. Kondratyeva developed the methodology and approach, selected and analyzed the material, made the conclusion, prepared the final draft of the article.

Elizaveta E. Yurieva selected and analyzed the material, and prepared the first draft of the article.

*Статья поступила в редакцию 13.10.2023;  
одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 10.01.2024  
The article was submitted on 13.10.2023;  
approved after reviewing on 09.01.2024; accepted for publication on 10.01.2024*

Научная статья

УДК 811.161.1+811.222.1+81'366.54+81'367.63

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-54-63

## **Репрезентация категории определенности / неопределенности формами винительного и родительного падежей в русском языке и их персидские эквиваленты**

**Маджид Эстири**<sup>1</sup>  
**Халида Сиями Эйдлак**<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Университет Гонбад-Кавус  
Гонбад-Кавус, Иран

<sup>2</sup> Боджнордский университет  
Боджнорд, Иран

<sup>1</sup> m.estiri@gonbad.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-0014-4330>

<sup>2</sup> kh.siyami@ub.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-9466-7428>

### *Аннотация*

Цель данного исследования заключается в сопоставлении способов выражения категории определенности / неопределенности в русском и персидском языках. Материалом для исследования послужили примеры, отобранные методом сплошной выборки из различного рода исследовательских работ, учебников русского языка для студентов-иностранцев, личной картотеки ошибок, собранной авторами при контроле учебного процесса и практики перевода студентов-русистов высших учебных заведений Ирана. Исследование построено на основе качественного анализа и сравнительно-сопоставительного метода. В результате уточнена классификация признаков, лежащих в основе оппозиции форм винительного и родительного падежей как средств выражения определенности и неопределенности в русском языке, и исчислены их корреляты в персидском языке.

### *Ключевые слова*

РКИ, определенность, неопределенность, оппозиция форм родительного и винительного падежей, русский язык, персидский язык

### *Для цитирования*

Эстири М., Сиями Эйдлак Х. Репрезентация категории определенности / неопределенности формами винительного и родительного падежей в русском языке и их персидские эквиваленты // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 54–63. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-54-63

## **Representation of the Category of Certainty/Uncertainty by the Forms of Accusative and Genitive Cases in the Russian Language and Their Persian Equivalents**

**Majid Estiri**<sup>1</sup>  
**Khalida Siyami Eidlak**<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Gonbad Kavous University  
Gonbad Kavous, Iran

<sup>2</sup> University of Bojnord  
Bojnord, Iran

<sup>1</sup> m.estiri@gonbad.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-0014-4330>

<sup>2</sup> kh.siyami@ub.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-9466-7428>

### *Abstract*

*Purpose.* The purpose of this study is to present one of the main means of expressing the category of certainty-indeterminacy, or rather the opposition of the forms of the genitive and accusative cases, its semantics and ways

© Эстири М., Сиями Эйдлак Х., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 54–63

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 54–63

of expressing them in Persian. The relevance of the study lies in the fact that Iranian students make persistent mistakes in Russian due to failure to distinguish between the forms of accusative and genitive cases of definiteness and uncertainty, due to the lack of a case system in the Persian language.

*Results.* The research material consists of examples selected by the authors from various types of scientific works and Russian language textbooks for foreign students. In addition, the research material included examples from the personal files of the authors' mistakes, collected during monitoring of the educational process and the transfer process of Russian studies students at universities in the Islamic Republic of Iran. The study is based on such research methods as qualitative analysis, continuous sampling method and comparative method.

*Conclusion.* It was revealed that the opposition of the forms of the accusative and genitive cases, as the main factor in the spread of errors in the use of RFL by Iranian students both in the learning process and in the translation process, is transmitted in Persian by lexical and grammatical means. As a result, a classification of shades of opposition of the accusative and genitive forms of the categories of definiteness and uncertainty and their correlates in the Persian language was proposed.

*Keywords*

Russian as a foreign language, definiteness, indefiniteness, opposition of genitive and accusative forms, Russian language, Persian language

*For citation*

Estiri M., Siyami Eidlak Kh. Representation of the Category of Certainty-Uncertainty by the Forms of Accusative and Genitive Cases in the Russian Language and Their Persian Equivalents. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 54–63. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-54-63

Категория определенности / неопределенности свойственна многим языкам мира, однако выражается она различными способами: морфологическими, лексическими, синтаксическими и др.

Основным показателем категории определенности / неопределенности в персидском языке является морфологическое средство – артикль. Во многих артиклевых языках реализуется троичная система: нулевой артикль, определенный артикль, неопределенный артикль. К таким языкам относятся английский, французский, немецкий и другие западноевропейские языки. В персидском языке имеется артикль *i*, обозначающий особую категорию «выделенности», совмещающую выражение неопределенности или единичности с выделением предмета из ряда подобных. Если прямое дополнение выражено местоимением, именем собственным или именем, обозначающим известный (определенный) предмет, в конце синтагмы (после аффиксов и артикля), ставится послелог *ra*. Если в позиции прямого дополнения стоит слово, обозначающее неопределенный предмет, послелог опускается.

Э. А. Исламова отмечает, что грамматическая категория определенности / неопределенности «представляет собой противопоставление друг другу грамматических форм с однородными значениями, форм как двусторонних языковых единиц» [Исламова, Болгарова, 2016, с. 51]. Однако не все языки обладают грамматическим средством оформления категории определенности / неопределенности. Некоторые ученые полагают, что в безартиклевых языках, к которым относится и русский, данная категория отсутствует. Однако ряд исследователей с этим не согласны и считают, что само наличие оппозиции определенности / неопределенности, выраженное теми или иными способами, позволяет определять эту категорию как самостоятельную. По мнению А. А. Реформатского, отсутствие морфологических средств выражения определенности / неопределенности в русском языке не означает, «что русские не могут иметь в сознании этих значений, они только выражают их обычно лексически (т. е. особыми словами, например местоимениями *этот*, *тот* и т. п. для определенности и *какой-то*, *некий* и т. п. для неопределенности)» [Реформатский, 2000, с. 318].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» категории определенности / неопределенности посвящена отдельная статья. В ней, в частности, говорится, что определенность / неопределенность – это «...одна из категорий семантики высказывания; функция ее – актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность)» [ЛЭС, 1990, с. 349]. К средствам актуализации относятся «...актуальное членение высказывания, порядок слов в высказывании, сам контекст, интонация и другие

актуализаторы. К средствам детерминации – лексические (указательные, неопределенные и притяжательные местоимения, наречия, дейктичность и т. д.), синтаксические и морфологические (категория вида глагола, категория числа, модальность, оппозиция винительного и родительного падежей, краткие и полные формы прилагательных, безличные и неопределенно-личные предложения и т. д.) актуализаторы» [Углева, 2006, с. 125–126].

Ряд исследователей, среди которых О. И. Москальская [1953], И. И. Ревзин [1978], И. М. Кацитадзе [2008] и др., придерживаются прагматического подхода к понятию определенности / неопределенности, который заключается в том, что определенность представляет собой известное, а неопределенность – неизвестное, которое выявляется в процессе коммуникативного акта между коммуникантами.

И. Н. Ефремова подчеркивает, что показатели категории определенности и неопределенности в русском языке подразделяются на две группы в зависимости от рода речевой деятельности. Письменными показателями категории определенности / неопределенности являются такие средства, как указательные, определительные и притяжательные местоимения, частица *то*, числительное *один*, словосочетание *тот самый*, винительный и родительный падежи имени существительного. А в устной речи основными показателями категории определенности / неопределенности являются мимика, жесты и акцент [Ефремова, Белкова, 2017, с. 28]. Ряд исследователей дополняет данный список языковых и неязыковых средств выражения определенности / неопределенности такими средствами, как порядок слов, повторы (редупликация) и фразовое ударение.

Одним из важных средств выражения определенности / неопределенности в русском языке является оппозиция форм родительного и винительного падежей. А. М. Пешковский указывает, что в тех случаях, когда возникает данная оппозиция, винительный, в отличие от родительного, приобретает добавочный оттенок, выражающий характер определенности, и приводит следующие примеры: *просить денег* и *просить деньги*, *купить хлеба* и *купить хлеб* и др. [Пешковский, 1956, с. 299].

Таким образом, можно утверждать, что в русском языке категория определенности / неопределенности имеет статус не морфологической, а лексико-грамматической категории.

В грамматике персидского языка определенность / неопределенность редко упоминается как отдельная категория и зачастую трактуется как семантико-грамматическая. Русский исследователь персидского языка Ю. А. Рубинчик воспринимает категорию определенности / неопределенности как категорию выделенности, в которой «любое имя существительное в зависимости от того, служит ли оно в предложении для обозначения одного из однородных предметов или какой-то части их, либо используется для обозначения всего класса однородных предметов, может употребляться с артиклем и без него» [Рубинчик, 2001, с. 120]. Иранский лингвист Х. Фаршидвард под определенностью / неопределенностью понимает выделение какого-либо предмета из ряда ему подобных [فرشیدورد, 2003, с. 189–190]. Другой иранский исследователь А. Табатабаи утверждает, что неопределенность подразумевает указание на предмет, лицо, признак, которые характеризуются отсутствием конкретной определенности для индивида [طباطبایی, 2016, с. 521].

В персидском языке значение неопределенности передается следующими языковыми средствами:

- 1) неопределенными местоимениями *bazi* ‘некоторые, один’, *folani* ‘некто, некий’;
- 2) количественными словами *yeki*, *yek* ‘один’, ‘некий’ перед существительными в сочетании с артиклем;
- 3) именами существительными *shakhs* ‘личность’, *chiz* ‘предмет’ или определенными существительными в сочетании с артиклем *i* [Эстири, 2022, с. 131].

Цель данного сравнительно-сопоставительного исследования заключается в уточнении семантики оппозиции форм родительного и винительного падежей и выявлении их персидских эквивалентов.

Актуальность исследования определяется тем, что студенты РКИ, обучающиеся на базе высших учебных заведений Ирана, при коммуникации на русском языке испытывают трудности, связанные с выражениями определенности / неопределенности. Основная причина этого заключается в том, что на занятиях по грамматике русского языка учащимся предлагается система падежей как формальная система склонения без учета семантических оттенков их значений, в частности в сфере определенности и неопределенности. Поэтому для искоренения ошибок, возникающих в речевой деятельности обучающихся РКИ в персоязычной аудитории при изучении категории определенности / неопределенности, возникает острая необходимость более детального изучения оппозиций форм винительного и родительного падежей как одного из средств выражения категории определенности / неопределенности.

Объектом данного исследования является категория определенности / неопределенности, выражаемая оппозиций родительного и винительного падежей.

Предмет исследования – семантика словоформ винительного и родительного падежей со значением определенности / неопределенности в русском языке и эквивалентные им средства выражения в персидском языке.

Ниже представлены разряды частных значений родительного и винительного падежей русского языка и их коррелятов в персидском языке. Мы предлагаем способы перевода форм родительного и винительного падежей, выражающих определенность и неопределенность, на персидский язык исходя из личного опыта преподавания русского языка как иностранного в иранской аудитории при таких видах учебной деятельности, как контроль учебного процесса и практика перевода.

### 1. Частичный и полный охват объекта действия

В русском языке родительный падеж может обозначать частичный охват объекта действия, т. е. воздействие направлено не на весь объект, а на его неопределенное количество. А. М. Пешковский называет его *количественным* и *разделительным* родительным падежом или родительным *неполного объективирования*: «...предмет не во всем объеме или не все время подвергается действию, выраженному в глаголе» [Пешковский, 1956, с. 298]. Такая форма русского родительного падежа передается на персидский сочетанием существительных с наречиями *meghdari* и *kami* ‘немного’ или существительным в сочетании с артиклем *i*. Например:

- (1) Я подавал ей в постель что-нибудь, например, **постбифа**. – *Man be u ruye takht chizi, masalan, meghdari rostbif midadam.*
- (2) После этого налей **воды**, добавь ложку жира и прокипяти. – *Pas az an kami ab berizid, yek gashog charbi ezafe konid va bejushanid.*

Винительный падеж передает значение определенности: он обозначает, что действием охвачен весь объект как единое целое. В этом значении винительный падеж не указывает на количество объекта. В персидском языке такой тип отношений выражается существительным, обозначающим конкретный и определенный предмет, в сочетании с послелогом *ra* как одним из морфологических средств выражения определенности предмета, например:

- (3) Надо прикрывать **постбиф** бумагой и поливать стекшим на противень мясным соком. – *Bayad rostbif ra ba kaghaz bepushanid va abe gushti ra ke abe an gerefte shode ra ruye sini berizid.*
- (4) **Воду** ежедневно отключают на 5–6 часов. – *Harruz ab ra 5–6 saat ghat mikonand.*

## 2. Незаконченность конкретного действия или отсутствие его результата

Предложения, содержащие в своем составе такие частицы, как *едва не*, *чуть не*, *чуть-чуть*, указывают на незаконченность или отсутствие конкретного действия и определенного результата. В этом случае объект употребляется в винительном падеже, а его персидский коррелят выражается существительным в сочетании с послелогом *ra*, например:

- (5) *Чуть не пропустил трамвай.* – *Kam mande bud tramvay ra az dast bedaham.*  
 (6) *Чуть было не потерял билет.* – *Nazdik bud blit ra gom konam.*

В ряде случаев персидский коррелят такого определенного объекта в зависимости от семантики глагола может употребляться в функции подлежащего (субъекта), например:

- (7) *Он едва не уронил стакан.* – *Nazdik bud livan az dastash bioftad* (букв.: Близко было стакан выпадет из его рук).

## 3. Сочетания с глаголами достижения цели, желания, просьбы

В сочетании с глаголами достижения цели, желания и просьбы, такими как *хотеть*, *ждать*, *искать*, *просить*, *домогаться*, *требовать*, *спрашивать* (требование или просьба) и др., когда неопределенные и абстрактные объекты в русском языке выражаются формой родительного падежа, а винительный указывает на их определенность и конкретность. А. М. Пешковский называет такие формы родительным *цели*:

- (8а) *У меня была запись на консультацию в одиннадцать часов. Сейчас жду автобуса* – *Saate yazdah vaghte moshavere dashtam. Alan montazere yek utubus hastam.*  
 (8б) *...сейчас жду автобус* – *...montazere utubus hastam.*

В контексте (8а) форма *автобуса* указывает на любой из возможных автобусов, следующих по заданному маршруту. В примере (8б), в котором объект стоит в форме винительного падежа, подразумевается конкретный автобус, известный коммуниканту.

- (9а) *Но и сам Василий Львович был в большом упадке и искал поддержки.* – *Amma khode Vasilii Lvovich zafe shadidi dasht va bedonbale yek khami migasht.*  
 (9б) *Но и сам Василий Львович был в большом упадке и искал поддержку.* – *Amma khode Vasilii Lvovich zafe shadidi dasht va bedonbale khami migasht.*

Из контекста (9а), в котором объект выражен формой родительного падежа, следует, что Василий Иванович ищет любой поддержки, а не определенной, ожидаемой, на которую он рассчитывает (как в примере 9б).

- (10а) *Он потребовал книгу* – *U chand ketab darkhast kard.*  
 (10б) *Он потребовал свои книги* – *U ketabe khod ra khast.*

Таким образом, объект достижения и желания, выраженный в русском языке родительным падежом и указывающий на неопределенность предмета, в персидском языке передается несколькими способами: числительным *yek* 'один' в сочетании с существительным (пример 8а), существительным в сочетании с артиклем *i* (пример 9а), а также сочетанием таких наречий, как *megdari* 'немного', *tedadi* 'несколько' или 'ряд', *chand* 'несколько' с существительными (пример 10а).

Определенный объект достижения и желания в русском языке выражается формой винительного падежа., в персидском передается сочетанием существительного как с послелогом *ra* (пример 10б), так и без послелога (примеры 8б, 9б).

#### 4. Сочетания с переходными глаголами при отрицании

А. А. Реформатский также указывает на оппозицию определенности / неопределенности в русском языке, выраженную формами винительного и родительного падежей при отрицательном глаголе, например: *Я не вижу книгу – Я не вижу книги.*

В. Ю. Копров [2006] указывает на то, что в русском языке только постулируется, что при глаголах с отрицанием объект принимает форму родительного падежа. Следует отметить, что в русском языке также есть немало случаев употребления при отрицании винительного падежа. Винительный падеж со значением определенности и конкретности объекта передается на персидский язык существительным с послелогом *ra* или без него, например:

а) русским предложениям с местоимениями, указывающими на определенность и конкретность объекта, в персидском соответствуют сочетания существительного с послелогом *ra* (пример 11а) или без него (пример 11б), например:

(11а) *Эту песню не задумишь, не убьешь.* – *In ahang ra khafe nemikoni, az bein nemibari.*

(11б) *Не хвали свои дары.* – *Az estedadhaie khod tarif nakon;*

б) русским существительным в винительном падеже при глаголах с отрицанием в главной части сложноподчиненных предложений с союзным словом *который* соответствуют персидские причастные обороты, в которых объекты называются именами существительными с артиклем *i* и послелогом *ra*. Объекты в исследуемых языках на первый взгляд являются неопределенными, но в причастных оборотах они трансформируются в определенные, например:

(12) *Он не прочитал книгу, которую я ему дал.* – *U ketabi ra ke man be u dade budam nakhand.*

(13) *Я не нашел подарок, который ты мне подарил.* – *Man hadiei ra ke to be man dade budi peida nakardam;*

в) если в русском языке определенный и конкретный объект выражается одушевленным существительным или именем собственным при глаголах с отрицанием, в персидском ему соответствует определенный и конкретный объект, выраженный сочетанием одушевленного существительного или имени собственного с послелогом *ra*:

(14) *Но Суровцев уже понимал, что уйти, не повидав Веру, не в силах.* – *Amma Surovtcev fahmide bud ke ta Vera ra nabinad nemitavanad beravad.*

(15) *Недомогание не покидало Козьму еще долго.* – *Kesalat modatha Kozma ra rakha nemikard.*

#### 5. Сочетания неодушевленных существительных с глаголами при отрицании

Неодушевленные существительные в винительном падеже, сопровождающиеся глаголом с отрицанием, могут обозначать определенный объект, а неодушевленные существительные в родительном падеже при глаголах с отрицанием – неопределенный объект, ср.:

(16а) *Он не получил письмо* (определенно-конкретное письмо, форма вин. п.). – *U name ra daryaft nakard.*

(16б) *Он не получил письма* (неопределенное письмо, форма род. п.). – *U namei (khich namei) daryaft nakard.*

(17а) *Собака не ест мясо* (именно этот кусок мяса; форма вин. п.). – *Sag gusht ra nemikhorad.*

(176) *Собака не ест мяса* (полное отсутствие интереса к мясу; форма род. п.). – *Sag gushti (khich gushti) nemikhorad*.

Исходя из приведенных примеров можно утверждать, что предложения с отрицанием в сочетании с объектом в винительном падеже указывают на определенный объект, а с объектом в родительном падеже – на неопределенный объект. На персидский язык определенный объект переводится определенным существительным с послелогом *ra*, а неопределенный объект в родительном падеже – неопределенным существительным *khich* ‘никакой’, ‘совсем’ и ‘абсолютно’ или существительным с артиклем *i*.

Однако не всегда родительный при отрицательных глаголах сигнализирует о неопределенности объекта. Возможны случаи, когда родительный падеж также обозначает и безразличие объекта, что эквивалентно в персидском языке объекту в винительном падеже. На пример:

(18а) *Он не получил твоего сообщения* (верификативное высказывание, отвечающее на вопрос «Получил он твое сообщение или не получил?». Акцент делается на факте, что сообщение получено не было). – *U payame to ra (dar har surat) daryaft nakard*.

(18б) *Он не получил твое сообщение* (акцентируется само сообщение). – *U payame to ra daryaft nakard*.

В персидском языке в обоих случаях используются существительные с послелогом *ra*, значение безразличия устанавливается по контексту.

#### 6. Конкуренция форм родительного и винительного падежей при выражении недоумения, сомнения, недовольства, а также удивления

В русском языке при выражении неконкретности и неопределенности, которое сопровождается сомнением и неуверенностью, используется форма родительного падежа. В персидском языке такой тип родительного падежа эквивалентен существительному, к которому присоединяется артикль *i* или числительное *yek* ‘один’ в сочетании с существительным, ср.:

(19) *А где мне взять заклада, дьявол?* – *Pas az koja mitavanam vami (yek vam) begiram, sheitan?*

В персидском языке сомнение передается, кроме того, посредством интонации.

\* \* \*

Выражение категории определенности / неопределенности формами винительного и родительного падежей в русском языке вызывает распространенные ошибки среди персидских учащихся. Соответствующие русские примеры переводятся на персидский язык при помощи различных средств, которые несут определенную грамматическую и семантическую нагрузку. Так, основным эквивалентом русского винительного падежа определенности является в персидском языке существительное с послелогом *ra*.

К основным средствам передачи на персидский язык русского родительного падежа неопределенности относятся следующие лексические средства: наречие *meghdari* ‘немного’, *kami* ‘немного’, числительное *yek* ‘один’, *tedadi* ‘несколько’, *chand* ‘несколько’ и *hich* ‘никакой’. К грамматическим средствам передачи родительного неопределенности относится артикль *i*.

Учитывая особенности оппозиции форм винительного и родительного падежей при выражении категории определенности / неопределенности преподаватели РКИ на базе высших учебных заведений Ирана смогут выработать у обучающихся правильное представление в таком сложном вопросе, как определенность и неопределенность в русской синтаксической системе.

## Список литературы

- Ефремова И. Н., Белкова Т. М.** Способы и средства выражения категории определенности / неопределенности в русском и французском языках // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 28. С. 27–30. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770678.htm> (дата обращения 20.08.2022).
- Исламова Э. А., Болгарова Р. М.** Введение в языкознание: Учеб. пособие. Казань: КФУ, 2016. 81 с.
- Кацитадзе И. М.** Категория определенности / неопределенности существительных: функционально-семантический анализ средств ее выражения в русских и немецких газетных текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. 22 с.
- Копров В. Ю.** Вариантные формы в русском языке. М.: Рус. яз., 2006. 136 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 698 с.
- Москальская О. И.** Развитие артикля в древних германских языках: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1953. 56 с.
- Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1956. 441 с.
- Ревзин И. И.** Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978. 290 с.
- Реформатский А. А.** Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 2000. 536 с.
- Рубинчик Ю. А.** Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Вост. лит., 2001. 600 с.
- طباطبایی، ع. فرهنگ توصیفی دستور زبان فارسی. تهران: فرهنگ معاصر، 1395. 640 ص.
- Табатабаи А.** Описательный словарь грамматики персидского языка. Тегеран: Фарханг-э Моасер, 2016. 40 с. (на перс. яз.)
- Углева И. В.** О способах выражения категории определенности-неопределенности в современном русском языке // Вестник Югор. гос. ун-та. 2006. № 5. С. 125–127.
- Эстири М.** Сложные случаи употребления неопределенных местоимений и наречий с аффиксами *-нибудь*, *-либо*, *-то*, *кое-* со значением неопределенности в иранской аудитории // Филологические науки в МГИМО. 2022. Т. 8, № 4. С. 129–139.
- فرشیدورد، خ. دستور مفصل امروز. تهران: انتشارات سخن، 1382. 703 ص.
- Фаршидвард Х.** Подробная современная грамматика. Тегеран: Сохан, 2003. 703 с. (на перс. яз.)

## References

- Efremova I. N., Belkova T. M.** Sposoby i sredstva vyrazheniya kategorii opredelennosti / neopredelennosti v russkom i frantsuzskom yazykakh [Ways and means of expressing the category of certainty / uncertainty in Russian and French]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Koncept"* [Scientific and methodical electronic journal *Concept*], 2017, vol. 28, pp. 27–30. (in Russ.) URL: <http://e-koncept.ru/2017/770678.htm> (accessed 20.08.2022).
- Estiri M.** Slozhnye sluchai upotrebleniya neopredelennykh mestoimeniĭ i narechii s affiksami *-nibud'*, *-libo*, *-to*, *koe-* so znacheniem neopredelennosti v iranskoĭ auditorii [Complex cases of using indefinite pronouns and adverbs with affixes *-something*, *-or*, *-something* with the meaning of indefiniteness in the Iranian audience]. *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philological Sciences at MGIMO], 2022, vol. 8, no. 4, pp. 129–139. (in Russ.)
- Farshidvard Kh. H.** Podrobnaya sovremennaya grammatika [A detailed grammar of Persian Language]. Tehran, Sokhan, 2003, 703 p. (in Pers.)
- Islamova E. A., Bolgarova R. M.** Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to linguistics]. Textbook. Kazan, Kazan Federal Uni. Press, 2016, 81 p. (in Russ.)
- Katsitadze I. M.** Kategoriya opredelennosti / neopredelennosti sushhestvitel'nykh: funktsional'no-semanticheskii analiz sredstv ee vyrazheniya v russkikh i nemetskikh gazetnykh tekstakh [The

- category of certainty/uncertainty nouns: functional-semantic analysis of the means of its expression in Russian and German newspaper texts]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Rostov on Don, 2008, 22 p. (in Russ.)
- Korpov V. Yu.** Variantnye formy v russkom yazyke [Variant forms in Russian]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2006, 136 p. (in Russ.)
- Moskalskaya O. I.** Razvitie artiklya v drevnikh germanskikh yazykakh [The development of the article in the ancient Germanic languages]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1953, 56 p. (in Russ.)
- Peshkovsky A. M.** Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, 1956, 441 p. (in Russ.)
- Reformatsky A. A.** Vvedenie v yazykovedenie [Introduction to linguistics]. Moscow, Aspect Press, 2000, 536 p. (in Russ.)
- Revzin I. I.** Struktura yazyka kak modeliruyushchei sistemy [The structure of the language as a modeling system]. Moscow, Nauka, 1978, 290 p. (in Russ.)
- Rubinchik Yu. A.** Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka [Grammar of the modern Persian literary language]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2001, 600 p. (in Russ.)
- Tabatabai A.** Opisatel'nyi slovar' grammatiki persidskogo yazyka [Descriptive dictionary of Persian grammar]. Tehran, Farhang-e Moaser, 2016, 640 p. (in Pers.)
- Ugleva I. V.** O sposobakh vyrazheniya kategorii opredelennosti-neopredelennosti v sovremennom russkom yazyke [On the ways of expressing the category of certainty-uncertainty in modern Russian]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Yugorsk State University], 2006. no. 5, pp. 125–127. (in Russ.)
- Yartseva V. N.** (ed.). Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, 698 p. (in Russ.)

### Информация об авторах

- Маджид Эстири**, кандидат филологических наук  
WoS Researcher ID ACW-3662-2022
- Халида Сиями Эйдлак**, кандидат филологических наук  
WoS Researcher ID HNC-3718-2022

### About the authors

- Majid Estiri**, Candidate of Sciences (Philology)  
WoS Researcher ID ACW-3662-2022
- Khalida Siyami Eidlak**, Candidate of Sciences (Philology)  
WoS Researcher ID HNC-3718-2022

### Вклад авторов:

- М. Эстири – организация исследования, сбор материала, формулирование выводов исследования.
- Х. Сиями Эйдлак – отбор и анализ материала, обработка материала по эквивалентности вариантов переводов.

---

**Contribution of the Authors:**

Majid Estiri – organization of this study, collection of material, formulation of the conclusions of the study.

Khalida Siami Eidlak – selection and analysis of material, processing of material on the equivalence of translation options.

*Статья поступила в редакцию 21.11.2023;  
одобрена после рецензирования 30.12.2023; принята к публикации 09.01.2024  
The article was submitted on 21.11.2023;  
approved after reviewing on 30.12.2023; accepted for publication on 09.01.2024*

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-64-73

**Вербальные и визуальные средства репрезентации  
научных объектов и явлений в современной детской литературе  
(на материале книг «Увлекательная астрономия» Е. Качур  
и «Mega poussin» V. Babin)**

**Алина Алексеевна Алексеева**<sup>1</sup>

**Елизавета Романовна Прокопьева**<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Новосибирский государственный университет  
Новосибирск, Россия

<sup>1</sup> alina.alexeeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4913-1506>

<sup>2</sup> prokopyeva.liz@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-0724-8306>

*Аннотация*

Представлены результаты лингвопрагматического анализа вербальных и визуальных средств репрезентации объектов и явлений, выявленных в детских книгах научно-популярного содержания на русском и французском языках. Все средства разделены на 5 категорий: вербальные номинативные, экспрессивные и образные, визуальные образные и необразные. Авторы используют их для упрощения восприятия материала детьми. Вербальные номинативные и экспрессивные средства характерны для франкоязычной энциклопедии, вербальные образные – для русскоязычной. Визуальные образные средства выявлены только в русскоязычной книге. Таким образом, франкоязычная детская энциклопедия создана по подобию взрослой, и адаптация к возрасту реципиентов проявляется в ней на уровне упрощенных формулировок; в русскоязычной книге создан художественный мир со сказочной атмосферой.

*Ключевые слова*

лингвопрагматический анализ, анализ дискурса детских книг, креолизованный текст, метафорические модели

*Благодарности*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10076, <https://rscf.ru/project/23-78-10076/>

*Для цитирования*

Алексеева А. А., Прокопьева Е. Р. Вербальные и визуальные средства репрезентации научных объектов и явлений в современной детской литературе (на материале книг «Увлекательная астрономия» Е. Качур и «Mega poussin» V. Babin) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 64–73. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-64-73

© Алексеева А. А., Прокопьева Е. Р., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 64–73

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 64–73

## Verbal and Visual Means of Representation of Scientific Objects and Phenomena in Modern Children's Literature (Based on *Fascinating Astronomy* by E. Kachur and *Mega Poussin* by V. Babin)

Alina A. Alekseeva<sup>1</sup>, Elizaveta R. Prokopyeva<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Novosibirsk State University  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>1</sup> alina.alexeeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4913-1506>

<sup>2</sup> prokopyeva.liz@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-0724-8306>

### Abstract

*Purpose.* The article deals with the pragmatic analysis of verbal and visual means of representation of objects and phenomena found in children's popular science books in Russian and French.

*Results.* Depending on the function performed, all the means were divided into 5 categories: verbal nominative, verbal expressive, verbal figurative, visual figurative and visual non-figurative. The authors of the books use various types of means to simplify the perception of the material by children. Verbal nominative and verbal expressive means are more typical for the French encyclopedia, verbal figurative ones – for the Russian book.

*Conclusion.* Visual figurative means were found only in the Russian book. Consequently, the linguocultural specificity of the representation of objects and phenomena in the analyzed books is revealed. The French encyclopedia is focused on unadapted representation of scientific facts and the frequent use of verbal nominative and expressive means; it contains a small number of verbal figurative means and no visual figurative means, whereas the author of the Russian book strives for greater «artistry» of the text and creates a fabulous atmosphere through the introduction of permanent heroes of a series of encyclopedias and extensive use of verbal and visual figurative means.

### Keywords

pragmatic analysis, discourse analysis of children's books, multimodal text, metaphorical models

### Acknowledgements

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation no. 23-78-10076, <https://rscf.ru/project/23-78-10076/>

### For citation

Alekseeva A. A., Prokopyeva E. R. Verbal and Visual Means of Representation of Scientific Objects and Phenomena in Modern Children's Literature (Based on *Fascinating Astronomy* by E. Kachur and *Mega Poussin* by V. Babin). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 64–73. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-64-73

Исследователи начали обращаться к изучению текстов смешанного типа относительно недавно, во второй половине XX в. Эта тема остается актуальной до сих пор, что подтверждается многообразием научных работ, посвященных характеристике креолизованных текстов и их компонентов (см., например: [Кобзева, 2017; Александрова, 2018; Ломоносова, 2018]). Также существует большое количество статей, касающихся креолизованных рекламных текстов (см., например: [Самут, 2016; Маркина, 2017; Ежова, 2018]), интернет-текстов (см.: [Качмазова, 2016; Ягодкина, 2017]), текстов телевизионных новостей (см.: [Колесникова, 2018]), музыкальных и мультипликационных текстов (см.: [Большакова, 2008]).

В данной статье представлены результаты анализа вербальных и визуальных средств, которые используются для представления объектов и явлений в современной детской литературе научно-популярного содержания на русском и французском языках. Актуальность статьи определяется связью с активно развивающимся в настоящий момент лингвистическим направлением – исследованием креолизованных текстов, где информация передается различными средствами (словесными и иконическими). Взаимодействие этих средств способствует более эффективному восприятию и освоению материала, что особенно важно для тех случаев, когда адресатами являются дети. Кроме того, несмотря на довольно большое количество различных работ, посвященных отдельным аспектам креолизации текста, общий вопрос

о соотношении вербальной и визуальной составляющих креолизованного текста остается дискуссионным (см., например: [Ворошилова, 2006; Сидельникова, Дружинина, 2015]).

Новизна работы связана с вовлечением в лингвистический оборот нового материала детских научных текстов, а также проявляется в интегральном подходе к изучению средств репрезентации научных феноменов: нами представлено сопоставление материала двух языков (русского и французского) и пяти типов средств (номинативных вербальных, экспрессивных вербальных, образных вербальных, необразных визуальных, образных визуальных).

Материалом для исследования послужили тексты книг «Увлекательная астрономия» Е. Качур и «*Mega roussin*» V. Babin, из которых методом сплошной выборки были отобраны единицы разных уровней языка, репрезентирующие научные феномены, а также изображения, иллюстрирующие эти явления. Количество проанализированных единиц: вербальных – 1 003 (в русскоязычной книге – 202; во франкоязычной энциклопедии – 801), визуальных – 389 (в русскоязычной книге – 59; во франкоязычной энциклопедии – 330).

Цель данной статьи – выявить и описать универсальные характеристики и лингвокультурную специфику вербальной и визуальной репрезентации научных объектов и явлений в детских книгах на русском и французском языках.

В книге «Увлекательная астрономия», предназначенной для детей младшего школьного возраста, представлено два главных героя – Чевостик и дядя Кузя. Они посещают обсерваторию, знакомятся с небесными светилами, узнают о Луне и планетах Солнечной системы, звездах и кометах. Опираясь на классификацию Н. В. Чехова [2012], мы можем охарактеризовать форму изложения текста рассматриваемой книги как историю, основанную на примере какого-либо человека (в нашем случае персонажа Чевостика), который впервые овладевает знаниями одной из научных областей (астрономии).

Энциклопедия «*Mega roussin*» предназначена для совсем юных адресатов – детей от трех до шести лет. Книга не посвящена какой-либо конкретной научной области. Тематика энциклопедии широка: она охватывает различные объекты окружающего мира, явления природы, предметы быта, строение человека и многое другое. Согласно классификации Н. В. Чехова [2012], форма сообщения информации юным адресатам в тексте данной книги – неадаптированное представление фактов. При такой форме автор репрезентирует научные сведения, используя определенные языковые и иконические средства.

Для определения коэффициента плотности, или частотности каждого типа средств в обеих книгах, мы поделили количество выявленных употреблений одной категории средств в одной книге на общее количество страниц в этой книге. Это позволило получить численные значения «распространенности» определенного типа средств (коэффициент частотности, КЧ) и «покрытия» им текста для того, чтобы на основе этих значений можно было сравнить русскоязычный и франкоязычный материалы между собой.

Мы проанализировали вербальные средства репрезентации научных феноменов детских книг с точки зрения особенностей функционирования в креолизованных текстах и разделили их на три категории: номинативные, экспрессивные и образные.

Номинативность вслед за Н. А. Лукьяновой мы понимаем как признак единицы лексического и других уровней языка, отвечающий за обозначение и наименование предметов и связанный с классифицирующей деятельностью сознания (следовательно, и с денотатом и / или сигнификатом как ментальными структурами), т. е. с работой левого полушария головного мозга в когнитивно-номинативном (в аспекте порождения единиц) и когнитивно-коммуникативном (в аспекте функционирования единиц) процессах [Лукьянова, 2009, с. 213].

Номинативные вербальные средства чаще встречаются во франкоязычной энциклопедии объемом в 115 страниц: нами было выявлено 575 средств лексического, фразеологического, морфологического и синтаксического уровней языка (КЧ = 5,0). В русскоязычной книге объемом в 74 страницы представлено 72 средства тех же самых языковых уровней, а также уровня фонетики (КЧ = 0,97).

Одно из широко используемых номинативных вербальных средств франкоязычной энциклопедии – **контекстуальные синонимы** (114), которые выполняют функцию замещения, описывают предмет или явление не только целостно и всесторонне, но и более доступно (например, сначала в повествование вводятся синонимы *une enveloppe*, *le cocon* ‘оболочка, кокон бабочки’ и только затем – *la chrysalide* ‘хризалида’). Данное средство позволяет избегать монотонности речи и лексических повторов, уточнять мысль и передавать адресату дополнительные сведения о феномене.

Пример номинативного вербального средства русскоязычной книги – **звуковое подражание астрономическому феномену** (2), имитирующее космические процессы (ветер на Юпитере, падение метеорита), которые невозможно или маловероятно услышать в повседневной жизни («Представляю себе, что там, на Юпитере, творится! Ветер дует: “У-у-у! Ф-ф-фитть!”») (Качур, 2017, с. 40)). Это средство помогает получить представление о явлении и характере его протекания. Такой способ репрезентации астрономических феноменов влияет на заинтересованность детей и эффективность усвоения ими материала.

Опираясь на терминологию Н. А. Лукьяновой, мы понимаем под экспрессивностью свойство лексической единицы и единиц других уровней языка, связанное с их возможностью передавать «субъективные аспекты восприятия» людьми окружающего мира. Номинативность свойственна экспрессивным единицам, однако они не столько называют предмет, признак, явление, сколько показывают субъективное «я» говорящего или пишущего, «человеческий фактор», по этой причине экспрессивный фонд языка антропоцентричен [Лукьянова, 2009, с. 213]. Следовательно, экспрессивность мы рассматриваем в противопоставлении номинативности, экспрессивную функцию – в противопоставлении номинативной.

Экспрессивные вербальные средства в обеих книгах были выявлены на уровне лексики и синтаксиса: 214 примеров во франкоязычной книге (КЧ = 1,86) и 49 примеров в русскоязычной энциклопедии (КЧ = 0,66).

Во франкоязычном материале было выделено довольно большое количество **оценочной лексики** (24), которая выполняет эмоционально-регулятивную функцию, воздействует на юных читателей («N'oublie pas non plus de faire ta toilette: *c'est désagréable* d'être sale et cela peut nuire à ta santé» (Babin, 1989, p. 18). – ‘И не забывай мыться: *неприятно* быть грязным, и это может навредить твоему здоровью’<sup>1</sup>). С помощью такой лексики оцениваются внешний вид объектов («Les loriots d'or ont de *belles* plumes jaunes». – ‘У золотых иволг *красивые* желтые перья’), их внутренние качества (например, «Les castors sont très *adroit*» – ‘Бобры очень *ловкие*’). Большая часть аксиологической лексики (21 пример из 24-х) выражает положительную оценку, с помощью которой акцентируется внимание на пользе здорового образа жизни (спорта, гигиены, питания) и красоте окружающего мира (животных, стран мира).

Среди экспрессивных средств русскоязычной книги нами были выявлены, например, **антитезы** (21) («У *Юпитера* их [спутников] целых шестьдесят семь, а у *Венеры* и *Меркурия* вообще нет» (Качур, 2017, с. 36)), выполняющие экспрессивно-эмоциональную функцию, а также функцию ритмического членения текста, что влияет на его ясность и четкость.

Обращение к образным вербальным средствам в гораздо большей степени характерно для русскоязычной книги: нами было обнаружено 81 средство в «Увлекательной астрономии» (КЧ = 1,09), а в сравнении «Mega roussin» – 12 (КЧ = 0,10). На лексическом уровне были выявлены разнообразные **метафоры** («Ой, какой необычный *дом*! Крыша круглая, и из неё огромная труба торчит. / – Это *телескоп*» (Качур, 2017, с. 18)); на синтаксическом – **сравнения** («C'est un très grand *oiseau* [*l'aigle royal*]: ses ailes déployées mesurent plus de 2 mètres, *autant qu'une personne!*») (Babin, 1989, p. 74) – ‘Это очень большая *птица* [*королевский орел*], ее размах крыльев более двух метров, *как человек!*’). Для франкоязычной книги характерно использование терминологии и необразной контекстуальной синонимии, и при наличии большего объема она имеет меньшее количество и плотность образных средств.

<sup>1</sup> Здесь и далее перевод наш. – А. А., Е. П.

В русскоязычной энциклопедии в ходе анализа метафор нами были обнаружены конкретные группы в сфере-источнике с большим количеством соответствующих примеров, что говорит о последовательном обращении автора к одним и тем же категориям при описании различных феноменов: еды (спутник – это *картошка*) – для использования известных еще с младенчества корневых понятий, вызывающих яркие образы; артефактов (кольцо Сатурна – это *обруч*) – для обращения к посуде, одежде, украшениям и другим «привычным» объектам, облегчающим представление неощутимых и невидимых феноменов; геометрических фигур (галактика Млечный Путь – это *полоса*) – для апелляции к изученным в социальных институтах предметам при репрезентации научных объектов и явлений, недоступных прямому наблюдению.

Во франкоязычной книге в большей степени представлены единичные сферы-источники, используемые автором для характеристики определенных объектов и явлений, например, артефакты (кокон / хризалида бабочки – это *конверт*; сено – это *мячик*) – бумага, игрушка, т. е. базовые предметы быта, с которыми знакомят детей с ранних лет.

Процесс метафоризации в научных книгах для детей характеризуется использованием одинаковых сфер-источников и сфер-целей даже при условии разных языков и различного содержания книг. В обеих энциклопедиях были выявлены одинаковые сферы-источники: предметы быта (артефакты), климатические условия и животные (натурфакты), и сферы-цели: климатические условия, природные объекты, времена года (натурфакты).

Климатические условия, с одной стороны, детям хорошо знакомы, поэтому они выступают как сферы-источники, с другой стороны, дети не понимают, что лежит в их основе, это недоступно прямому ощущению, поэтому они являются также сферами-мишенями. Следовательно, климатические условия – это амбивалентные области: одни явления этой категории понятны и конкретны, другие же, наоборот, нуждаются в образном описании.

Выявленные иконические средства репрезентации научных объектов и явлений мы разделили в зависимости от способа представления информации на две категории: необразные и образные.

Необразный иконический компонент «Увлекательной астрономии» представлен **иллюстрациями** (наиболее частотное средство, выполняющее информативную и аттрактивную функции), **символическими изображениями** (средство, служащее для структурирования информации и упрощенного пользования книгой) и **схемами** (наименее распространенное средство, необходимое исключительно для репрезентации космических процессов, которые недоступны прямому наблюдению и которые удобно представлять с помощью иллюстраций, инструментов и подписей).

Например, на рис. 1 мы видим **иллюстрацию** Марса как «красной планеты», выполненную с использованием определенной палитры цветов – разных оттенков красного. Она «включена» в следующий словесный комментарий: «...в породах, из которых состоит его [Марса] поверхность, много ржаво-красных оксидов железа» (Качур, 2017, с. 35).



Рис. 1. «Красная планета» Марс  
в книге «Увлекательная астрономия»

Fig. 1. The “red planet” Mars  
is presented in the book “Fascinating Astronomy”

Таким образом, изображение и вербальный комментарий совместно передают необходимую информацию адресатам.

Необразный визуальный компонент книги «Mega poussin» представлен:

1) **отдельными рисунками, посвященными определенной тематике** (самое распространенное средство – «помощник» вербального элемента, отражающий в максимально приближенной к действительности манере различные феномены);

2) **символическими изображениями** (средство репрезентации конкретной информации – деятельности, внутреннего устройства и развития человека, окружающего мирового пространства);

3) **сопоставительными рисунками** (средство изображения одних феноменов в сопоставлении с другими для представления «цельной картины» знаний);

4) **рисунками, составляющими комикс** (средство поэтапной репрезентации процессов из жизни каждого человека).

Наименее частотные визуальные средства – таблицы, рисунки, стилизованные под фотографии, особый шрифт, стилизованный под рукописное написание, и схема. Они нужны в единичных случаях при представлении информации не в реалистичной, а в схематичной манере или с помощью стилизации.

Например, рис. 2 представляет собой **отдельный рисунок, посвященный определенной (ботанической) тематике** (цветам). Для его создания была использована палитра конкретных цветов: синий – для изображения василька, вероники, цикория обыкновенного; фиолетовый – для фиалки; сиреневый – для лаванды; розовый – для наперстянки; желтый, красный, белый, оранжевый, розовый, фиолетовый – для роз. Все эти иллюстрации встроены в словесные комментарии, например, ср. рисунок фиалки и надпись «La violette est...violette» ‘Фиалка... фиолетовая’. Следовательно, взаимодействие изображения и вербального текста передает необходимые научные сведения.

**Образные визуальные средства** были выявлены только в русскоязычной книге. Например, на рис. 3 репрезентируются такие астрономические феномены, как созвездия Большая Медведица и Малая Медведица. Особое расположение звезд, соединение которых образует «ковш» (Большая Медведица) и «ковшик поменьше» (Малая Медведица), представляется с помощью образов животных (медведицы и медвежонка). Словесная информация дублируется иконической для того, чтобы дети смогли ее лучше запомнить и применить при необходимости в будущем.

Для франкоязычной книги характерно использование исключительно **необразных иконических средств**: они представляют словесный материал с помощью изображений, выполненных в реалистической манере. Анализ и вербального, и визуального компонентов показал, что русскоязычная книга в сравнении с франкоязычной энциклопедией в большей степени апеллирует к образам.

Согласно классификации Н. С. Валгиной [2003], тексты анализируемых книг являются креолизованными текстами с полной креолизацией, вербальный и визуальный компоненты которых на-



Рис. 2. Цветы, сгруппированные в зависимости от цветовой палитры и представленные в книге «Mega poussin»

Fig. 2. Flowers grouped according to the color palette and presented in the book “Mega poussin”

ходятся в синсемантических отношениях: иконический компонент является обязательным и вспомогательным по отношению к словесному.



Рис. 3. Созвездия Большая Медведица и Малая Медведица в книге «Увлекательная астрономия»

Fig. 3. The constellations Ursa Major and Ursa Minor are presented in the book “Fascinating Astronomy”

Вербальный и визуальный компоненты обеих анализируемых книг находятся в одинаковых отношениях. Следовательно, несмотря на факт различия языка, культурного и национального кодов, темы и областей науки, авторы обеих книг активно и в схожей манере обращаются к сочетанию средств разного типа для достижения поставленной цели – упрощенного и эффективного представления объектов и явлений детям в книгах научно-популярного содержания.

Однако нами отмечается также лингвокультурная специфика репрезентации феноменов: франкоязычная энциклопедия в большей мере ориентирована на приближение детского стандарта к стандартам текста для взрослых, а также на представление словесного материала с помощью изображений, выполненных в реалистической манере, тогда как русскоязычная книга, апеллируя к вербальным и визуальным образам, создает именно детскую, сказочную атмосферу.

Перспективы проведенного нами исследования – изучение детских книг с включением аудиальных и осязательных средств репрезентации научных феноменов, расширение материала исследования за счет включения книг для носителей других лингвокультур, существенно отличающихся от европейской, а также проведение лингвистического эксперимента для оценивания эффективности восприятия детьми креолизованных текстов с различными типами компонентов.

### Список литературы

Александрова Е. М. Креолизованная языковая игра как семиотический феномен // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3–2 (81). С. 276–282.

- Большакова Л. С.** Метафора в англоязычном поликодовом тексте: на материале британских и американских музыкальных видеоклипов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. 24 с.
- Валгина Н. С.** Понятие креолизованного текста // Теория текста: Учеб. пособие. М., 2003. С. 127–128.
- Ворошилова М. Б.** Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. Вып. 20. С. 75–80.
- Ежова Е. Н.** Визуальные коды в структуре креолизованного текста рекламы // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 2 (28). С. 52–60.
- Качмазова А. У.** Креолизованный текст как жанр интернет-дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 3 (23). С. 108–110.
- Кобзева Е. В.** Поликодовый текст как объект филологического анализа // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2017. № 10 (123). С. 58–62.
- Колесникова О. Д.** Креолизованные или поликодовые тексты телевизионных новостей: к соотношению понятий // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 545–547.
- Ломоносова А. Л.** Социокультурный аспект креолизованных текстов // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2018. № 18 (816). С. 417–425.
- Лукьянова Н. А.** Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 211–215.
- Маркина К. Н.** Феномен креолизованного текста в современной рекламной практике // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 1 (29). С. 121–124.
- Самут А. В.** Основные подходы к определению креолизованного рекламного текста // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2016. № 3. С. 190–196.
- Сидельникова Е. А., Дружинина А. С.** Составляющие компоненты креолизованного текста // Научный альманах. 2015. № 10-4 (12). С. 565–568.
- Чехов Н. В.** Введение в детскую литературу // Детские чтения. 2012. Т. 2, № 2. С. 34–35.
- Ягодкина М. В.** Креолизованный текст в интернет-коммуникации // Медиаисследования. 2017. № 4–1. С. 202–206.

#### Список источников

- Качур Е.** Увлекательная астрономия / Ил. А. Балатеньшевой и А. Холодиловой. 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 80 с.: ил. (Серия «Детские энциклопедии с Чевостиком»)
- Babin V.** *Mega poussin*. Paris: Éditions Nathan, 1989. 116 p.

#### References

- Aleksandrova E. M.** Kreolizovannaya yazykovaya igra kak semioticheskii fenomen [A creolized language play as a semiotic phenomenon]. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 2018, no. 3–2 (81), pp. 276–282. (in Russ.)
- Bolshakova L. S.** Metafora v angloyazychnom polikodovom tekste: na mat. britanskikh i amerikanskikh muzykal'nykh videoklipov [A metaphor in English polycode text: based on British and American music videos]. Abstract of Thesis Cand. Sci. Philol. Samara, 2008, 24 p. (in Russ.)
- Chekhov N. V.** Vvedenie v detskuyu literaturu [Introduction to Children's Literature]. *Children's Readings*, 2012, vol. 2, no. 2, pp. 34–35. (in Russ.)
- Ezhova E. N.** Vizual'nye kody v strukture kreolizovannogo teksta reklamy [Visual codes in the structure of creolized advertising text]. *The sign: the problematic field of media education*, 2018, no. 2 (28), pp. 52–60. (in Russ.)

- Kachmazova A. U.** Kreolizovannyi tekst kak zhanr internet-diskursa [Creolized text as a genre of Internet discourse]. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 2016, no. 3 (23), pp. 108–110. (in Russ.)
- Kobzeva E. V.** Polikodovyi tekst kak ob"ekt filologicheskogo analiza [Polycode text as an object of philological analysis]. *Herald of Volgograd State Pedagogical University*, 2017, no. 10 (123), pp. 58–62. (in Russ.)
- Kolesnikova O. D.** Kreolizovannye ili polikodovye teksty televizionnykh novostei: k sootnosheniyu ponyatii [Creolized or polycode texts of television news: on the relation of concepts]. *The world of science, culture, and education*, 2018, no. 2 (69), pp. 545–547. (in Russ.)
- Lomonosova A. L.** Sotsiokul'turnyi aspekt kreolizovannykh tekstov [The sociocultural aspect of creolized texts]. *Herald of Moscow State Linguistic University. The Humanities*, 2018, no. 18 (816), pp. 417–425. (in Russ.)
- Lukyanova N. A.** Diskussionnye momenty interpretatsii ekspressivnosti kak kategorii leksikologii [Controversial aspects of the interpretation of expressivity as a category of lexicology]. *Herald of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 2009, no. 1 (9), pp. 211–215. (in Russ.)
- Markina K. N.** Fenomen kreolizovannogo teksta v sovremennoi reklamnoi praktike [The phenomenon of creolized text in modern advertising practice]. *The Humanities and Education*, 2017, no. 1 (29), pp. 121–124. (in Russ.)
- Samut A. V.** Osnovnye podkhody k opredeleniyu kreolizovannogo reklamnogo teksta [The main approaches to the definition of creolized advertising text]. *Current problems of German studies, Roman studies and Russian studies*, 2016, no. 3, pp. 190–196. (in Russ.)
- Sidelnikova E. A., Druzhinina A. S.** Sostavlyayushchie komponenty kreolizovannogo teksta [The components of a creolized text]. *Scientific Almanac*, 2015, no. 10–4 (12), pp. 565–568. (in Russ.)
- Valgina N. S.** Ponyatie kreolizovannogo teksta [The concept of creolized text]. In: *Text theory: Textbook*. Moscow, 2003, pp. 127–128. (in Russ.)
- Voroshilova M. B.** Kreolizovannyi tekst: aspekty izucheniya [Creolized text: aspects of study]. In: *Political Linguistics*. Ekaterinburg, 2006, iss. 20, pp. 75–80. (in Russ.)
- Yagodkina M. V.** Kreolizovannyi tekst v internet-kommunikatsii [Creolized text in Internet communication]. *Media studies*, 2017, no. 4–1, pp. 202–206. (in Russ.)

#### List of Sources

- Kachur E.** *Uvlekatel'naya astronomiya [Fascinating astronomy]*. Ill. by A. Balatenysheva, A. Kholodilova. 3<sup>rd</sup> ed. Moscow, Mann, Ivanov, Ferber Publ., 2017, 80 p. (in Russ.) (Series “Children’s encyclopedias with Chevostik”)
- Babin V.** *Mega poussin*. Paris, Éditions Nathan, 1989, 116 p. (in French)

#### Информация об авторах

**Алина Алексеевна Алексеева**, кандидат филологических наук

Scopus Author ID 57196652211

RSCI Author ID 574506

SPIN 5332-9752

**Елизавета Романовна Прокопьева**

WoS Researcher ID MDS-9912-2025

SPIN 7355-2644

### Information about the Authors

**Alina A. Alekseeva**, Candidate of Sciences (Philology)

Scopus Author ID 57196652211

RSCI Author ID 574506

SPIN 5332-9752

**Elizaveta R. Prokopeva**

WoS Researcher ID MDS-9912-2025

SPIN 7355-2644

### Вклад авторов:

А. А. Алексеева – научное консультирование, формулирование выводов, доработка итогового варианта статьи.

Е. Р. Прокопьева – отбор и анализ материала, формулирование выводов, подготовка первой версии статьи.

### Contribution of the Authors:

Alina A. Alekseeva guided the research process, made the conclusion, prepared the final version of the article.

Elizaveta R. Prokopeva selected and analyzed the material, made the conclusion, prepared the first draft of the article.

*Статья поступила в редакцию 25.11.2023;  
одобрена после рецензирования 11.01.2024; принята к публикации 15.01.2024  
The article was submitted on 25.11.2023;  
approved after reviewing on 11.01.2024; accepted for publication on 15.01.2024*

Научная статья

УДК 811.581'42:811.581'38:351.74

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-74-88

## **Протесты в Гонконге (2019–2020): конструирование образов полиции и протестующих в китайском интернет-дискурсе**

**Алена Вячеславовна Дымова**<sup>1</sup>  
**Анастасия Игоревна Золотайко**<sup>2</sup>  
**Анатолий Прокопьевич Чудинов**<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Уральский федеральный университет  
Екатеринбург, Россия

<sup>2</sup> Уральский юридический институт Министерства внутренних дел России  
Екатеринбург, Россия

<sup>3</sup> Уральский государственный педагогический университет  
Екатеринбург, Россия

<sup>1</sup> dym.alyona@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2931-5199>

<sup>2</sup> liani@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9513-7987>

<sup>3</sup> ap\_chudinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5436-5273>

### *Аннотация*

Представлен анализ комментариев на популярном видеохостинге Bilibili с целью выявления, систематизации, сравнения и проведения лингвокультурного и когнитивного анализа основных концептуальных метафор, представляющих образ полиции и протестующих в контексте гонконгских протестов на вербальном уровне текста. В качестве основного результата исследования авторы отмечают, что выявленные концептуальные метафоры, как правило, отражают единодушно положительное отношение к полиции и ее действиям. Однако ситуация с метафорами в отношении протестующих абсолютно противоположна и характеризуется множеством негативно окрашенных метафорических словоупотреблений. Авторы определяют доминантные и наиболее частотные метафорические модели, а также выдвигают предположения относительно возможных причин наличия исключительно положительного восприятия полиции в период общественных волнений.

### *Ключевые слова*

общественные протесты, полицейский дискурс, протестующие, интернет-дискурс, интернет-комментарий, метафорическая репрезентация, Китай, Гонконг

### *Благодарности*

Статья подготовлена в рамках реализации гранта «Теория и методика метафорического моделирования образа полиции в электронных СМИ России, Украины и Белоруссии: аксиология, эволюция, ситуационная динамика, прагматика» (№ 22-28-00064).

Авторы выражают признательность Цзян Чанпэну, инженеру-исследователю Центра кроссмедийных технологий (Уральский федеральный университет) за помощь в подготовке перевода контекстов.

### *Для цитирования*

Дымова А. В., Золотайко А. И., Чудинов А. П. Протесты в Гонконге (2019–2020): конструирование образов полиции и протестующих в китайском интернет-дискурсе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 74–88. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-74-88

© Дымова А. В., Золотайко А. И., Чудинов А. П., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 74–88

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 74–88

## Hong Kong Protests (2019–2020): The Formation of the Police and Protesters Images in the Chinese Internet Discourse

Alyona V. Dymova <sup>1</sup>, Anastasia I. Zolotaiko <sup>2</sup>  
Anatoliy P. Chudinov <sup>3</sup>

<sup>1</sup> Ural Federal University  
Yekaterinburg, Russian Federation

<sup>2</sup> Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs  
of the Russian Federation  
Yekaterinburg, Russian Federation

<sup>3</sup> Ural State Pedagogical University  
Yekaterinburg, Russian Federation

<sup>1</sup> dym.alyona@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2931-5199>

<sup>2</sup> liani@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9513-7987>

<sup>3</sup> ap\_chudinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5436-5273>

### Abstract

*Purpose.* The study provides a linguocultural and cognitive analysis of the main metaphors representing the images of police and protesters in the Hong Kong protest context at the verbal level of text. The research is based on 305 comments on video clips on the Bilibili platform over the period from 2019 to 2020 selected by the method of continuous sampling. The authors use the cognitive-discursive method, which relies on discoveries in the field of metaphorical modelling and achievements in the field of discourse analysis. The obtained results may be of practical importance for researchers in the field of metaphorology, cognitive linguistics, and political linguistics.

*Results.* Despite the scarcity of explicit metaphors for the police, the conducted frame analysis has revealed 4 frames: *actions of the police, attitudes towards the police, functions of the police, and interaction with the police*. As for the protesters, 3 metaphorical models have been determined: PROTESTERS – ANIMATE WORLD, PROTESTERS – INANIMATE WORLD, PROTESTERS – SICKNESS.

*Conclusion.* The authors note that almost all of the metaphorical expressions tend to unanimously represent positive attitudes towards the police. However, metaphors regarding the protesters are absolutely different and are characterized by a multitude of negative metaphorical uses. In addition, the authors determine the dominant and the most frequent metaphorical models, and suggest possible causes of the entirely positive perception of the police during the period of social unrest.

### Keywords

social protests, police discourse, protesters, Internet discourse, Internet commentary, metaphorical representation, China, Hong Kong

### Acknowledgements

Research has been accomplished with financial support of the Grant “Theory and methods of metaphorical modeling of the image of the police in the electronic media of Russia, Ukraine and Belarus: axiology, evolution, situational dynamics, pragmatics” (no. 22-28-00064).

The authors would like to thank Jiang Changpeng, Research Engineer at the Center for Cross-Media Technology (Ural Federal University) for his help in preparing the translation of the contexts.

### For citation

Dymova A. V., Zolotaiko A. I., Chudinov A. P. Hong Kong Protests (2019–2020): The Formation of the Police and Protesters Images in the Chinese Internet Discourse. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 74–88. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-74-88

Изучение метафорического моделирования образа правоохранительных органов в контексте протестных движений в разных странах представляется перспективным и позволяет исследователям классифицировать и описывать языковой материал с учетом ситуативных, контекстуальных и лингвокультурных аспектов. Восприятие института полиции населением и сама работа правоохранительных органов напрямую отражают компетентность государства, то, как оно функционирует и удовлетворяет запросы и потребности граждан. Сотрудники правоохранительных органов выступают посредниками между властью и населением и по-

тому являются ее проекцией в глазах общественности. Негативный или позитивный опыт взаимодействия с правоохранительными органами позволяет гражданам судить о системе управления страной в целом. При этом особое внимание уделяется тому, как правительства справляются со вспышками общественного недовольства и к каким способам урегулирования конфликтов они прибегают. Взаимодействие полиции и граждан часто оказывается в центре внимания и выступает в качестве индикатора интенсивности конфликта. В этой связи научный интерес вызывают антиправительственные протесты в Гонконге, прошедшие в 2019–2020 гг.: обилие новостей о них отражает многослойность и конфликтогенность этого процесса как в рядах протестующих, так и в правящих элитах самой автономии и КНР. Формируемые мнения и убеждения о протестующих позволяют судить в том числе и о степени поддержки и благосклонности китайского общества к правоохранительным органам страны.

Рассматриваемые события нашли отражение в ряде работ, затрагивающих различные аспекты политических, социологических и лингвистических исследований. А. Л. Зверев и А. П. Федоров [2015] проанализировали механизмы политических манипуляций в социальных сетях посредством изучения стратегий формирования дискуссионных коммуникативных площадок и давления на реципиента концептом «большинства». Ню Мэнди [2021] провел сравнительный фреймовый анализ текстов СМИ о протестах в Китае, США и Великобритании. В исследовании Н. М. Cheong [2022] рассматривается языковая идентичность жителей Гонконга на основе личного опыта участников коммуникативных актов, сформированного под влиянием различных социологических факторов. В работе D. Tay [2021] предложен новый подход к критическому синхронному и диахронному анализу дискурса с использованием автоматизированного лексического и временного моделирования. Р. Н. Jones, D. Chau [2022] исследовали металингвистические тактики, применяемые протестующими в Гонконге в 2014 и 2019 гг.: отражение и использование доминантных языковых идеологий в контексте отдельно взятого города. Предметом научного интереса L. Ming, G. Wang [2022] стали дискурсивные стратегии, используемые в медиа-репрезентациях протестов, а также правила борьбы за власть. Примечательно, что при всем разнообразии аспектов научных изысканий в контексте данного конфликта, метафорическая репрезентация полиции и протестующих требует отдельного рассмотрения.

Современные тенденции внедрения передовых технологий в различные области жизни делают исследования явлений, связанных с техническим прогрессом, особенно актуальными. Интернет-дискурс представляет собой обширное поле для изучения языковых форм и функций, используемых в виртуальной среде. Как отмечает Н. Sun [2010], исследуя особенности использования английского языка в Интернете, этот язык является самодостаточным – для успешного общения достаточно ресурсов самой сети. Под указанным типом дискурса подразумевается *письменная форма языка, применяемая в электронных коммуникациях, обладающая высокой степенью эмоциональной оценки и рядом уникальных характеристик: склонностью к изменениям, сокращению слов, использованию текстовой графики, а также сочетанием вербальных и невербальных средств передачи информации*. Некоторые аспекты этого дискурса представляют исследовательский интерес благодаря огромному разнообразию информационных потоков и языковых средств, используемых в нем. Поэтому в рамках настоящей работы основное внимание уделяется анализу полицейского дискурса в сети Интернет, а точнее интерпретации и расшифровке общественного мнения, выражаемого через комментарии пользователей по актуальным внутриполитическим вопросам, касающимся работы полиции и ее взаимодействия с протестующими. Для этого используется когнитивно-дискурсивный анализ метафор как инструмент мышления, средство познания, объяснения и моделирования окружающей действительности.

Образ полиции и протестующих, сформированный аффективно-оценочным компонентом, формируется на основе эмоционально окрашенных суждений посредством различных способов передачи информации: устно или письменно, в условиях реального общения или в вир-

туальной среде. Большое значение имеют и личностные установки участников коммуникации, и социальные факторы, оказывающие на них влияние. Различные подходы к определению образа правоохранительных органов представлены в многочисленных работах как российских, так и зарубежных исследователей в области психологии и социологии (см.: [Бобков, 2019; Дубнякова, 2013; Кубышко, Крук, 2019; Передня, 2016; Baban, Vonas, 2016; Rus, 2020; Worrall, Siegel, 2017] и др.). При этом образ понимается как «результат прошлого опыта взаимодействия граждан с полицией и одновременно показатель текущего отношения к ней» [Дубнякова, 2013, с. 19].

Вопрос о том, что именно можно считать концептуальной метафорой, остается актуальным. В этом отношении целесообразно принимать во внимание подход, предложенный Л. М. Алексеевой и С. Л. Мишлановой [2016], согласно которому взгляд на метафору не ограничивается непосредственно словом: концептуальная метафора рассматривается как явление, обусловленное множеством факторов, таких как текст, профессиональная речь или дискурс. Особое внимание в данном исследовании уделяется контексту, который позволяет идентифицировать словоупотребления как метафорические, добавляя описательные характеристики для их уникального осмысления и запоминания. При этом когнитивно-коммуникативный анализ метафор включает в себя детальное представление коммуникации и общих установок участников. Понимание метафоры зависит от общего опыта и убеждений участников общения, поэтому исследователь должен принимать их во внимание при рассмотрении связей между сферой-мишенью и сферой-источником метафорического переноса. Следует отметить, что индивидуальные интерпретации могут существенно различаться. Вопрос об идентификации метафоры является дискуссионным, и многие исследователи (см., например: [Stefanowitsch, Goschler, 2009; Steen et al., 2010]) отмечают его сложность и проблематичность. В связи с этим представляется возможным судить о том, что любое словоупотребление может быть более или менее метафорически эксплицитным по сравнению с другим и что определенная степень метафоричности может проявляться даже в не самых очевидных примерах (см.: [Aaron, 2001; Müller, 2017] и др.).

Рассматривая текстовый материал о полиции, следует отметить, что комментаторы прежде всего откликаются на изменения, происходящие в обществе, на смену приоритетов и ценностей, т. е. воплощают общественное сознание в конкретный момент. Комментаторы не ограничиваются экспрессивностью или языковой грамотностью, что, с одной стороны, свидетельствует об отсутствии языковой культуры, а с другой – способствует объективному и четкому пониманию позиции человека по тем или иным вопросам. Таким образом, наиболее удобным способом изучения вектора восприятия образа полиции и протестующих является система метафорических моделей: в когнитивном восприятии мира метафора настолько функциональна и универсальна, что даже при простейших средствах выражения способна отображать широкие понятия и взгляды. Метафоры могут «создавать» текст, а также регулировать степень и интенсивность его понимания.

Целью данной статьи является анализ комментариев на популярном видеохостинге для выявления, систематизации, сравнения и проведения лингвокультурного и когнитивного анализа основных метафор, репрезентирующих образ китайской полиции и протестующих в контексте протестов в Гонконге на вербальном уровне текста. Для этого было проанализировано более 1 000 комментариев к протестным видеороликам на платформе Bilibili за период с 2019 по 2020 г. и методом сплошной выборки отобрано 305 из них. Проведен контент-анализ высказываний с целью выяснения их тональности и направления вектора восприятия, а также интерпретации использованных авторами метафор. В этой связи необходимо было выделить комментарии, которые а) в той или иной форме упоминали полицию либо протестующих или их действия, б) выражали определенное отношение к полиции или их взаимодействию с протестующими, в) содержали когнитивную метафору, которую необходимо было расшифровать. После этого все метафоры были сгруппированы в соответствии с их сферой-источником с учетом их доминантности и частотности. При анализе метафорических

моделей важным был также вопрос их инвентаризации. При расшифровке метафор учитывались следующие категории: 1) продуктивность модели; 2) частотность модели; 3) доминантность модели; 4) эмоциональная окраска.

В основе исследования лежит когнитивно-дискурсивная методология, опирающаяся на разработки в области метафорического моделирования (см.: [Баранов, 2014; Будаев, Чудинов, 2020; Burkholder, Henry, 2009; Farrell, Young, 2009; Goatly, 2007; Müller, 2017; Musolff, 2019; Sullivan, 2018] и др.) и достижения в области дискурс-анализа (см.: [Баранов, 2004; Гаврилова, 2015; Карасик, 2018; Alba-Juez, Mackenzie, 2019; Johnstone, 2017] и др.). При анализе метафор учитывались идеи лингвокультурологии и других антропоцентрических направлений науки (см.: [Алефиренко, 2011; Карасик, 2009; Пименова, Родичева, 2022; Vochnner, 2013; Metge, Kinloch, 2014] и др.).

### Метафорическая репрезентация образа полиции

Анализ комментариев к видеороликам, опубликованным отдельными пользователями и государственными новостными каналами (например, CGTN, CCTV), которые функционируют под надзором отдела пропаганды Центрального комитета Коммунистической партии Китая, показал, что метафорическая репрезентация полиции менее эксплицитна, чем репрезентация протестующих. Выявленные в комментариях метафоры необычны с точки зрения восприятия, поскольку они, как правило, представляют абстрактные и более сложно декодируемые концепции, а не четкие и однозначные образы, но при этом остаются сферой-источником метафорического переноса. Общее количество комментариев под одним видео может превышать пять тысяч, но лишь немногие из них касаются полиции и будут признаны метафорическими. Низкая частотность и разрозненность сфер-источников отобранных комментариев осложняют процесс выявления каких-либо устойчивых метафорических моделей, однако метафоры можно сгруппировать в четыре основных фрейма с прагматической точки зрения: *действия полиции*, *отношение к полиции*, *функции полиции* и *взаимодействие с полицией*. Примечательно, что они преимущественно отражают единодушно положительное отношение к правоохранительным органам и их действиям в ходе протестов в Гонконге в 2019–2020 гг. Во всех приведенных примерах сохранены орфография и пунктуация авторов комментариев.

1. В контексте фрейма «Действия полиции» комментаторы выражают свое уважение, поддержку и одобрение деятельности и мер, предпринятых полицией Гонконга.

- (1) 你忘了鸿茅药酒了吗? 忘了发一个关于百度的微博就被警察叫去喝茶了吗? / *Вы забыли про лечебное вино Hongmao? Забыли, как разместили пост на Weibo о Vaidu, и вас вызвала полиция «на чай»?*

Автор комментария подразумевает, что быть вызванным полицией «на чай» означает быть арестованным или доставленным в отделение полиции. Несмотря на безусловно ироничный характер, эвфемистическое выражение звучит относительно вежливо, тем самым формируя образ полиции как дружелюбного и гостеприимного хозяина, смягчая ассоциацию с угрозой или принуждением.

- (2) 可以让警察学功夫打废青 / *Полиция может изучить кунг-фу и избить бесполезную молодежь.*

Рассматриваемый комментарий обращается к ограниченному количеству действий, разрешенных полиции при приведении протестующих к порядку. Автор склонен оправдывать насилие в любой приемлемой форме (например, боевые искусства) по отношению к тем, кто нарушает существующий порядок. Несмотря на отчетливый пацифизм полиции, сближение с образом воина происходит через подобное преувеличение. Фактически китайские пользователи сети ревностно поддерживают ослабление каких-либо ограничений для полиции при подавлении протестов.

2. Фрейм «Отношение к полиции» функционирует в тех комментариях Bilibili, которые транслируют определенное оценочное восприятие полиции и того, как к ней относятся другие люди.

- (3) 不管怎样不该让无辜民众和为政府出力的警察等当成鱼肉! [笑]他们有什么错 / *В любом случае, к невиновным людям и полицейским, работающим на правительство, нельзя относиться как к «рыбам»!* [смеется] *Что с ними не так?*

Использование образа рыбы в данном случае тесно связано с китайской идиомой 人为刀俎我为鱼肉 /  $\approx$  *быть мясом на разделочной доске*, т. е. быть беспомощным и обреченным на несправедливо жестокое обращение. Метафора подчеркивает возмущение автора, связанное с несправедливым насилием и неуважением по отношению к тем, кто служит в правоохранительных органах.

Концептуальная метафора ПОЛИЦЕЙСКИЙ – ДЯДЯ заслуживает особого упоминания в этом фрейме. К полиции обращаются 叔叔 / *дядя*, что намного мягче, чем, к примеру, 同志 / *товарищ*, поскольку в этом случае в отношении полиции формируется ассоциация с семьей и семейной иерархией, а также сокращается дистанция между полицией и обществом. Часто такое обращение используется более молодым населением. Например, контексты показывают, как эта метафора реализуется, чтобы выразить благодарность и уважение к полиции Гонконга:

- (4) 谢谢你, 警察叔叔 / *Спасибо, дядя полицейский.*  
(5) 警察叔叔, 就是这个人, 他讲黑话 / *Дядя полицейский, вот этот парень, он клеветает.*

Лексема 叔叔 / *дядя* в приведенных выше примерах передает прагматическое значение единства, поддержки и дружелюбия. Кроме того, она способствует созданию более доступного и менее пугающего образа сотрудника правоохранительных органов.

3. Фрейм «Функции полиции» содержит комментарии, передающие концептуальное представление о ролях и обязанностях сотрудников полиции с точки зрения общественности.

- (6) 中国太和平了, 警察都快像保姆了 / *Китай настолько миролюбив, что полиция здесь почти как няньки.*

В высказывании содержится акцент на мягкости и заботе представителей полиции, формируемый посредством образа няньки. В этом случае автор через метафору высказывает мнение о том, что полиция Гонконга ведет себя учтиво и заботливо, что может показаться неуместным в тревожной ситуации общественных беспорядков. С другой стороны, можно сделать вывод, что метафора представляет всех буйных протестующих просто как непослушных детей, тем самым нацеливаясь на умаление серьезности их мотивации.

4. Фрейм «Взаимодействие с полицией» содержит метафоры, которые репрезентируют опыт взаимодействия с представителями правоохранительных органов авторов (или свидетельства чьего-либо опыта).

- (7) 在那群人向往的美帝遇到类似情况, 如果你只是用拳头丢垃圾那一般就是高压水枪, 催泪弹, 橡胶子弹, 防爆盾四连。如果你敢拿武器攻击警察, 对不起, 一梭子花生米喂到饱。 / *Если бы такая ситуация произошла в той Американской Империи, к которой стремятся эти люди, если бы ты просто швырял мусор, обычно тебя встретили бы водометы, слезоточивый газ, резиновые пули и противоударные щиты. А если ты посмеешь напасть на полицию с оружием, извини, но будешь накормлен «арахисом», сколько захочешь.*

Комментарий отражает мнение автора относительно правильных действий в ситуации, описанной в контексте. Использование словосочетания «накормить арахисом» апеллирует

к образу стрельбы из пистолета, тогда как под самим 花生米 / *арахисом* на самом деле эвфемистически подразумеваются пули.

- (8) 香港警察真的太温柔了, 然而这份温柔却被一群狗杂碎吃了 / *Полиция Гонконга действительно слишком мягкая, но эту мягкость «съела» кучка ублюдков.*

Данный комментарий вновь акцентирует внимание на мягкости представителей полиции, но также указывает, что, несмотря на любые положительные качества, демонстрируемые полицией, их доброжелательность эксплуатируется и игнорируется со стороны агрессивных протестующих.

### Метафорическая репрезентация образа протестующих

В отличие от образа полиции, метафорическое конструирование образа протестующих представлено более эксплицитно: можно найти множество комментариев, фокусирующихся на представителях этой группы и их поведении посредством различных концептуальных метафор. Частота и доминирование определенных образов (анималистических, артефактных, морбиальных и проч.) позволяют сгруппировать их в метафорические модели на основе их сферы-источника.

1. Зооморфные метафорические переносы в модели *ПРОТЕСТУЮЩИЕ – ЖИВОЙ МИР* предоставляют широкий спектр возможностей для интерпретации и отличаются высокой частотностью. Эта модель объединяет метафорические выражения, организованные по принципу принадлежности к обширному фрейму «Животный мир». Структура этого фрейма включает слоты «Дикие животные», «Домашние животные» и «Насекомые».

1.1. Наиболее значимой группой метафор является слот «Дикие животные». Для таких животных характерны агрессивное поведение и борьба за выживание, а также некоторая территориальность, т. е. привязанность к определенной среде обитания, которая обеспечивает их ресурсами. В восприятии пользователей сети эти характеристики переносятся на протестующих и несут прагматический смысл опасности, презрения, ярости и свирепости.

- (9) 当我看到这群过街老鼠往人身上点火 往警察脖子上割去时 我彻底愤怒了 我希望对这些过街老鼠 杀无赦! / *Когда я увидел, как эти уличные крысы поджигают людей и режут шеи полицейским, я был вне себя от ярости. Надеюсь, этих уличных крыс убьют без пощады!*
- (10) 看这些视频我都要气死, 不知道警察怎么忍得下去的。一群游手好闲的 loser 仗着政府不敢对他们怎么样胡作非为。搞这些小打小闹的自我高潮, 一群老鼠 / *Просмотр этих видео приводит меня в бешенство. Я не знаю, как полиция это терпит. Группа бездельников рассчитывает на то, что правительство не посмеет ничего с ними сделать. Эти мелкие акты самодовольства совершает кучка крыс.*

Обращение к образу грызунов посредством лексики «крыса» придает высказываниям ярко выраженную негативную эмоциональную окраску, поскольку крысы традиционно ассоциируются с нечестностью (например, воровством, предательством), болезнями и подлостью. Интересно, что такая коннотация свойственна как китайскому, так и, например, английскому языкам, «поэтому метафоры с лексемой “крыса” относительно легко понимаются и декодируются китайскими и английскими пользователями» [Liu, 2022, p. 1832–1833].

- (11) 欧美警察不惯这些畜生臭毛病 / *Европейская и американская полиция не привыкла к плохим привычкам этих зверей.*
- (12) 和平抗议? 不过是乱国者和愚昧者的嘶吼。与其叫他们废青不如直白地叫他们卖国贼。瞧瞧他们的嘴脸, 活脱脱的暴徒。持续关注了香港的闹剧, 每次看新闻都怒从心起。我想不明白的是国家生你养你, 你如何做出这禽兽不如之事? 可见爱国教育的重要性, 一个连自己国家都不爱的, 能称之为**人**吗? / *Мирный про-*

*тест? Это лишь рев смутьянов и невежд. Вместо того, чтобы называть их бесполезной молодежью, лучше прямо назвать их предателями. Посмотрите на их лица – они настоящие бандиты. Я продолжаю следить за фарсом в Гонконге и всякий раз, когда смотрю новости, чувствую ярость. Не понимаю, как можно так поступать со своей страной, которая дала тебе жизнь и вырастила тебя. Это хуже, чем поступок зверя. Это лишь подтверждает важность патриотического воспитания. Можно ли назвать человеком того, кто даже не любит свою собственную страну?*

Китайские пользователи сети не только сравнивают протестующих с дикими животными, но и высказывают сомнения относительно их человеческой сущности. Такие образы усиливают их дегуманизацию и способствуют укреплению устойчиво негативного отношения к протестующим.

1.2. Независимость и неукротимость, сила и инстинкты отличают диких животных от домашних. Метафорические выражения, сгруппированные по отсутствию этих признаков, иллюстрируют разницу в восприятии комментаторами сотрудников полиции и протестующих в рамках фрейма «Домашние животные».

- (13) 人群一会就被冲散了，然后后续的警察跟抓小鸡儿似的，一个个直接捆起来。。太特么 666。。。 / Толпа вскоре была рассеяна, а затем прибывшие полицейские стали ловить «цыплят», связывая их по одному. По-настоящему круто...
- (14) 狗港独吃着中国的，用着中国的，拿着中国的，还不满足，警察就该用枪对方它们 / Гонконгские собаки едят китайское, используют китайское, берут китайское, но все равно недовольны. Полиция должна применить против них оружие.

Зооморфные метафоры в этих комментариях несут прагматический смысл уничтожения протестующих, подчеркивая их уязвимость, беспомощность, зависимость и неблагодарность. Полицейские при этом позиционируются как организованная сила, способная быстро и эффективно подавить протест.

1.3. Наименее представленная группа метафор относится к инсектоморфным образам в слоте «Насекомые». Тем не менее, на основе примера становится очевидным, что такие метафоры обладают преимущественно негативной коннотацией из-за распространенного чувства отвращения к определенным видам насекомых.

- (15) 又看到了这条视频，虽然有关于废青的一些现象已经看了无数遍但是我还是非常愤怒，就是社会最恶心的憨比和蛆，不配为人！！ / Я снова посмотрел это видео. Хотя я видел явления, связанные с бесполезной молодежью, бесчисленное количество раз, я все еще испытываю сильный гнев. Они – самые отвратительные идиоты и опарыши общества, и не заслуживают того, чтобы называться людьми!!

Примечательно, что в контексте (15), как и в (12), китайские комментаторы выражают сомнение в принадлежности протестующих к человеческому роду.

2. Артефактные метафоры в рамках модели **ПРОТЕСТУЮЩИЕ – НЕЖИВОЙ МИР** выражают отношение комментатора к окружающему миру через призму его функциональных возможностей. Такие метафорические выражения характеризуются деперсонификацией, что способствует созданию эффекта объективации, т. е. лишения человека, являющегося объектом метафорического переноса, признаков одушевленности и подчеркивания исключительно его функциональных аспектов, отражающих полезность или бесполезность в контексте какой-либо деятельности. Большинство проанализированных комментариев содержат отсылки к мусору как исходной области метафорического переноса.

- (16) 在此刻我想问问当时那帮人对外宣称叫嚣着独立自由的人有没有用过大陆的医疗产品及医护用品，如果有，请你脱下来，别弄脏了我们的医疗产品和您伟大的志向。 / *В этот момент я хотел бы спросить тех людей, которые тогда требовали независимости и свободы: пользовались ли вы когда-либо медицинскими товарами или медицинским оборудованием с материка? Если да, пожалуйста, снимите их, чтобы не загрязнять наши медицинские товары и ваши великие амбиции.*

Лексема *弄脏 / загрязнять* подразумевает прагматическое значение чего-то грязного и потенциально вредного для остального общества.

- (17) 面对西方警察的话，它们现在已经是一缕灰尘了 / *Для западной полиции они теперь всего лишь пылинки.*

Отдельно стоит выделить группу комментариев, содержащих метафоры с лексемой «отходы / отбросы», означающей *废青 / бесполезная молодежь*, которая передает идею ненужности, ущербности и потерянности огромной части молодых людей либеральных и прозападных взглядов. Например, подобную мысль можно также заметить в контексте (10), где используется английская лексема “loser” среди китайских иероглифов.

- (18) 如果之前内地警方参与处理废青，霉国就该发布以中国开头的人权法案了。乱港主谋渐渐冒头，我们一定会广而告之，让世界人民看清真相！ / *Если бы в борьбе с «отбросами» участвовала полиция материкового Китая, Америка наверняка приняла бы какую-нибудь резолюцию о правах человека, упоминающую Китай. Вдохновитель хаоса в Гонконге постепенно выходит на свет, и мы обязательно распространим информацию, чтобы люди во всем мире узнали правду!*
- (19) 我支持香港警察，关于废青和境外势力我以最诚挚的态度问候你祖宗十八代，我更相信我的祖国 / *Я поддерживаю полицию Гонконга. Что касается «отбросов» и иностранных сил, я передаю самые искренние приветия восемнадцати поколениям ваших предков. Я еще больше верю в свою родину.*
- (20) 围墙里面是一群从来没吃过什么苦，没挨过饿，好几天没好好吃饭的废青呀！ / *Внутри стены находится группа «отбросов», которая никогда не страдала, не испытывала голода и не была без нормальной пищи несколько дней!*

3. В рамках метафорической модели *ПРОТЕСТУЮЩИЕ – БОЛЕЗНЬ* комментаторы используют морбиальные метафоры, основанные на сближении образа протестующих со всевозможными человеческими болезнями и недугами, требующими медицинского вмешательства или какого-либо иного лечения. Болезнь может также трактоваться как нечто изначально чуждое, вредное, привнесенное извне, причиняющее страдания всему организму (или обществу) в целом и противостоящее нормальному здоровому состоянию. Данная метафорическая модель структурно включает такие фреймы, как «Физические заболевания и дефекты» и «Лечение».

3.1. Комментарии, отнесенные к фрейму «Физические заболевания и дефекты», содержат метафорические выражения, которые могут апеллировать к болезням и их симптомам. Ряд этих симптомов и их характеристик служат основой для такого метафорического переноса. Например, комментарии (21) и (22) предлагают образы дисфункции определенных органов и вызванного ею ущерба, нанесенного всей системе.

- (21) 对于国家，香港政府的所有警告，他们置若罔闻，对于暴力抗法，他们乐此不疲。 / *Они оставались глухи ко всем предупреждениям со стороны государства и правительства Гонконга и никогда не уставали яростно сопротивляться закону.*

Отсылка к органам слуха в этом комментарии происходит при помощи идиомы 置若罔闻 / ≈ *оставаться глухим к кому-либо / чему-либо*. В китайском языке этот фразеологизм имеет более выраженное метафорическое значение игнорирования кого-либо или отказа отвечать на определенные требования или просьбы.

- (22) 太恶心了, 有没有脑的, 这已经是恐怖份子了, 建议给警察更大的权利, 为了保护我们中国合法公民的安全, 建议把这群不是中国公民的恐怖分子直接就法 [生气] / *Это отвратительно. У них вообще нет мозгов. Это уже террористы. Рекомендую предоставить полиции больше полномочий. Чтобы защитить безопасность наших законных китайских граждан, предлагаю этих террористов, не являющихся гражданами Китая, привлечь к ответственности прямо сейчас [злой]*.

Лексема 脑 / *мозги* и их предполагаемое отсутствие в данном контексте подчеркивает недостаток самоконтроля, поскольку этот орган в основном отвечает за саморегуляцию человека и обработку всей поступающей информации. Когда этот орган не выполняет свою функцию, возникает хаотичное и опасное поведение, которое сложно сдержать.

3.2. Фрейм «Лечение» включает в себя все виды метафорических представлений о способах решения проблемной ситуации. Такие комментарии содержат идеи и предложения пользователей сети относительно соответствующих мер, которые должна предпринять полиция. Согласно примеру, эти меры послужат как сильнодействующее лекарство (т. е. должны предприниматься более жесткие действия) для достижения лучших результатов (т. е. излечения).

- (23) 香港警察好样的, 但我们不能总这样, 只是治标不治本, 再这样你攻我守这是圈套啊, 那帮杂碎废青闹不出大动静, 但总这样恶心的, 拖着香港, 对香港未来也没好处, 幕后黑手同样受益。如果不下猛药根治, 香港别说年轻人完了, 其他人又有什么好结果呢? / *Полиция Гонконга молодцы, но мы не можем продолжать так поступать: устранять только симптомы, а не первопричину. Если вы нападаете, а я защищаюсь, то это окажется ловушкой. Эта бесполезная молодежь не может устроить ничего масштабного, но постоянно действует на нервы и тянет Гонконг вниз. Это не принесет никакой пользы для будущего Гонконга, а вот те, кто за кулисами, только выиграют. Если не применить «сильнодействующее лекарство», чтобы устранить проблему, то, не говоря уже о молодежи в Гонконге, разве у других людей будет какой-то хороший исход?*

Подводя итог, скажем, что проведенное исследование выявило одно из ключевых отличий в метафорическом восприятии полиции и протестующих во время гонконгских протестов 2019–2020 гг. среди китайских пользователей Интернета. Это отличие заключается не только в частоте использования метафор для описания обеих групп, но и в степени эксплицитности этих метафор. Если метафоры о полиции были менее выраженными и встречались реже, то метафорические образы протестующих оказались гораздо более выразительными, понятными в различных языковых культурах и потому легче воспринимаемыми.

Сферы-источники метафорических словоупотреблений о протестующих апеллируют к универсальным и ясным понятиям: *неприятные / грязные / дикие / неконтролируемые существа* или *вещи и болезни*. Такие концептуальные метафоры обычно открыто демонстрируют резкую неприязнь комментаторов к протестующим и их действиям, которые приводят к массовым беспорядкам и социальной напряженности. Кроме того, подобные комментарии, несмотря на агрессивный характер, жесткость и содержание обценной лексики и всевозможных угроз, зачастую не подвергаются строгой цензуре, поскольку получают поддержку других пользователей в виде «лайков» и остаются доступными широкой аудитории.

Однако метафорические высказывания о полиции встречаются настолько редко, что в рамках данного исследования их удалось объединить лишь во фреймы, а не в полноценные модели: *действия полиции, отношение к полиции, функции полиции и взаимодействие с полицией*. Низкая количественная представленность в совокупности с периодически встречаемой слабой выраженностью (учитывая, что значительное число протестующих также являются китайцами и, вероятно, желали бы оставить негативные отзывы о полиции на данной платформе) заставляют задаться вопросом о модерации комментариев: подлежат ли некоторые более выраженные и негативные из них удалению или трансформации. Несмотря на это, отмечается, что все доступные анализу метафоры усиливают позитивные коннотации о полиции. При этом учитывается возможность того, что платформа Bilibili преимущественно используется и комментируется прокитайски настроенными пользователями, поддерживающими полицию и выступающими против протестов, а также тот факт, что патриотическое воспитание играет важную роль в китайском обществе. Таким образом, одной из причин недостаточного количества эксплицитных метафор о полиции может быть глубокое уважение граждан к правоохранительным органам и выполняемой ими работе.

### Список литературы

- Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Пермская школа метафоры // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2016. № 3. С. 122–133.
- Алефиренко Н. Ф. Лингвокультуральная природа ментальности // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 20–39.
- Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2004. № 1. С. 33–43.
- Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: ЯСК, 2014. 632 с.
- Бобков А. И. Образ сотрудника полиции как феномен управления общественным мнением // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Сб. материалов XXIV Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 06–07 июня 2019 г.). Иркутск, 2019. С. 342–343.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная российская политическая метафорология (2011–2020 гг.) // Филологический класс. 2020. № 2. С. 103–113.
- Гаврилова М. В. Критический дискурс-анализ: современное состояние и перспективы развития // Политическая лингвистика. 2015. № 1. С. 265–267.
- Дубнякова А. И. Образ сотрудника полиции в сознании граждан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4. С. 9–21.
- Зверев А. Л., Федоров А. П. Социальные сети как инструмент политического манипулирования (на примере организации массовых протестов в Гонконге 2014 г.) // Вестник Бурят. гос. ун-та. Философия. 2015. № 7. С. 149–154.
- Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 408 с.
- Карасик В. И. Адресная специализация в публичном политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. № 9. С. 32–49.
- Кубышко В. Л., Крук В. М. Психологические особенности позиционирования негативного образа полиции Российской империи в интернет-информационной среде // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2019). СПб., 2019. С. 10–15.
- Мэнди Н. Особенности освещения западными и китайскими СМИ протестов в Гонконге в аспекте проблемы толерантности // Гуманитарный вектор. 2021. № 2. С. 136–144.
- Передня Д. Г. Образ работников полиции в газетах и массовом сознании россиян // Социальные исследования. 2016. № 2. С. 32–42.
- Пименова М. В., Родичева А. А. Метафоры со сферами-источниками игра и школа в дискурсе политика (на примере интервью В. И. Матвиенко в период с 2017 по 2020 г.) // Вестник С.-Петербур. ун-та. Язык и литература. 2022. № 4. С. 779–791.

- Aaron D. H.** *Biblical Ambiguities: Metaphor, Semantics and Divine Imagery*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001. 222 p.
- Alba-Juez L., Mackenzie L.** *Emotion processes in discourse*. John Benjamins Publishing Company, 2019. 397 p.
- Baban A., Vonas G.** *Knowledge Sharing Practices and Issues in Policing. A Systematic Review of the Literature // European Journal of Policing Studies*. 2016. No. 3. P. 267–291.
- Bochner S.** *Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction*. Pergamon Press, 2013. 246 p.
- Burkholder T. R., Henry D.** *Criticism of Metaphor // Rhetorical Criticism: Perspectives in Action*. Lexington Books, 2009. P. 97–114.
- Cheong H. M.** *Hong Kong English and Linguistic Identity of Hong Kongers // Asian Englishes*. 2022. No. 1. P. 50–82.
- Farrell K., Young M.** *The Rhetorical Situation // Rhetorical Criticism: Perspectives in Action*. Lexington Books, 2009. P. 33–37.
- Goatly A.** *Washing the Brain: Metaphor and Hidden Ideology*. John Benjamins Publishing Company, 200. 453 p.
- Johnstone B.** *Discourse Analysis*. John Wiley & Sons, 2017. 304 p.
- Jones R. H., Chau D.** *Metalinguistic Tactics in the Hong Kong Protest Movement // Journal of Language and Politics*. 2022. No. 1. P. 143–172.
- Liu H.** *December. A Comparative Study of Different Cultural Connotations of the Word “Rat” in Chinese and English Online Language // International Conference on Humanities Education and Social Sciences (ICHESS 2022)*. 2022. P. 1832–1840.
- Metge J., Kinloch P.** *Talking Past Each Other: Problems of Cross Cultural Communication*. Victoria Uni. Press, 2014. 62 p.
- Ming L., Wang G.** *An Introduction to the Special Issue on “Language, Politics and Media: the Hong Kong protests” // Journal of Language and Politics*. 2022. No. 1. P. 1–16.
- Musolff A.** *Creativity in Metaphor Interpretation // Russian Journal of Linguistics*. 2019. No. 1. P. 23–39.
- Müller C.** *16 Waking Metaphors: Embodied Cognition in Multimodal Discourse // Metaphor: Embodied cognition and discourse*. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2017. P. 297–316.
- Rus C.** *Factors influencing cross-border knowledge sharing by police organizations: an integration of ten European case studies // Police Practice and Research*. 2020. No. 22 (3). P. 1–20.
- Stefanowitsch A., Goshler J.** *Sex Differences in the Usage of Spatial Metaphors: A Case of Political Language // Politics, Gender and Conceptual Metaphors*. New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 166–183.
- Steen G. J., Dorst A. G., Herrmann J. B., Kaal A. A., Krennmayr T.** *Metaphor in usage // Cognitive Linguistics*. 2010. No. 4. P. 765–796.
- Sullivan K.** *Mixed Metaphors: Their Use and Abuse*. New York: Bloomsbury Academic, 2018. 240 p.
- Sun H.** *A Study of the Features of Internet English from the Linguistic Perspective // Studies in Literature and Language*. 2010. No. 7. P. 98–103.
- Tay D.** *Automated Lexical and Time Series Modelling for Critical Discourse Research: A Case Study of Hong Kong protest editorials*. *Lingua*, 2021, 255 p.
- Worrall J., Siegel L.** *Introduction to Criminal Justice*. Cengage Learning, 2017. 736 c.

#### Список источников и словарей

- Bilibili. URL: <https://www.bilibili.com> (accessed 09.11.2023).
- Youdao. 有道. 2022. <https://www.youdao.com> (accessed 09.11.2023).

#### References

- Aaron D. H.** *Biblical Ambiguities: Metaphor, Semantics and Divine Imagery*. Leiden, Boston, Köln, Brill, 2001, 222 p.

- Alba-Juez L., Mackenzie L.** Emotion processes in discourse. John Benjamins Publishing Company, 2019, 397 p.
- Alefirenko N. F.** Lingvokultural'naya priroda mentalnosti [Linguocultural Nature of Mentality]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura [Language. Literature. Culture]*, 2011, no. 1, pp. 20–39. (in Russ.)
- Alekseeva L. M., Mishlanova S. L.** Permskaya shkola metafory [Perm School of Metaphor]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology]*, 2016, no. 3, pp. 122–133. (in Russ.)
- Baban A., Vonas G.** Knowledge Sharing Practices and Issues in Policing. A Systematic Review of the Literature. *European Journal of policing Studies*, 2016, no. 3, pp. 267–291.
- Baranov A. N.** Deskriptornaya teoriya metafory [Descriptive Theory of Metaphor]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury, 2014, 632 p. (in Russ.)
- Baranov A. N.** Metaforicheskie modeli kak diskursivnye praktiki [Metaphorical Models as Discursive Practics]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series]*, 2004, no. 1, pp. 33–43. (in Russ.)
- Bobkov A. I.** Obraz sotrudnika politsii kak fenomen upravleniya obshchestvennym mneniem [The Image of a Police Officer as a Phenomenon of Controlling Public Opinion of the Police]. In: *Deyatelnost' pravookhranitelnykh organov v sovremennykh usloviyakh [Law enforcement activities in modern conditions]*. Collection of materials of the XXIV International Scientific and Practical Conference (Irkutsk, June 06–07, 2019). Irkutsk, 2019, pp. 342–343. (in Russ.)
- Bochner S.** Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction. Pergamon Press, 2013, 246 p.
- Budaev E. V., Chudinov A. P.** Sovremennaya rossiiskaya politicheskaya metaforologiya (2011–2020 gg.) [Contemporary Russian Political Metaphorology (2011–2020)]. *Filologicheskii klass [Philological class]*, 2020, no. 2, pp. 103–113. (in Russ.)
- Burkholder T. R., Henry D.** Criticism of Metaphor. In: *Rhetorical Criticism: Perspectives in Action*. Lexington Books, 2009, pp. 97–114.
- Cheong H. M.** Hong Kong English and Linguistic Identity of Hong Kongers. *Asian Englishes*, 2022, no. 1, pp. 50–82.
- Dubnyakova A. I.** Obraz sotrudnika politsii v soznanii grazhdan [The Image of a Police Officer in the Minds of Citizens]. *Psikhopedagogika v pravookhranitelnykh organakh [Psychopedagogy in law enforcement agencies]*, 2013, no. 4, pp. 19–21. (in Russ.)
- Farrell K., Young M.** The Rhetorical Situation. In: *Rhetorical Criticism: Perspectives in Action*. Lexington Books, 2009, pp. 33–37.
- Gavrilova M. V.** Kriticheskii diskurs-analiz: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Critical Discourse Analysis: Current State and Prospects of Development]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]*, 2015, no. 1, pp. 265–267. (in Russ.)
- Goatly A.** Washing the Brain: Metaphor and Hidden Ideology. John Benjamins Publishing Company, 2007, 453 p.
- Johnstone B.** Discourse Analysis. John Wiley & Sons, 2017, 304 p.
- Jones R. H., Chau D.** Metalinguistic Tactics in the Hong Kong Protest Movement. *Journal of Language and Politics*, 2022, no. 1, pp. 143–172.
- Karasik V. I.** Adresatnaya spetsializatsiya v publichnom politicheskom diskurse [Adresata Specialization in Public Political Discourse]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics]*, 2018, no. 9, pp. 32–49. (in Russ.)
- Karasik V. I.** Yazykovye klyuchi [Language Keys]. Moscow, Gnozis, 2009, 408 p. (in Russ.)
- Kubyshko V. L., Kruk V. M.** Psikhologicheskie osobennosti pozitsionirovaniya negativnogo obraza politsii Rossiiskoi imperii v internet-informatsionnoi srede [Psychological Features of Positioning the Negative Image of the Police of the Russian Empire in the Internet Informational Environment]. In: *Aktualnye problemy psikhologii pravookhranitelnoi deyatelnosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasilevskie chteniya – 2019) [Current issues in the psychology of*

- law enforcement: concepts, approaches, technologies (Vasilievskie Readings – 2019)] St. Petersburg, 2019, pp. 10–15. (in Russ.)
- Liu H.** December. A Comparative Study of Different Cultural Connotations of the Word “Rat” in Chinese and English Online Language. In: International Conference on Humanities Education and Social Sciences (ICHESS 2022), 2022, pp. 1832–1840.
- Mengdi N.** Osobennosti osveshcheniya zapadnymi i kitaiskimi SMI protestov v Gonkonge v aspekte problemy tolerantnosti [Features of the Western and Chinese Media Reports on Hong Kong Protests in Terms of Tolerance]. *Gumanitarnyi vector [Humanitarian vector]*, 2021, no. 1, pp. 136–144. (in Russ.)
- Metge J., Kinloch P.** Talking Past Each Other: Problems of Cross Cultural Communication. Victoria Uni. Press, 2014, 62 p.
- Ming L., Wang G.** An Introduction to the Special Issue on “Language, Politics and Media: the Hong Kong protests”. *Journal of Language and Politics*, 2022, no.1, pp. 1–16.
- Müller C.** 16 Waking Metaphors: Embodied Cognition in Multimodal Discourse. In: *Metaphor: Embodied cognition and discourse*. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2017, pp. 297–316.
- Musolff A.** Creativity in Metaphor Interpretation. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, no. 1, pp. 23–39.
- Perednya D. G.** Obraz rabotnikov politzii v gazetakh i massovom soznanii rossiyan [The Image of the Police Officers in the Newspapers and the Mass Consciousness of Russians]. *Sotsialnye issledovaniya [Social studies]*, 2016, no. 2, pp. 32–42. (in Russ.)
- Pimenova M. V., Rodicheva A. A.** Metafory so sferami-istochnikami igra i shkola v diskurse politika (na primere interv'yuu V. I. Matvienko v period s 2017 po 2020 g.) [Metaphors with the sphere sources game and school in the discourse of politics (on the example of Valentina Matvienko’s interviews from 2017 to 2020)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura [Bulletin of Saint Petersburg University. Language and Literature]*, 2022, no. 18 (4), pp. 779–791. (in Russ.)
- Rus C.** Factors influencing cross-border knowledge sharing by police organizations: an integration of ten European case studies. *Police Practice and Research*, 2020, no. 22 (3), pp. 1–20.
- Steen G. J., Dorst A. G., Herrmann J. B., Kaal A. A., Krennmayr T.** Metaphor in usage. *Cognitive Linguistics*, 2010, no. 4, pp. 765–796.
- Stefanowitsch A., Goschler J.** Sex Differences in the Usage of Spatial Metaphors: A Case of Political Language. In: *Politics, Gender and Conceptual Metaphors*. New York, Palgrave Macmillan, 2009, pp. 166–183.
- Sullivan K.** Mixed Metaphors: Their Use and Abuse. New York, Bloomsbury Academic, 2018, 240 p.
- Sun H.** A Study of the Features of Internet English from the Linguistic Perspective. *Studies in Literature and Language*, 2010, no. 7, pp. 98–103.
- Tay D.** Automated Lexical and Time Series Modelling for Critical Discourse Research: A Case Study of Hong Kong protest editorials. *Lingua*, 2021, 255 p.
- Worrall J., Siegel L.** Introduction to Criminal Justice. Cengage Learning, 2017, 736 p.
- Zverev A. L., Fyodorov A. P.** Sotsialnye seti kak instrument politicheskogo manipulirovaniya (na primere organizatsii massovykh protestov v Gonkonge 2014 g.) [Social Networks as a Tool for Manipulating on the Example of Organizing Mass Protests in Hong Kong in 2014]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya [Bulletin of the Buryat State University. Philosophy]*, 2015, no. 7, pp. 149–154. (in Russ.)

#### List of Sources and Dictionaries

Bilibili. URL: <https://www.bilibili.com> (accessed 09.11.2023).

Youdao. 有道. 2022. <https://www.youdao.com> (accessed 09.11.2023).

**Информация об авторах**

**Алена Вячеславовна Дымова**, кандидат филологических наук, доцент

Scopus Author ID 58695514800

RSCI Author ID 1002544

SPIN 3563-1174

**Анастасия Игоревна Золотайко**, кандидат филологических наук, доцент

WoS Researcher ID HGU-5405-2022

RSCI Author ID 975674

SPIN 8331-5420

**Анатолий Прокопьевич Чудинов**, доктор филологических наук, профессор

Scopus Author ID 56998476300

RSCI Author ID 198143

SPIN 4516-4166

**Information about the Authors**

**Alyona V. Dymova**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 58695514800

RSCI Author ID 1002544

SPIN 3563-1174

**Anastasia I. Zolotaiko**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

WoS Researcher ID HGU-5405-2022

RSCI Author ID 975674

SPIN 8331-5420

**Anatoliy P. Chudinov**, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Scopus Author ID 56998476300

RSCI Author ID 198143

SPIN 4516-4166

**Вклад авторов:**

А. В. Дымова – отбор материала, формулирование выводов, подготовка первой версии текста.

А. И. Золотайко – анализ материала, формулирование выводов, подготовка первой версии текста.

А. П. Чудинов – разработка концепции исследования, формулирование выводов, доработка текста.

**Contribution of the Authors:**

Alyona V. Dymova selected the material, made the conclusion, and prepared the draft of the article.

Anastasia I. Zolotaiko analyzed the material, made the conclusion, and prepared the draft of the article.

Anatoliy P. Chudinov developed the methodology and approach, made the conclusion, prepared the final text of the article.

*Статья поступила в редакцию 11.11.2023;  
одобрена после рецензирования 20.04.2024; принята к публикации 22.04.2024  
The article was submitted on 11.11.2023;  
approved after reviewing on 20.04.2024; accepted for publication on 22.04.2024*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-89-100

## Литературная репутация В. А. Жуковского в 1808–1815 годах: от «Вестника Европы» к «Российскому музеуму»

Дмитрий Владимирович Долгушин

Новосибирский государственный университет  
Новосибирск, Россия

D\_Dolgushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5753-1206>

### Аннотация

Приступив к редактированию «Вестника Европы» в 1808 г., Жуковский в «Письме из уезда к издателю» анонсировал идиллическую авторепрезентативную модель «малого круга» («petit cercle»), которую он раньше выстраивал в лирике, переписке и дневниках. Эта модель была проигнорирована М. Т. Каченовским, ориентировавшимся на разночинскую модель «литератора-труженика». В «Российском музеуме» модель «малого круга» оказалась адаптирована к карамзинистскому контексту, «малый круг» чувствительных душ превратился в узкий круг избранных талантов, а враждебная «малому кругу» сила судьбы оказалась функционально сопоставлена с завистью их литературных противников. Наиболее плодотворным для карамзинистской рецепции оказалось амплу Жуковского как «русского Тиртея». Оно стало точкой, в которой чаяния карамзинистов совпали с внутренними устремлениями Жуковского к идиллическому идеалу.

### Ключевые слова

В. А. Жуковский, М. Т. Каченовский, В. В. Измайлов, «Вестник Европы», «Российский музеум», литературная репутация

### Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ (проект № 24-18-00386 «История русской литературной критики первой половины XIX века: В. А. Жуковский в прижизненной критической рецепции»)

### Для цитирования

Долгушин Д. В. Литературная репутация В. А. Жуковского в 1808–1815 годах: от «Вестника Европы» к «Российскому музеуму» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 89–100. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-89-100

## The Literary Reputation of V. A. Zhukovsky in 1808–1815: From *Vestnik Evropy* to *Rossiiskii Muzeum*

Dmitry V. Dolgushin

Novosibirsk State University  
Novosibirsk, Russian Federation

D\_Dolgushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5753-1206>

### Abstract

*Purpose.* The article examines the problem of formation of V. A. Zhukovsky's literary reputation in 1808–1815, based on the materials of the journals *Vestnik Evropy* and *Rossiiskii Muzeum*.

*Results.* Having started editing *Vestnik Evropy* in 1808, Zhukovsky announced the idyllic self-representational model of the “petit cercle” (“small circle”) which he had previously built in his lyrics, correspondence and diaries. This mod-

el was ignored by M. T. Kachenovsky, Zhukovsky's comrade in publishing the magazine, guided by the *raznochintsy* model of "writer-worker". V. V. Izmailov (the editor of *Vestnik Evropy* in 1814) in 1815 created a magazine called *Russian Museum*, where V. A. Zhukovsky's autorepresentative model was adapted to the Karamzin context and transformed. The "small circle" of souls turned into a circle of selected talents, and the hostile force of fate – into the envy of their literary opponents. The most fruitful for the Karamzinist reception was Zhukovsky's role of "Russian Tyrtaeus".

*Conclusion.* Thus, the ensemble unity of the journals *Vestnik Evropy* and *Rossiiski Muzeum* may be considered as a space where Zhukovsky's literary reputation was formed in a complex interaction of interpretations.

*Keywords*

V. A. Zhukovsky, M. T. Kachenovsky, V. V. Izmailov, *Vestnik Evropy*, *Rossiiski Muzeum*, Literary Reputation

*Acknowledgements*

Research with financial support from the Russian Science Foundation (project no. 24-18-00386 "History of Russian literary criticism of the first half of the 19<sup>th</sup> century: Vasily Zhukovsky in lifetime critical reception")

*For citation*

Dolgushin D. V. The Literary Reputation of V. A. Zhukovsky in 1808–1815: From *Vestnik Evropy* to *Rossiiskii Muzeum*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 89–100. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-89-100

Участие Жуковского в журнале «Вестник Европы»<sup>1</sup> не раз становилось предметом исследования, причем в самых разных аспектах (см. работы И. А. Айзиковой, М. Б. Велижева, В. В. Гиппиуса, Г. В. Зыковой, В. С. Киселева, С. Я. Махониной, Н. И. Мордовченко, И. А. Поплавской, В. И. Симанкова и др.). Несмотря на это, тему нельзя считать до конца исчерпанной. В частности, нерешенным остается вопрос о роли *ВЕ* в формировании литературной репутации Жуковского.

Под литературной репутацией мы вслед за А. И. Рейтблатом понимаем «представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников» [Рейтблат, 2001, с. 51]. Очевидно, что литературная репутация формируется в результате взаимодействия двух факторов: 1) авторрепрезентации, предъявляемой автором с помощью художественных, автодокументальных, литературно-критических, публицистических и др. текстов (а иногда и бытового поведения); 2) концептуализации личности и творчества автора другими участниками литературного процесса (при этом авторрепрезентация автора может либо рецептироваться, либо отторгаться, либо корректироваться).

Особенностью творчества Жуковского была его повышенная авторрепрезентативность. Уже современные Жуковскому критики заметили свойственное первому русскому романтику стремление к лирической интеграции, к «нераздельности жизни и поэзии» (С. П. Шевырев), «тесную связь» произведений поэта с его биографией (В. Г. Белинский). Что бы ни делал Жуковский – сочинял стихи, переводил прозу, издавал журнал, занимался педагогикой, писал философские статьи, вел богословские споры, – всюду он вращался в кругу одних и тех же экзистенциальных проблем, зафиксированных им еще на страницах юношеского дневника и переписки. У Жуковского почти нет «отстраненных» текстов, степень интративности его поэтической вселенной крайне велика, и почти каждое его произведение в той или иной мере авторефлексивно. Мало кто из русских литераторов может сравниться с Жуковским в «накале» авторрепрезентативности. Неудивительно, что этот феномен давно обратил на себя внимание исследователей, и «лирическая биография» Жуковского неоднократно становилась объектом литературоведческих интерпретаций, в том числе и в классических работах А. Н. Веселовского и Г. А. Гуковского.

Но вопрос о том, что происходило на другом полюсе формирования литературной репутации Жуковского (т. е. вопрос о том, как концептуализировалась личность Жуковского литературной средой и как при этом рецептировалась (отторгалась? корректировалась?) его

<sup>1</sup> Далее – *ВЕ*.

авторепрезентация), остается до сих пор открытым. Мы исследуем его на материале журналов *ВЕ* и «Российский музей»<sup>2</sup> 1808–1815 гг.

По традиции, сложившейся в *ВЕ* со времен Карамзина, каждый новый редактор журнала, приступая к изданию, печатал программную статью в форме письма, якобы присланного в редакцию одним из будущих читателей «Вестника». Следуя этому обычаю, Жуковский поместил в № 1 за 1808 г. свое «Письмо из уезда к издателю» – декларацию принципов и подходов, которые он собирался реализовывать в издании журнала. Этот текст – одна из ключевых и наиболее развернутых экспликаций идеалов молодого Жуковского. «Письмо...» неоднократно подвергалось исследовательскому анализу, там не менее мы позволим себе еще раз проанализировать его, чтобы яснее выявить особенности сформулированной в нем авторепрезентативной модели.

Начнем с сопоставления этого текста с аналогичными текстами других редакторов *ВЕ*. Н. М. Карамзин, М. Т. Каченовский и В. В. Измайлов писали свои программные статьи так же, как и сейчас пишутся подобные анонсы: заявляли структуру журнала, обещали наполнять ее занимательными и полезными материалами, исчисляли выгоды, которые получают «субскрибенты», подписавшись на *ВЕ*, указывали на актуальную общественно-политическую и культурную повестку, которая в журнале будет отражена. При всех индивидуальных особенностях и нюансах все три автора были едины в том, что издаваемый ими журнал должен быть «вестником любопытных происшествий в Европе и всех новых явлений, как в ученом, так и в политическом мире» [Измайлов, 1814, с. 5]. Современная эпоха в ее научной, политической, литературной составляющей – вот та реальность, в соприкосновение с которой они хотели ввести своего читателя.

«Письмо...» Жуковского на этом фоне поражает своей интроспективностью. Жуковский настойчиво связывает концепцию журнала не с внешним, а с внутренним миром, с «жизнью души», и чуждается всякой современной повестки отнюдь не только по цензурным причинам. По справедливому замечанию В. С. Киселева, он пытается возродить сентименталистские традиции авторской журналистики 1790-х гг., ориентированной на «индивидуально-личностное видение», на создание в журнале «завершенного художественного мира» (см.: [Киселев, 2011, с. 101]).

Ключевым звеном этого художественного мира стал чрезвычайно насыщенный автобиографическими коннотациями образ чувствительного героя, изначально сложившийся у Жуковского под влиянием Карамзина. Жуковский придал этому образу экзистенциальную и даже онтологическую значимость, интерпретируя чувствительность не просто как свойство характера, но как самую жизнь души. Поддержание души в чувствительном состоянии понимается Жуковским как сотериологическая задача практического жизнестроения. Формула ее решения выражена в девизе «*activité dans un petit cercle*»<sup>3</sup>: необходимо создать «малый круг» сочувственников, общение с которыми позволит «оживлять и ободрять [себя] в искании всего хорошего» [Жуковский, 2018, т. 13, с. 25]<sup>4</sup>, избегать крайностей мертвящей холодности и разрушительного энтузиазма, наслаждаться «занятиями приятными и постоянными» (XIII, 17) и, таким образом, пребывать в состоянии «счастья», что и является «главным делом человека». Эту программу Жуковский старался реализовать в выстраивании дружеского круга в первой половине 1800-х гг., в любви к Маше Протасовой во второй половине 1800-х гг. – первой половине 1810-х гг. Эту программу он предназначил и для *ВЕ* в 1808 г.

«Письмо из уезда к издателю» представляет собой ее парадоксальную экспликацию. Парадокс заключается в том, что идеал «малого круга» Жуковский выносит на широкую публику. Малое он пытается масштабировать в большое, интимно-личное – в историческое. Карамзин начал свое «Письмо к издателю» с размашистого, занявшего более половины общего объема текста, очерка об успехах просвещения в Европе и в России. Жуковский тоже пишет

<sup>2</sup> Далее – *РМ*.

<sup>3</sup> Деятельность в малом круге. – *франц.*

<sup>4</sup> Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской).

об этом, но просветительская тема у него стремительно перерастает в апологию «малого круга». Само просвещение понимается им «как искусство жить, искусство действовать и совершенствоваться в том круге, в который заключила нас рука Промысла; в самом себе находить неотъемлемое счастье» (XII, 180).

Подобные формулы шагнули на страницы *ВЕ* прямо со страниц дневника Жуковского. Они представляют собой внутреннюю речь, ранее обращенную к самому себе, но теперь звучащую во всеуслышание. Жуковский готов всю Россию сплотить в «малый круг» или, может быть, наоборот, «малый круг» расширить до России (ведь превращение большого в малое одновременно означает и превращение малого в большое).

Можно сказать, что в «Письме из уезда...» Жуковский развивает идею утопии «малого круга», осуществлению которой должен способствовать издаваемый им журнал. Издание журнала ведет к просвещению публики, просвещение приведет ко всеобщему счастью – но не потому, что создаст условия для прогресса, а потому, что обесценит сферу политического. Просвещенный человек поймет, что «счастье» заключено в его собственной душе, а не во внешних обстоятельствах, он будет доволен «тем участком благ, большим или малым, который получил от Проведения». «Одинакие понятия о наслаждениях жизнью соединят чертоги и хижину!». «Слабые или низкие» связи распадутся. Никому не будет интересно рассеянное времяпровождение в «шумном, обширном кругу света». Все будут стремиться в «мирный и тесный круг семейства», которое превратится «в радостное неразделимое товарищество на пути к счастью» (XII, 180–181), т. е. в «*petit cercle*».

Мы не будем сейчас углубляться в вопрос о генезисе этой утопической конструкции, о связи ее со статьями Карамзина «Мелодор к Филалету», «Филалет к Мелодору», «Разговор о счастии. Филалет и Мелодор», с эпикурейскими концепциями эвдемонии, с руссоизмом, с некоторыми исканиями немецкого романтизма (ср. цикл «Вера и любовь» Новалиса), с опытом младшего тургеневского кружка, наконец, с самым духом эпохи, изобиловавшей «священными союзами» (см.: [Зорин, 2004, с. 287–289]) и «эмоциональными убежищами» (У. Редди). Заметим лишь, что утопия «малого круга», как и всякая утопия, требует остановки времени, изгнания истории. Коса времени, занесенная над нею, – самый страшный ее враг.

В мотивно-образной системе лирики Жуковского 1800-х – 1810-х гг. образы времени, судьбы и смерти были взаимосвязаны и, по сути, синонимичны. Время у Жуковского – всегда «хронос», а не «кайрос», разрушитель, а не целитель, «безрассудный, злобный рок», «необоримая ко счастью преграда!» (I, 50). Жуковский ведет борьбу с его всепоглощающей силой. Не только мотивно-образная, но и жанрово-стилевая система лирики Жуковского может быть интерпретирована как поэтическая артикуляция противоборства со временем. Оба принципиально важных для Жуковского 1800-х – 1810-х гг. лирических жанра – элегия и идиллия – связаны с преодолением хроноса. В элегии оно происходит через эстетизацию времени, превращающую горькое чувство бренности в сладкое чувство меланхолии. В идиллии время просто останавливается. Она статична, как статична картинка (ведь слово «идиллия» и происходит от греч. εἰδύλλιον, что значит «картинка»). Именно идиллия является художественным коррелятом «малого круга». В «малом круге» ничего не должно случаться, он бессобытиен, это утопия остановленного времени.

Характерно, что провозглашение этого идеала в «Письме из уезда...» вложено в уста персонажа пророческого – седого старика Стародума, образ которого (в отличие от условных и безмянных фигур авторов в статьях Карамзина и Каченовского) подвергся характерологической детализации. В порыве вдохновения Стародум уподобляется прорицательнице: «...друзья мои, замечаю, что нечувствительно очутился на треножке пифии; <...> на краю гроба предсказываю золотой век!» (XII, 182), – говорит он. Охваченный пророческим восторгом, Стародум даже внешне преображается, молодеет. Изображая своего резонера именно так, Жуковский подчеркивает надвременность и даже сакральность возвещаемого им идеала.

Воплощение этого идеала в *ВЕ* натолкнулось на две трудности: литературную рутину (т. е. необходимость регулярно наполнять журнал новыми материалами точно к сроку) и позицию Каченовского, вернувшегося в журнал уже осенью 1808 г. Только первые номера 1808 г., «хорошо подготовленные и продуманные», выпускавшиеся без «сколько-нибудь значительного участия других авторов», обладали достаточной для целей Жуковского мерой содержательной и повествовательной слитности (см.: [Киселев, 2011, с. 107]).

Но уже с осени 1808 г. в *ВЕ* начинается сосуществование двух программ – программы Жуковского, «построенной на примате дружеского общения» и «построения малого мира», и программы «ученого журнала», выдвинутой Каченовским (см.: [Там же, с. 105–106]). Понятно, что эти две программы были несовместимы и даже противоположны, и в перспективе одна из них должна была вытеснить другую. Так и произошло. *ВЕ* 1820-х гг. под руководством Каченовского превратился в рупор ученого педантизма, стал терять подписчиков и по этой причине закрылся. Исход этот не удивителен. Удивительно другое: почему при столь контрастной разнице программ и жизненных установок Каченовский вообще привлек Жуковского к сотрудничеству в журнале? Ведь в 1808 г. Жуковский стал редактором *ВЕ* именно по настойчивому приглашению Каченовского. Почему Каченовский пригласил его?

М. Б. Велижев полагает – потому, что видел в Жуковском человека И. И. Дмитриева, главной фигуры карамзинистского круга 1800-х гг. Испуганный возможным назначением Дмитриева в попечители Московского учебного округа, Каченовский (испортивший с Дмитриевым отношения в 1806 г.) постарался примириться с ним, отдав *ВЕ* в руки близкого ему человека (см.: [Велижев, 2004, с. 77]). Эти расчеты, возможно, действительно повлияли на приход Жуковского в *ВЕ*, но обращает на себя внимание и другое.

Каченовский, человек довольно замкнутый и недоверчивый (см.: [Умбрашко, 2006, с. 257]), не просто взял Жуковского себе в сотрудники, но и сдружился с ним и даже сделал Жуковского крестным отцом своих детей – Егора в 1810 г. и Владимира в 1826 г. (обстоятельство весьма красноречивое, если знать, насколько трепетно Каченовский относился к своей семье – ради «тихой семейной жизни» в Москве он в 1810 г. отказался от блестящей столичной карьеры (см.: [Там же, с. 249])). Сын Каченовского вспоминал, что его отец общался с Жуковским почти как с родственником: «Михаил Трофимович и Василий Андреевич, – пишет он, – говорили друг другу “ты”, тогда как до такой короткости М. Т. до того времени ни с кем из знакомых не доходил, и такую форму обращения к нему употребляла лишь одна его жена» [Каченовский, 1892, с. 10]. Может быть, на «ты» Жуковский и Каченовский перешли далеко не сразу, в переписке 1800–1810-х гг. они на «Вы»<sup>5</sup>, но все равно степень сближения с Жуковским для Каченовского была экстраординарной.

Это сближение было бы невозможным, если бы Каченовский не видел в Жуковском похожего на себя человека. Для того чтобы понять, в чем именно он мог обнаружить сходство между собой и Жуковским и, следовательно, к какой концептуализации личности Жуковского был склонен, нужно разобраться в особенностях личностного склада самого Каченовского.

Литературная репутация Каченовского, сложившаяся к 1830 г., хорошо известна и незавидна. Каченовский – скептик, педант, «зоил». Если «позорное клеймо» «зоила» явно призрачно, то реноме скептика и педанта, кажется, имело под собой реальные основания. Каченовский, действительно, был ярким представителем скептической школы, педантично и мелочно подвергавшим сомнению самые очевидные факты. Но вряд ли скептицизм можно назвать основой личностного самосознания Каченовского. Стратегия скептицизма распространялась им лишь на некоторые сферы жизни – и не распространялась на другие. Скептиком он был, когда публиковал бесконечные исследования о «банном строении» и о «кожаных деньгах», дискутировал с Карамзиным, когда читал в университете лекции, в которых «скептицизм проглядывал при каждом удобном случае» [Соловьев, 1915, с. 42], но в иной обста-

<sup>5</sup> См.: [Иезуитова, 1981]. Хотя, как видно из приводимой ниже цитаты из письма Каченовского Жуковскому от 3 сентября 1810 г., иногда проскальзывает и «ты».

новке Каченовский вел себя совсем по-другому. «В домашнем быту, – пишет Н. Н. Мурзакевич, – в любимом чердачке, в старых халате и креслах, чуть не по шею заваленный книгами, журналами и брошюрами, Каченовский был не тот суровый, недоверчивый профессор, но образец простодушной наивности, юмора и удивительной начитанности, передаваемой, впрочем, без тяжелого педантизма» [Мурзакевич, 1887, с. 132]. В политических и религиозных взглядах Каченовского скептицизм никак не проявился: «не было человека более консервативного в том и другом отношении» [Соловьев, 1915, с. 43]. Абсолютно лояльно он вел себя и при исполнении служебных обязанностей (и это при том, что Каченовский не был конформистом, «отличался честностью и бескорыстием, был тверд и смел, не боясь идти против общего мнения и какого бы то ни было лица» [Погодин, 1842, с. 209]).

Настоящей основой личностного самосознания Каченовского был не скептицизм, а ощущение себя «тружеником литературы», работником-разночинцем, живущим литературным трудом<sup>6</sup>. Сын харьковского мещанина, получивший архаичное образование в Харьковском коллегиуме, Каченовский был вынужден восполнять недостаток знаний усиленной автодидактикой. В литературной и университетской карьере Каченовского свою роль сыграло покровительство со стороны А. К. Разумовского. Но все же главной причиной успеха было необычайное трудолюбие, которое отмечают все мемуаристы. «Если Каченовский не имел блестящих природных дарований, – писал Ф. Кони, автор его некролога в «Литературной газете», – то все превозмог своим трудолюбием и усидчивостью» (цит. по: [Умбрашко, 2006, с. 259]).

Именно это могло импонировать Каченовскому в Жуковском. Он видел в нем человека с похожей судьбой: незаконнорожденность, а значит не совсем дворянское происхождение, готовность восполнять пробелы образования усердной автодидактикой, желание зарабатывать на жизнь литературой при отсутствии других способов добывать хлеб насущный, готовность быть «скромным литератором» (XV, 23) – все это можно было обнаружить в новом редакторе журнала.

Жуковский точно так же, как Каченовский, – литературный труженик. Как и Каченовский, он «экономит временем», ведет «крайне регулярный» [Каченовский, 1892, с. 8] образ жизни, каждый день встает в 6 часов утра, а то и раньше, и занимается литературным трудом – составляет конспекты и «экстракты», пишет статьи и художественные произведения, переводит, системно штудирует классические работы по эстетике и истории. Кабинетными занятиями было насыщено «белевское уединение» Жуковского 1803–1806 гг., а также его жизнь в Мишенском и Белеве в 1810 г.

Период 1810 г. особенно интересен, поскольку он обнаруживает синхронность интеллектуальных увлечений Жуковского и Каченовского. Жуковский тогда работал над сбором материалов для поэмы «Владимир», и очень скоро эти занятия переросли свое первоначальное предназначение. Заметив у себя недостаток исторических знаний, Жуковский решил заполнить столь досадный пробел и с головой погрузился в изучение трудов Гаттерера и, особенно, А. Шлецера.

Имя А. Шлецера – знаковое в творческом диалоге Жуковского и Каченовского. Для Каченовского знакомство с трудами этого историка было целой эпохой. Благодаря Шлецеру он открыл для себя критический метод и примкнул к скептической школе, став ее самым известным представителем в России. Несмотря на то, что Каченовский не соглашался со Шлецером в частностях, в методологическом отношении он шел за ним «след в след», на что неоднократно указывалось в литературе (см.: [Милюков, 2002, с. 365]).

Жуковский в 1810 г. также был чрезвычайно увлечен Шлецером. Его письма А. И. Тургеневу переполнены просьбами прислать «шлецеровы сочинения». Жуковский превозносит Шлецера, называет его «Лессингом, Лагарпом истории» (XV, 89–90). Любопытно, что именно в это время поэт увлекся историческими таблицами – и тоже под влиянием Шлецера (см.:

<sup>6</sup> Ср. концепцию *BE* как журнала с «разночинским» бэкграундом, развиваемую Г. Н. Зыковой [1998].

[Долгушин, 2022]). Поначалу Жуковский даже опережал Каченовского в «шлецеромании». «Я не взялся еще читать тома Шлецерова “Нестора”. Будь отцом родным! Пришли мне его недели на две»<sup>7</sup>, – просил Каченовский Жуковского в письме от 3 сентября 1810 г.

В целом можно сказать, что Каченовский был не склонен соглашаться с авторепрезентативной моделью «Письма из уезда к издателю». Он отторгал или, вернее сказать, просто игнорировал ее. Жуковский воспринимался им не как «чувствительная душа», а как коллега, соратник по литературному цеху. К *ВЕ* Каченовский относился прагматически, по-деловому. И общение Каченовского с Жуковским тоже было деловым, хотя и дружеским.

Характерна в этом смысле сцена, произошедшая во время их встречи в августе 1839 г., о которой вспоминал сын Каченовского Владимир [Каченовский, 1890, с. 690]. Как видно из его мемуара, Каченовский и Жуковский даже спустя много лет после завершения своих журналистских карьер общались как два издателя-профессионала, черпая материал для шуток в общем опыте редакторского ремесла. Такой «цеховой» стиль, видимо, был органичным и для предшествующих десятилетий их общения.

Нельзя сказать, что Жуковского совершенно не устраивало предполагавшееся этим стилем амплу «работника с пером в руке». Оно оказалось востребовано им во время педагогической службы при дворе. Не поэтом, а работником Жуковский зачастую предстает в переписке и даже в домашнем быту этого времени (см.: [Веселовский, 2016, с. 360]) – когда опять, как во времена *ВЕ*, в жизни Жуковского появилась работа на срок, постоянное отслеживание текущей литературы, подготовка выдержек и переводов, составление конспектов, редактирование текстов, да и просто выпуск периодических изданий («Für Wenige», «Собиратель», «Муравейник») <sup>8</sup>.

В конце 1800 – начале 1810-х гг. литературные успехи Жуковского сделали насущной проблему интеграции его личности в карамзинистский контекст – особенно в связи с развернувшейся тогда «борьбой за литературные репутации» (В. Э. Вацуро). Два лагеря, на которые постепенно разделялась литература, формировали мифологию о своих героях и антигероях. Карамзинисты при этом опирались на модель, заимствованную из французской культуры, сформировавшуюся в ходе полемики Вольтера с Дефонтемом и Фрероном (см.: [Велижев, 2004]). В основу ее было положено противопоставление двух литературных амплу – «таланта» и «зоила». Талант при этом позиционировался как невинная жертва зависти, козней и клеветы, зоил – как бездарный завистник, интриган и педант. К 1810-м гг. эта модель успела пройти апробацию в ходе конфликтов Дмитриева с Д. И. Хвостовым и с Каченовским (Дмитриев – талант, жертва зависти; Хвостов и Каченовский – завистники-зоилы). В 1815 г. модель «талант – жертва зависти зоила» стала ключевой для интерпретации карамзинистами судьбы В. А. Озерова (талант – Озеров; зоил – А. А. Шаховской) (см.: [Арзамас, 1994, с. 18]).

Литературной площадкой, где наиболее публично и развернуто была заявлена эта тема, стал *РМ*, издававшийся В. В. Измайловым в 1815 г., а способом ее артикуляции – стихотворные послания, которыми обменялись на его страницах В. Л. Пушкин, П. А. Вяземский и Жуковский (№ 2, 3, 6). В них не только открыто было выдвинуто обвинение против Шаховского, но и довольно отчетливо заявлена концепция дружеского круга карамзинистов как союза «гениев», противопоставленного критикам и толпе. В перечислении относящихся к этому кругу поэтов В. Л. Пушкин на первое место ставит Жуковского:

Жуковский, Батюшков, Кокошкин и Дашков  
Явятся вечерком нас услаждать стихами,

<sup>7</sup> РО ИРЛИ. № 28075. Л. 29. Благодарю В. С. Киселева за предоставленную цитату.

<sup>8</sup> Любопытная деталь: в обществе циркулировали слухи о том, что Николай I прежде, чем назначить Жуковского инспектором классов наследника престола, рассматривал на эту должность и кандидатуру Каченовского (см.: [Соловьев, 1915, с. 43]).

Воейков пропоет куплеты с нами  
И острой насмешит сатирой на глупцов...  
«Послание к князю Петру Андреевичу Вяземскому»  
(№ 2, с. 137)

Жуковский с готовностью подхватил такую концептуализацию своей личности. Позже, в литературной полемике 1820–1830-х гг., тема «знаменитых друзей» станет жупелом, но в 1810-х гг. она еще не была профанирована и сохраняла обаяние новизны. Модель «talанты, противостоящие зоилам» была способна интегрироваться с идеей «малого круга». Она предполагала противопоставление дружеского кружка истинных ценителей искусства ветреной публике, на потеху которой зоилы и издеваются над талантами. Оппозиция «talант – зоил» легко проецировалась на оппозицию «чувствительный – холодный». Еще в «Письме из уезда...» Жуковский противопоставлял «истинную славу», основанную на «непристрастной, заслуженной похвале избранных», и «минутные успехи, получаемые в толпе» (XII, 183).

Жуковский, несомненно, был ключевой фигурой дружеского кружка, и публикации *PM* должны были поддерживать этот статус – причем публикации не только стихотворные. В рецензии на послание Жуковского «Императору Александру», появившейся в 5-м номере *PM*, анонимный ее автор (возможно, сам В. В. Измайлов?), не колеблясь, включает Жуковского «в список наших лучших поэтов, а его сочинения в число нашего богатого капитала в поэзии» [Измайлов, 1815, с. 204]. Успехи Жуковского в литературе он называет «блестящими». Характерна концовка рецензии, в которой говорится: «рецензент с удовольствием исполнил свой двойной долг: как журналист, обязанный отдавать отчет в новых отличных произведениях своего времени, и как приятель, принимающий искреннее участие в успехах любезного ему человека и писателя» [Там же, с. 210]. Автор, таким образом, подчеркивает, что значимость фигуры Жуковского определяется не только его литературными заслугами, но и интегрированностью в дружеский круг.

Именно на материале биографии Жуковского модель «talант – жертва зависти» найдет у карамзинистов свое наиболее последовательное воплощение, став отправной точкой арзамасской игры. В определившем канву этой игры тексте – «Видении в какой-то ограде» Д. Н. Блудова – Жуковский выведен в образе «кроткого юноши», «дерзнувшего» оскорбить завистников (т. е. Шаховского, высмеявшего Жуковского в «Липецких водах») своими «talантами и успехами» [Арзамас, 1994, с. 264]. В последующем тема зависти «беседчиков» сделается у арзамасцев магистральной.

Основным претекстом для «Видения» был, как известно, памфлет А. Морелле (см.: [Там же, с. 538]), но можно предположить и наличие в нем некоторых аллюзий на «Письмо из уезда к издателю». И тот, и другой текст строятся как запись экстатических, вдохновенных вещаний, пересланная в столицу провинциальным литератором; и в том, и в другом тексте эти вещания вложены в уста «старца», «седого старика» – в одном случае А. С. Шишкова, в другом – Стародума. Если это предположение верно, то в каноне арзамасской игры обнаруживаются «снятие» выпадов Жуковского против карамзинизма<sup>9</sup> и пародийная интерпретация созданного им полемического образа.

Но тема поэтического «дружества» была отнюдь не единственной в *PM*. Не менее значима для журнала тема патриотическая, обусловленная грандиозными историческими событиями, в эпоху которых выходил журнал. Именно с этой темы Измайлов начал свое издание *BE* в 1814 г., она стала ключевой и для *PM*, на страницах которого Жуковский выступает как «русский Тиртей» (по выражению П. А. Вяземского), автор «Певца во стане русских воинов» и других патриотических стихотворений.

Показательно, что в упомянутой выше рецензии именно это направление творчества Жуковского выдвинуто на первый план. Перечисляя лучшие произведения Жуковского, на пер-

<sup>9</sup> В речах Стародума можно обнаружить критику чтения романов, инвективы против литературных «безделок» и щегольской культуры.

вое место ее автор ставит «Певца...». «Бранным певцом», поэтом войны и победы, а не балладником и элегистом предстает Жуковский в лицейских стихотворениях А. С. Пушкина, опубликованных в № 1 и 4 *РМ*:

Поэт! в твоей предметы воле!  
Во звучны струны смело грянь,  
С Ж[уковским] пой кроваву брань,  
И грозну смерть на ратном поле.  
«К Б[атюшк]ову»  
(№ 1, с. 9)

О скальд России вдохновенный,  
Воспевший ратных грозный строй...  
«Воспоминания в Царском Селе»  
(№ 4, с. 9)

Отсылка к «Певцу...» содержится в опубликованном в № 1 *РМ* стихотворении П. А. Вяземского «Русский пленник в стенах Парижа», явно написанном в pendant этому произведению Жуковского.

Характерно, что первый номер *РМ* открывается стихотворением Жуковского «Библия», которое представляет собой перевод одноименного стихотворения Л. де Фонтана. Оно состоит из перечисления ветхозаветных событий и завершается смысловым пуантом, указывающим на «телос» (т. е. конечную цель) ветхозаветной истории – Рождество Христово: «Ma course enfin s'arrête au berceau du Messie» [Fontanes, 1839, p. 46], – пишет Фонтан. Жуковский переводит более возвышенно, с приподнятой одической интонацией: «И се, Младенец-Бог Мессия в пеленах» (I, 333).

Традиционный для христианской экзегезы взгляд на Ветхий Завет как приурочение к Новому в 1815 г. приобретал новый смысл. Символика Рождества в это время постоянно использовалась в российской политической риторике для описания событий, положивших конец кровавой эпохе наполеоновских войн (см.: [Зорин, 2004; Андреев, 2012]). Победа над Наполеоном интерпретировалась как событие, открывающее путь к вечному миру, к началу эры христианского братства – той самой, что была некогда возвещена ангельской рождественской песнью: «Слава в вышних Богу, и на земле мир».

Именно к празднику Рождества Христова были приурочены идеологически важные манифесты 25 декабря 1812 г. (об изгнании французов из России, об основании Храма Христа Спасителя (праздник Рождества станет престольным праздником этого собора), об учреждении серебряной медали для войск), а также обнародование трактата о заключении Священного Союза в 1815 г. Сам трактат понимался Александром как рождественский дар Христу, принесенный тремя новыми волхвами – императором Всероссийским, императором Австрийским и королем Прусским (см.: [Зорин, 2004, с. 316–318]).

В рождественской теме присутствовал идиллический подтекст. Александр обратился к ней не только из-за увлечения мистицизмом, но и под влиянием Ф. С. Лагарпа и М. Н. Муравьева, сумевших еще в юности привить императору любовь к идиллическому. Идиллии Геснера с ранних лет были его любимым чтением, многие из них Александр знал наизусть, и в 1815 г., возвращаясь в Россию, специально заехал в Цюрих поклониться могиле швейцарского поэта. По словам В. К. Надлера, «среди неслыханного блеска своих побед, на высоте своей славы» Александр «мечтал о тихой безмятежной жизни поселянина, о его идиллическом счастье. <...> В Богемии, в годовщину Лейпцигского боя, он собственноручно пахал поле и вызвал тем взрыв умиления и восторга у присутствовавших лиц. Красивый деревенский вид, простая обстановка крестьянского жилища приводили его всегда в умиление, способны были вызвать у него восторженные восклицания и слезы» [Надлер, 1886, с. 15].

Рождественский вертеп, «Младенец лежащ в яслях» – это ведь тоже идиллия, сцена, по сути, сельская, пасторальная. Богомладенец рождается, овеванный запахом хлеба, рядом с Ним домашние животные, Ему приходят поклониться пастухи, и сам Он – Пастырь Добрый. Христос рождается не в горах, не в пустыне, а в вифлеемской долине, в «доме хлеба»,

среди пажитий и сельскохозяйственных угодий. Все это можно толковать и по-другому, трагически, запах хлеба – не запах уюта, Вифлеем – начало пути на Голгофу, предвещие заушений и заплеваний. Но эпоха выбрала не голгофское, а идиллическое понимание Рождества, хотя в предшествующие столетия оно, скорее, было голгофским. И жадное внимание эпохи к идиллии – маркер тоски по остановленному времени, чаяние того, что река времен перестанет бурлить и клокотать водоворотами крови и впадет наконец в заводь неизменного – вечного мира и благополучия.

Жуковский тонко чувствовал эту семантику и с готовностью осваивал риторический язык, на ней основанный (ср. стихотворение «Певец в Кремле», изображающее празднование победы над Наполеоном, приуроченное к Рождеству Христову, – в одной из рукописей оно озаглавлено «Певец на Кремле. В день Рождества Спасителя и воспоминания о спасении России» (П, 461)).

Неожиданно именно ампула «русского Тиртея» стало для Жуковского точкой, в которой ожидания его друзей-карамзинистов совпали с чаяниями эпохи и с его внутренним устремлением к идиллическому идеалу «малого круга». Из этого совпадения вырастает вся последующая биография Жуковского – он попадает во дворец, где, с его точки зрения, поэтическое и политическое соединяются, где одновременно царствует семейная идиллия и вершатся судьбы истории. Здесь Жуковский обретет, как ему покажется, пластический материал для воплощения своего идеала, и инструментом для этого воплощения опять окажутся периодические издания – «Für Wenige», «Собиратель» и «Муравейник», в работе над которыми Жуковский, несомненно, будет использовать тот опыт, который он приобрел, издавая «Вестник Европы» и участвуя в «Российском музее».

### Список литературы

- Андреев А. Ю.** «Начало нового века»: рождественская символика в царствование Александра I // Вестник ПСТГУ. Серия II. 2012. № 1 (44). С. 40–48.
- Арзамас: В 2 кн. / Сост., подгот. текста и коммент. В. Вацура, А. Ильина-Томича, Л. Киселевой и др. М.: Худож. лит., 1994. Кн. 1. 605 с.
- Велижев М. Б.** «Вестник Европы» в литературной и общественной жизни второй половины 1800-х гг.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 181 с.
- Веселовский А. Н.** В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 512 с.
- Долгушин Д. В.** Исторические таблицы В. А. Жуковского // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 89–103.
- Жуковский В. А.** Полн. собр. соч. и писем / Под ред. А. С. Янушкевича, О. Б. Лебедевой и др. М., 1999–2018. Т. 1. 760 с.; Т. 2. 839 с.; Т. 12. 543 с.; Т. 13. 608 с.; Т. 15. 1088 с.
- Зорин А.** Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в посл. трети XVIII – перв. трети XIX века. М.: НЛЮ, 2004. 416 с.
- Зыкова Г. В.** Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.). М.: Диалог-МГУ, 1998. 129 с.
- [**Иезуитова Р. В.**] Из неизданной переписки В. А. Жуковского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. Л.: Наука, 1981. С. 89–112.
- [**Измайлов В. В.**] К читателям Вестника от издателя // Вестник Европы. 1814. № 1. С. 3–9.
- [**Измайлов В. В. (?)**] Императору Александру. Стихотворение Василия Жуковского. С. Петербург. В типографии Ф. Дрехслера. 1815 // Российский музей. 1815. № 5. С. 202–210.
- Каченовский В. М.** Михаил Трофимович Каченовский. К очерку Н. П. Барсукова // Русская старина. 1890. № 6. С. 685–694.
- Каченовский В. М.** Михаил Трофимович Каченовский. М., 1892. 19 с.

- Киселев В. С.** Формы коммуникативно-повествовательной интеграции в «Вестнике Европы» В. А. Жуковского (1808–1810) // Вестник ТГУ. Филология. 2011. № 3. С. 101–112.
- Милуков П. Н.** Очерки истории исторической науки. М.: Наука, 2002. 540 с.
- Мурзакевич Н. Н.** Записки // Русская старина. 1887. Т. 54. С. 129–144.
- Надлер В. К.** Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1886. Т. 1. 390 с.
- Погодин М. П.** [Некролог М. Т. Каченовского] // Москвитянин. 1842. № 5. С. 208–210.
- Рейтблат А. И.** Как Пушкин вышел в гении. М.: НЛЮ, 2001. 328 с.
- Соловьев С. М.** Записки. Пг.: Прометей, 1915. 174 с.
- Умбрашко К. Б.** «Скептическая школа» в исторической науке России первой половины XIX в. М.: Ин-т российской истории, 2006. Т. 1. 353 с.
- Fontanes L. de.** Œuvres. Paris: L. Hachette, 1839. Т. 1. 431 p.

### References

- Andreev A. Yu.** “Nachalo novogo veka”: rozhdestvenskaya simbolika v tsarstvovanie Aleksandra I [“The beginning of a new century”: Christmas symbols in the reign of Alexander I]. *Vestnik PSTGU. Seriya II [Bulletin of the OSTUH. Series II]*, 2012, no. 1 (44), pp. 40–48. (in Russ.)
- Arzamas. In 2 vols. Eds. V. Vatsuro, A. Ilina-Tomicha, L. Kiseleva et al. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1994, vol. 1, 605 p. (in Russ.)
- Dolgushin D. V.** Istoricheskie tablitsy V. A. Zhukovskogo [Historical tables of V. A. Zhukovsky]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bulletin of the RFBR. Humanities and social sciences]*, 2022, no. 1, pp. 89–103. (in Russ.)
- [**Iezuitova R. V.**] Iz neizdannoï perepiski V. A. Zhukovskogo [From the unpublished correspondence of V. A. Zhukovsky]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma [Yearbook of the Manuscript department of the Pushkin House]*. Leningrad, Nauka, 1981, pp. 89–112. (in Russ.)
- [**Izmailov V. V.**] K chitatel'nyam Vestnika ot izdatel'ya [To the readers of the Bulletin from the publisher]. *Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]*, 1814, no. 1, pp. 3–9. (in Russ.)
- [**Izmailov V. V. (?)**] Imperatoru Aleksandru. Stikhotvorenie Vasiliya Zhukovskogo [To Emperor Alexander. A poem by Vasily Zhukovsky]. *Rossiiskii muzeum [Russian Museum]*, 1815, no. 5, pp. 202–210. (in Russ.)
- Fontanes L. de.** Œuvres [Works]. Paris, L. Hachette, 1839, vol. 1, 431 p.
- Kachenovsky V. M.** Mikhail Trofimovich Kachenovsky. Moscow, 1892, 19 p. (in Russ.)
- Kachenovsky V. M.** Mikhail Trofimovich Kachenovsky K ocherku N. P. Barsukova [Mikhail Trofimovich Kachenovsky. To the essay by N. P. Barsukov]. *Russkaya starina [Russian antiquity]*, 1890, no. 6, pp. 685–694. (in Russ.)
- Kiselev V. S.** Formy kommunikativno-povestvovatel'noi integratsii v “Vestnike Evropy” V. A. Zhukovskogo (1808–1810) [Forms of communicative and narrative integration in the Bulletin of Europe by V. A. Zhukovsky (1808–1810)]. *Vestnik TGU. Filologiya [Bulletin of TSU. Philology]*, 2011, no. 3, pp. 101–112. (in Russ.)
- Milyukov P. N.** Ocherki istorii istoricheskoi nauki [Essays on the history of historical Science]. Moscow, Nauka, 2002, 540 p. (in Russ.)
- Murzakevich N. N.** Zapiski [Notes]. *Russkaya starina [Russian antiquity]*, 1887, vol. 54, pp. 129–144. (in Russ.)
- Nadler V. K.** Imperator Aleksandr I i ideya Svyashchennogo soyuza [Emperor Alexander I and the idea of the Holy Alliance]. Riga, 1886, vol. 1, 390 p. (in Russ.)
- Pogodin M. P.** [Некролог М. Т. Каченовского] [Obituary of M. T. Kachenovsky]. *Moskvityanin [Moskvityanin]*, 1842, no. 5, pp. 208–210. (in Russ.)
- Reitblat A. I.** Kak Pushkin vyshel v genii [How Pushkin came out in genius]. Moscow, NLO, 2001, 328 p. (in Russ.)
- Soloviev S. M.** Zapiski [Notes]. Petrograd, Prometei, 1915, 174 p. (in Russ.)

- Umbrashko K. B.** “Skepticheskaya shkola” v istoricheskoi nauke Rossii pervoi poloviny XIX veka [“Skeptical school” in the historical science of Russia in the first half of the 19<sup>th</sup> century]. Moscow, Institute of Russian History, 2006, vol. 1, 353 p. (in Russ.)
- Velizhev M. B.** “Vestnik Evropy” v literaturnoi i obshchestvennoi zhizni vtoroi poloviny 1800-kh gg. [Bulletin of Europe in the literary and social life of the second half of the 1800s]. Diss. of the Cand. Philol. Sci. Moscow, 2004, 181 p. (in Russ.)
- Veselovsky A. N.** V. A. Zhukovsky. Poeziya chuvstva i “serdechnogo voobrazheniya” [V. A. Zhukovsky. Poetry of feeling and “heartfelt imagination”]. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2016, 512 p.
- Zhukovsky V. A.** Polnoe sobranie sochinenii i pisem [The Complete Works]. Eds. A. Yanushkevich, O. Lebedeva et al. Moscow, 1999–2018, vol. 1, 760 p.; vol. 2, 839 p.; vol. 12, 543 p.; vol. 13, 608 p.; vol. 15, 1088 p. (in Russ.)
- Zorin A.** Kormya dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka [Feeding the double-headed Eagle... Literature and state ideology in Russia in the last third of the 18<sup>th</sup> – first third of the 19<sup>th</sup> century]. Moscow, NLO, 2004, 416 p. (in Russ.)
- Zykova G. V.** Zhurnal Moskovskogo universiteta “Vestnik Evropy” (1805–1830 gg.) [The journal of the Moscow University Bulletin of Europe (1805–1830)]. Moscow, Dialog-MGU, 1998, 129 p. (in Russ.)

### Информация об авторе

**Дмитрий Владимирович Долгушин**, доктор филологических наук  
Scopus Author ID 36650505200  
WoS Researcher ID ABB-7953-2021  
RSCI Author ID 313367  
SPIN 7859-8316

### Information about the Author

**Dmitry V. Dolgushin**, Doctor of Sciences (Philology)  
Scopus Author ID 36650505200  
WoS Researcher ID ABB-7953-2021  
RSCI Author ID 313367  
SPIN 7859-8316

*Статья поступила в редакцию 05.11.2024;  
одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 18.11.2024  
The article was submitted on 05.11.2024;  
approved after reviewing on 15.11.2024; accepted for publication on 18.11.2024*

Научная статья

УДК 82-32:81-11:81-42

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-101-111

## Формирование когнитивных пространственных моделей в произведениях В. И. Даля («Картины из русского быта»)

Сергей Михайлович Шаврыгин

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Москва, Россия

svrg\_55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

### Аннотация

Рассматривается формирование пространственных представлений в сознании писателя и способы их репрезентации в художественном творчестве на примере биографии В. И. Даля и его цикла рассказов, очерков и сказок «Картины из русского быта». Используется методология «имагинальной географии», соединяющая методы когнитивной географии, психологии, языкознания, литературоведения. Одна из важнейших задач исследования – понять авторскую специфику моделирования пространства, оригинальные способы создания географических образов, интерпретации пространственных представлений в контексте литературного дискурса. Как показывает жанрово-когнитивный анализ цикла «Картины из русского быта», в частности рассказа «Осколок льду», репрезентация пространственных впечатлений осуществлялась чаще всего в сказочной жанровой форме, а интерпретировались они писателем в мифологическом, историческом, социально-психологическом и этнологическом аспектах.

### Ключевые слова

когнитивная география, этнокультурный ландшафт, концепт, жанр, сюжет

### Для цитирования

Шаврыгин С. М. Формирование когнитивных пространственных моделей в произведениях В. И. Даля («Картины из русского быта») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 101–111. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-101-111

## Formation of Cognitive Spatial Models in the Artworks of V. I. Dahl (*Scenes from Russian Everyday Life*)

Sergej M. Shavrygin

Moscow Financial and Industrial University “Synergy”

Moscow, Russian Federation

svrg\_55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

### Abstract

*Purpose.* The article examines the processes of formation of spatial representations in the writer’s mind and ways of their representation in artistic creativity using the example of the biography of V. I. Dahl and his cycle of short stories, essays and fairy tales *Scenes from Russian Everyday Life*. The author uses the method of “imaginative geography” which is a combination of cognitive geography, psychology, linguistics, and literary studies methods.

*Results.* One of the most important tasks of the research is to understand the specifics of modeling space in the writer’s mind, his original ways of creating geographical images, interpreting spatial representations in the context of literary (genre, style) discourse. Due to life circumstances, Dahl often moved, changed his place of residence and ser-

© Шаврыгин С. М., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 101–111

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 101–111

vice, which influenced the structure of spatial thinking and modeling of the original spatial myth. Since the writer's figurative geographical representations directly nourished his work and became an important element of the compositional and narrative structure of texts, the cognitive geographical context is most clearly seen in collections of his stories written on the basis of direct observations and practice of life, in particular, such as *Scenes from Russian Everyday Life*. This is especially true for the plots and stories based on Dahl's trips to the Ural-Caspian region, Orenburg and the trans-Ural steppes.

*Conclusion.* As the genre-cognitive analysis of the cycle and, in particular, the story *Shard of Ice* shows spatial impressions were most often represented in genre form of a fable, and were interpreted by the writer in mythological, historical, socio-psychological and ethological aspects.

*Keywords*

cognitive geography, ethnocultural landscape, concept, genre, plot

*For citation*

Shavrygin S. M. Formation of Cognitive Spatial Models in the Artworks of V. I. Dahl (*Scenes from Russian Everyday Life*). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 101–111. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-101-111

В. И. Даль на протяжении своей жизни поменял множество географических мест как по своим служебным, так и по внеслужебным (научным, общественным, литературным) делам. Геокультурные точки перемещений Даля красноречивы сами по себе: Луганский Завод (Луганск), Санкт-Петербург, Рига, Ревель, Стокгольм, Копенгаген, Николаев, Дерпт, Балканы, Молдавия, Бухарест, Яссы, Умань, Каменец-Подольский, Оренбург, поселения уральских казаков, Гурьев, Южный Урал, зауральские степи, Хивинское ханство. Как никто другой, Даль был подготовлен к созданию географических образов, этнокультурных и пространственных моделей на основании огромного фактического материала, поиску способов и форм его словесной репрезентации.

Человек на протяжении своей жизни ментально осваивает окружающее пространство, создает собственные представления о нем, выделяет определенные «узлы», маркированные пространственные точки, которые помогают выстроить в сознании карту пространства, чтобы «разместить весь известный ему мир на ограниченном в размере полотне» [Шпак, 2021, с. 16], закрепить в памяти и сформировать геометрический образ мира.

Такой образ становится синтетичным, многомерным, не только несет в себе пространственные координаты и представления о размещении объектов, но главным образом рассматривает заполнение пространства объектами, явлениями в их взаимосвязи и хронологической, причинной взаимообусловленности, «пространственное заполнение и характер стран и местностей», охват «сразу всех царств природы и вместе с тем человека» [Геттнер, 1930, с. 115–116].

Хорологическая концепция (изучение различных частей земного пространства, различий в природе и культуре в разных местах земной поверхности [Там же, с. 113]) опирается на идею «районирования», т. е. «выделения, отграничения отдельных индивидуальных пространств, или районов» (выделено автором. – С. III.) [Замятин, 2003, с. 10], которая становится предметом изучения гуманитарной географии и является составной частью идеологии пространства. Выделение пространственных районов приводит к выявлению топологических систем и комплексов, которые можно трактовать как проявления общей культуры, духовной жизни, психологических процессов, обусловленных географической, пространственной причинностью, учитывая, что всегда «обнаруживается географическая обусловленность в формах культуры» [Геттнер, 1930, с. 244].

Механизм создания географического образа или фрейма (фрейм «является структурой данных для представления стереотипной ситуации» [Минский, 1979, с. 7]) можно описать как формирование специфической модели «условной географической реальности» [Замятин, 2003, с. 55]. Цепочка таких образов приводит к формированию автономной географической картины мира, а цепочка фреймов, различие между которыми зависит от различия позиции наблюдателя и от перемещения наблюдателя из одного места в другое, образует пространственно-географический сценарий.

Репрезентация этого сценария как совокупности пространственных представлений в сознании человека происходит в форме ментальных карт [Шенк, 2001, с. 4]. Понятие «ментальная карта» обозначает не только абстрактные способности психики человека собирать, упорядочивать, а главное, субъективно трансформировать представление об окружающем пространстве, но и «созданное человеком изображение части окружающего пространства... Она отражает мир так, как его себе представляет человек, и может не быть верной. Искажения действительно очень вероятны» [Downs, Stea, 1982, p. 23] (цит. по: [Шенк, 2001, с. 4]). Пространственные географические точки мыслятся как элементы ментальной карты, которые могут быть объяснены психологией и духовными ценностями наблюдателя [Шенк, 2001, с. 6]. В противовес гомогенности как неотъемлемому свойству естественного пространства [Кандрашина и др., 1989, с. 170] проявляется неоднородность ментальной карты, связанная с тем, что наблюдатель насыщает точки, узлы ментальной карты различными материальными объектами, между которыми возникают отношения, структурирующие пространство.

Биографический концепт *ПУТЕШЕСТВИЕ*, перемены пространственных координат и районов – неотъемлемое свойство судьбы и жизни В. И. Даля. Именно во время путешествий, перемещений формировались в сознании писателя решающие стереотипы восприятия и репрезентации пространства. «Географическое пространство – это результат процесса описания, осознания и осмысления земного пространства, т. е. его географизации» [Замятин, 2003, с. 80]. Выделяются четыре телеологические стратегии процесса осмысления пространства и их основные метафоры (концепты): преодоление (жизнь, биография), освоение (история, судьба), изучение (истина, наука), понимание (красота, эстетика, литература) [Шпак, 2021, с. 21]. Для Даля это детство, учеба, военная служба (освоение), служба при военном губернаторе Оренбурга (изучение), литературная деятельность конца 1830-х – 1860-е гг. (понимание).

Освоение окружающего мира и географического пространства начинается с момента рождения. Как известно, маленькие дети «довольно быстро овладевают окружающим их пространством. Спустя недолгое время после своего появления на свет они уже правильно ориентируются в нем...» [Кандрашина и др., 1989, с. 168]. Даль родился в городке Луганский Завод Екатеринославской губернии, первоначальные пространственные представления оформились в концепты *ЗЫБКА*, *КОЛЫБЕЛЬ*, *МОГИЛА*, *ДОМ* и *ДОМОВИНА*, связанные с семантикой рождения и смерти. Затем воспитывался в Петербургском Морском кадетском корпусе, замкнутый мир которого породил иные пространственные образы, противопоставляющие ограниченный мир училища и другой мир, за его стенами, наполненный приключениями и развлечениями: «огромная обеденная зала», «бесконечно длинные галереи», «чердак», «скамейка для розг», «каток на дворе»<sup>1</sup>. Во время учебы в составе команды брига «Феникс» в 1817 г. Даль совершил плавание по маршруту Санкт-Петербург – Кронштадт – Рочесальм – Свеаборг – Рига – Ревель – Стокгольм – Карлскрона – Копенгаген – Санкт-Петербург. В пути он вел «дневной журнал» (дневник) [Фесенко, 1999], чрезвычайно расширивший географическую картину мира писателя, сформировавший в его сознании целый ряд важнейших геокультурных, образно-географических концептов, образов стран и местностей, впоследствии структура этих пространственных концептов будет использована в его собственном творчестве. По окончании корпуса был определен на службу в Николаев, а затем переведен в Кронштадт. После отставки в 1826 г. Даль уехал в Дерпт в университет, где учился в медицинском институте при университете и специализировался по хирургии.

В 1829 г. отправился на русско-турецкую войну в Молдавию, крепость Силистрия, на Балканы, участвовал в сражениях при Кулачеве, близ Шумлы, взятии городов Сливны, Андрианополь, бывал в Бухаресте, служил в Яссах, в Умани, Каменец-Подольске. В 1831 г. участвовал в польской кампании, в частности форсировал Вислу по построенному им мосту около города Казимеж (Краков). Война необыкновенно обогатила и усложнила географиче-

<sup>1</sup> См.: (Автобиографическая записка В. И. Даля, 1872).

ский пространственный мир писателя, оказала сильное концептуальное влияние на его сознание. Когнитивно-географический контекст существования Даля на войне породил новые культурные ландшафты, географические образы, осмысленные и репрезентированные затем в повестях и рассказах, основанных на воспоминаниях писателя об этом этапе жизни («Беглянка», «Цыганка», «Червоно-русские предания» и др.).

В 1832 г. Даль вернулся в Петербург, стал ординатором Санкт-Петербургского военного госпиталя, одновременно развернулась и его бурная литературная деятельность, с этих пор уже не прекращавшаяся.

С 1833 по 1841 г. Даль служил чиновником особых поручений при Оренбургском военном губернаторе В. А. Перовском, и одновременно начался новый этап в формировании его пространственного сознания – изучение, освоение географических пространств, тем более что с одной стороны была Россия, Европа, а с другой – неизвестный еще в то время Восток, Оренбург же был главным пунктом общения с ханствами Средней Азии.

Именно в этот период Даль проявил основательные знания не только в географии, но и в картографии. В «Толковом словаре живого великорусского языка» он так определял географическую карту: «КАРТА ж. чертеж какой-либо части земли, моря, тверди небесной. *Карта географическая, топографическая* (частная и подробная), *морская* и пр. *Плоская морская карта*, которая начерчена, принимая поверхность земного шара за плоскость; *меркаторская*, на которой градусы широты и долготы увеличиваются постепенно к полюсу, для взаимной соразмерности на плоской бумаге» (Даль, 1979, т. 2, с. 93). Перу Даля принадлежит критический анализ карты местности, по которой проходили русские войска в Хивинском походе, составленной в Берлине немецким ученым картографом К. Циммерманом<sup>2</sup> [Матвиевская, 2002, с. 103].

В этой критической статье Даль, во-первых, рассуждая о различиях картографических проекций Г. Меркатора и Р. Бонна, демонстрирует свое отменное знание картографических проекций, полученное, вероятно, в Петербургском Морском кадетском корпусе: «Сочинитель избрал для карты своей проекцию Меркатора, как сам говорит, для того только, что ее легче, удобнее применить. Меркатора проекция удобна для карт морских, потому что развертывает поверхность земного шара в такую плоскость, по которой курс или ход корабля можно прокладывать прямою чертою, а это необходимое условие для всех морских карт. Но проекция эта искажает, как известно, все очерки, потому что переносит их с поверхности шара на поверхность цилиндра; каждая параллель или широта требует особого масштаба, и при общем взгляде на карту нельзя получить верного понятия о взаимных отношениях расстояний. Причины эти, кажется, могли бы побудить сочинителя карты избрать проекцию Бона или другую, употребительную в картах географических, тем более что карта степи содержит более градусов широты, чем долготы, и кроме того, принадлежит пространству, удаленному от экватора» (Даль, 1841, с. 36).

Во-вторых, Даль размышляет о методологии составления карт подобного пространства, «на котором глазу нашему нельзя опознаться по городам, селениям и местечкам, связанным взаимною сетью дорог и сообщений» (Даль, 1841, с. 33). Среди множества природных ориентиров (речек, ручьев, колодцев, ям, озер, солонцов, песков, возвышенностей и склонов, рощиц, деревьев, могил, курганов, развалин) необходимо выбрать самые необходимые астрономически определенные точки, ориентиры, дав им местные и постоянные названия, определив их точную широту и долготу. Только на подобных условиях можно составить правильную, образцовую, без ошибок и погрешностей карту.

Для этого необходимо знакомство с местной природой, жизнью, обычаями, языком, местными географическими названиями. Эти сведения помогут географическому анализу собранных сведений и геокультурной и естественноисторической интерпретации изображаемого пространства.

<sup>2</sup> См.: *Zimmermann Carl*. Entwurf des Kriegstheaters Russland's gegen Chiwa. Berlin, 1840.

Даль показал в этом критическом разборе глубокое понимание особенностей языка, быта, географических представлений тюркских народов, населявших зауральские и приаральские степи, использовал эти сведения в создании географических образов в произведениях 1840-х гг.

Все повести Даля основаны на его личных наблюдениях, и события происходят в странах и краях, хорошо ему известных, где он сам бывал. «“Все повести мои, если угодно взглянуть на них, происходят в краях и странах, мне коротко известных, где я бывал, жил и сам все видел. Я не умею писать полиция [портреты. – С. Ш.] на авось; вот почему и не могу слишком бойко и скоро писать или создавать новое. Турция породила *Кассандру* [здесь и далее курсив В. И. Даля. – С. Ш.]<sup>3</sup> и *Болгарку*; Польша – *Подольянку*, Оренбург – *Мауляну*<sup>4</sup> и *Майну*; Русские Губернии – *Вакха*, *Бедовика*; Малороссия – *Василия Граба*, Южная или Новая Россия – *Мичмана Поцелуева*”» (Переписка..., 1993, с. 317).

В рассказах и новеллах, собранных в издании «Картины из русского быта» (Даль, 1861), пространственные мотивы и сюжеты играют важную жанрово-идеологическую роль. Они неоднородны и делятся на несколько типов. Во-первых, условно-сказочные локусы («где-то, когда-то», «сторона-сторонка», «изба богатого мужика», «барский двор») репрезентируют новеллистические сказки-анекдоты в основном о разбойниках, ворах, хитрецах, супругах, обобщенно-сказочные нарративы и соответствующую этим жанрам идеологию. Во-вторых, локусы «чувашская деревня», «Золотоношский уезд» (Полтавская губерния), «граница Бессарабии», «город Коты» определяют другой жанрово-сюжетный тип: реалистические истории, в основе которых тем не менее лежит сказочный жанровый архетип, в основном те же новеллы-анекдоты о ворах, разбойниках, супругах. В-третьих, локусы «деревня убогого дворянина», «графская вотчина северная губерния» выявляют связь с литературными жанрами социально-бытового очерка. В-четвертых, локусы сна, видения, бреда относят подобные дискурсы к романтической фантастической традиции 1830-х гг. Наконец, в-пятых, это такие локусы, которые нанизываются друг на друга, сменяют друг друга, указывая на принадлежность данных нарративов к жанрово-дискурсивным традициям путешествий, травелогов, пленников: «земля турецкая», «русская деревня», «Новороссийский край», «Херсонская губерния» («Беглянка»), «Одесса», «немецкая колония Люстдорф», «селения Большой Фонтан», «Бурлацкая-Балка», «Лиман», «Польша», «отчий дом» (богатый), «Любартов Люблинского воеводства» («Цыганка»).

Особенно значимы центральноазиатские и уральские локусы и топосы в рассказе «Осколок льду», написанном, вероятно, в 1840-х гг., впервые опубликованном в 1856 г. в журнале А. С. Хомякова и А. И. Кошелева «Русская беседа», а в 1861 г. – в составе полного цикла «Картины из русского быта». Это история уральской казачки девочки Марьи Чернушкиной, похищенной «киргизами» (киргиз-кайсаками), проданной в плен бухарскому хану, испытавшей всю тяжесть жизни в плену, чудесным образом спасшейся, благополучно вернувшейся домой, в свою станицу, и нашедшей себе жениха. Все три рассказа («Беглянка», «Цыганка», «Осколок льду») объединяются дискурсом «степного пленника» [Созина, 2016]. В контексте «Картин из русского быта» эти рассказы, погруженные в единый дискурс, образуют структурно-семантическое единство и общий подход в репрезентации и интерпретации темы. Однако рассказ «Осколок льду» занимает особое место, поскольку географические образы этого рассказа не только отразили реально существующее географическое пространство, хорошо известное автору, но и составили образно-географический сценарий, во многом определяющий литературный дискурс произведения.

По поручению военного губернатора В. А. Перовского Даль постоянно участвовал в поездках по Оренбуржью, зауральским степям, Каспию, землям Хивинского и Бухарского ханств, в частности в Ново-Александровское укрепление на Каспии, в устройстве Новой пограничной линии от Орска до станицы Березниковской, неоднократно выезжал в степь к ка-

<sup>3</sup> Героиня рассказа «Цыганка».

<sup>4</sup> Героиня повести «Бикей и Мауляна».

захам до Орска, Тобола, готовясь к Аральской научной экспедиции, досконально изучал регион Аральского моря.

Эти поездки имели не только служебные, но и научные цели. Даль участвовал в разработке и реализации планов по изучению Оренбуржья и зауральских степей: исследование Аральского моря и его района, неизвестного к тому времени, изучение флоры, фауны и геологии (естественная история), организация Музея естественных произведений Оренбургского края. По итогам поездок Даль написал ряд работ, посвященных научным исследованиям природы, истории, этнографии этих мест. В научных занятиях Далю помогали увлечение биологией, знание природы, растительного и животного мира Южного Урала.

Первые же поручения военного губернатора способствовали восприятию и репрезентации пространства в форме еще простых ментальных карт. Так, в рапорте военному губернатору Даль отмечал: «Объехав по предложению Вашего превосходительства войско уральское и имев уже честь отдать Вам лично отчет о сей поездке, осмеливаюсь просить покорнейше, дабы следующие мне казенные прогонные деньги за проезд от Оренбурга через Уральск до Гурьева, обратно до крепости Калмыковой, от оной до орды Букеевской, обратно по Узеньям на Александров Гай... в Уральск и, наконец, степною дорогою через Илецкий Городок в Оренбург, всего за 2050 верст на три лошади, то есть 307 рублей и 60 копеек, – повелено было отколе следует мне выдать»<sup>5</sup>.

Даль прочерчивает пунктирно свой маршрут, выделяя важные, с его точки зрения, географические точки: Оренбург – Уральск – Гурьев – Калмыковская крепость (между Уральском и Гурьевом) – Букреевская орда (междуречье Урала и Волги) – Александров Гай (юг саратовских степей) – Илецкий Городок (село Илек на левом берегу Урала). Однако пока еще он не анализирует и не интерпретирует их с точки зрения истории, философии, этологии, лингвистики, как это будет в дальнейшем.

Даль активно участвовал в подготовке документов о задержании хивинских и бухарских купцов ради выкупа русских пленников. Писал годовые отчеты, в том числе в приложении списки возвратившихся из азиатского плена российских людей, похищенных и разными путями возвратившихся на родину.

Эту деятельность Даль считал едва ли не главной в своей службе. В письмах к сестре в Петербург отмечал: «Теперь я занимаюсь приведением в порядок сведений о Средней Азии, показаний русских пленников и пр.»<sup>6</sup>. Даль литературно обрабатывает и публикует рассказы бывших русских пленников, содержащих ценные сведения о недоступном в то время для иностранцев Хивинском ханстве.

За восемь лет службы Даль собрал огромный материал не только народных произведений, но и живых историй о быте и нравах уральских казаков, казахов, киргизов и других народностей края, опубликовал записки бывших пленников из Хивы и Бухары Фёдора Грушина, Андрея Никитина, Якова Зиновьева, урядника Попова, Тихона Рязанова, портупей-поручика Медяника. «В 1836 г. В. И. Даль сделал запись рассказа своего друга прапорщика И. В. Виткевича о его смелой поездке в Бухару, где он собрал много интересных сведений о Бухарском ханстве, его хозяйстве, системе управления, нравах и обычаях народа» [Матвиевская, 2021, с. 4].

«Записка, составленная по рассказам оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно» 1836 г., обработанная, а скорее написанная Далем, содержит многочисленные предметно-тематические переключки с текстом рассказа «Осколок льду»: описание самого пути, тяжелых путевых условий и плохого физического состояния людей, их болезней, передвижение на верблюдах с караванами купцов, природные и географические условия похода, препятствия на пути, еда и пропитание в целом, отношение местного населения к участникам, этнические группы населения (кайсаки, хивинцы, туркмены, каракалпаки), купцы-чумекейцы (казахский род), топонимические

<sup>5</sup> Находится в ГАОО, ф. 6, оп. 15, л. 1, 7. См.: [Матвиевская, 2002, с. 34].

<sup>6</sup> Цит. по: [Матвиевская, 2002, с. 53].

названия и описание аулов и поселений, через которые пролегал путь пленников, отношения к русским пленным, особенно описание Бухары, узких улочек, толкотни на и около базаров, крики многочисленных разносчиков еды и товаров, устройство ханского дворца и быт его семейства, общение с ханом, множество пленных русских (Записки..., 1983, с. 84–129).

В 1839 г. Даль участвовал в военном Хивинском походе, оставив впоследствии записки «Военное предприятие противу Хивы» (Чтения..., 1860, с. 147–166) и «Письма к друзьям из похода в Хиву» (Русский архив, 1867, с. 402–431). Поскольку Даль любил географическую точность, записки о походе предваряются подробным и точным описанием пути, который был «избран для похода этого <...> от Оренбурга вниз по Илеку, поперег через Сырт, отделяющий вершины реки этой от верховьев Эмбы, вниз по сей последней, до впадения в нее Аты-Яхши, там через солончаковую равнину к северо-западному заливу Аральского моря, Каратамаку и через Усть-Урт или плоскую возвышенность между Каспием и Аралом, придерживаясь западных берегов последняго. Всего от Оренбурга до Хивы, 1200 или 1300 верст. Путь до Бохары составляет, по одометру, 1500 верст» (Чтения..., 1860, с. 147–166).

В рассказе «Осколок льду» также структурируется географическая ментальная карта, отражающая особенности «конструирования пространства в сознании» автора [Шенк, 2001, с. 5]. Как и в записке «Военное предприятие противу Хивы», ментальная карта рассказа строится последовательно, линейно, географически предельно точно: Красногорская крепость на Оренбургской линии, переправа вброд через Урал, 70 верст по степи, крутой овраг, в котором «киргизцы» с Машей остановились на отдых; через неделю пути аул, «кочевавший на песчаном кара-куме, по близости реки Сыра» (Даль, 1861, с. 187); через несколько недель подошли чумекейцы<sup>7</sup> с караваном в Бохару<sup>8</sup>, большая река, безводная степь, Бохара-и-Шериф (основной локус – ханский дворец, кроме того улица перед ханским двором), затем на обратном пути станица Орская, станица Красногорская, пространство от села Неженки до Орска, станица Каменная.

Как видно, Даль скрупулезно описывает путь казачки Марьи Чернушкиной, увезенной ворами-«киргизцами» из родной станицы далеко от родины, в чужую сторону, в «басурманскую столицу». Согласно своим правилам, автор не только указывает конкретные географические точки (станицы, аулы, города), помогающие читателю представить географическое пространство сюжета, но и природные ориентиры (овраги, реки, кара-кумы, т. е. пески), без которых невозможно, по его убеждению, составить безошибочную карту этих, тогда еще плохо изученных мест (Даль, 1841, с. 36).

На первый взгляд автор репрезентирует исторический тип описания, нарратива, соотносящего образы пространства и образы времени, придающие пространству статус реального. Однако реальность этого пространства оказывается иллюзией. Перед читателем предстает ментальное конструирование пространства, образно-географическое картографирование (термин Д. Н. Замятина), воспроизводящее нарративные модели архетипического сказочного сознания, описанного в формуле В. Я. Проппа (похищение и возвращение домой через прохождение пространственных, а значит, социальных препятствий). Основная нарративная стратегия также сказочная, заключающаяся в создании абдуктивно-реверсивного сюжета, основой которого является событие «похищения – возвращения». Решая эту задачу, Даль использует установившиеся языковые и нарративные сказочные формы. Станица Красногорская, поле, буренушка, отец и мать – это дом; река Урал – граница между двумя противоположными мирами; аул, Бухара, ханский двор – тот потусторонний, волшебный, враждебный мир, поглотивший героиню, кажется, навсегда, из которого нет выхода. При этом есть и «волшебные» предметы, и «волшебные» помощники, антагонист, с которым борется героиня, выполняя его условие освобождения.

Одновременно в рассказе репрезентируется мифопоэтическое сознание (преодоление враждебного пространства и достижение конечной точки пути, преодоление препятствия как

<sup>7</sup> Наименование казахского рода повторяется, сравни «Записку» Виткевича (Записки..., 1983).

<sup>8</sup> Написание В. И. Даля в соответствии с традицией XIX в.

часть инициации вступления во взрослую полноценную жизнь, прохождение пути как лабиринта, аллегория жизни как тернистого пути), воплощенное в противопоставлении мира, жизненного уклада казачьей станицы и ханского двора, Бухары.

Рассказывая о жизни Марьи Чернушкиной в киргиз-кайсацком ауле, о покупке-продаже русской девушки-марджи (пленницы) бухарскими купцами, о пребывании героини в ханском дворце, ее занятиях, отношениях с прислугой и приближенными хана, Даль делает акцент на изображении экзотических мест и народностей, довольно подробно выписывает приметы и особенности этнического быта, характеризует экзотические локусы (аул, Бухара, киргизы, ханский дворец). В целом автор создает необычные, непривычные читателю географические образы, тем самым знакомя читателя с экзотическим миром, стремясь способствовать тому, чтобы сознание читателя усваивало знания о нем [Schmidt, 2015].

С точки зрения акторно-сетевой теории (ANT) – пространство как система отношений между объектами, устанавливающими «функциональные связи», где объекты «представляют собой пересечения характеристик неизменности формы в разных топологиях» [Ло, 2006, с. 231] – и «создается (сетевой) объект, создается также и весь (сетевой) мир, с его собственной пространственностью, собственным определением гомеоморфизма и непрерывности формы» [Там же, с. 232]. Географическое пространство, репрезентированное в рассказе Даля, может быть представлено как сеть, пока «объект остается объектом» и «пока отношения между ним и связанными с ним объектами устойчивы и все сохраняется на своих местах» [Там же, с. 227]. Как показывает дискурс, основным географическим объектом оказывается столица, Бухара. Многочисленные отношения связывают ее с другими объектами, более близкими и более далекими. При этом отдаленность связей прямо влияет на изменение семантики образов, вплоть до противоположной. От конкретного пространственного образа (локуса) «ханского двора» читатель переходит к восприятию и истолкованию образов придворной жизни, сначала эмира, его приближенных, улемов, затем русских пленников (стряпухи, пушкаря), таджика, жителей Бухары, купцов, купивших Марью в ауле, жителей аула, похитителей-киргизов, станичников, жениха Марьи Чернушкиной. Эти множества объектов тесно взаимосвязаны, по мере удаления от центрального объекта усиливается семантика различия между ними, а крайние объекты (Бухара и казачья станица) оказываются противоположными.

В связи с этим необходимо уточнить, что семантика объектов порождается этологической сферой, нравоописательным дискурсом. Поэтому все географические объекты (образы), так или иначе функционирующие в этой сети, приобретают нравственно-психологический, религиозно-бытовой смысл. В эпизоде пребывания Маши в киргиз-кайсацком ауле автор акцентирует внимание на нравах населения, проявляющего к пленной русской женщине сложные чувства любопытства и одновременно оценку ее стоимости как рабыни, ласковость и одновременно злобу, заботливость и желание нагрузить ее черной неблагодарной работой. Пожалуй, этот скрытый или явный этологизм и становится семантической доминантой географических образов рассказа.

Имагинальная география помогает понять «особенности и закономерности формирования географических образов, их структуры, специфику моделирования, способы и типы репрезентации и интерпретации» [Замятин, 2010, с. 27]. В произведениях Даля формируется особое концептуальное поле географических образов, позволяющее интерпретировать не только «поэтику пространства», но и в целом специфику литературного дискурса. Весь энциклопедический географический материал рассказов «Картины из русского быта» выстроен в определенной жанрово-стилистической перспективе нравоописательности. Изначальная жанровая коллизия дискурса «русского пленника» ломается и перерастает из любовного в цивилизационный конфликт православной и мусульманской культур. При этом ценностное поле культурно-географических образов не становится предельно антиномичным, утверждается равноправие, равноценность социальных, культурных и религиозных основ различных национальных миров и жизнеустроительных систем.

### Список литературы

- Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы / Под ред. Н. Баранского. Л.; М.: Гос. изд-во, 1930. 416 с.
- Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
- Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 3. С. 26–50.
- Кандрашина Е. Ю., Литвинцева Л. В., Поспелов Д. А. Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах / Под ред. Д. А. Поспелова. М.: Наука, 1989. 326 с.
- Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей: Сб. ст. / Под ред. В. Вахштайна. М.: ИД «Территория будущего», 2006. С. 223–243. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»)
- Матвиевская Г. П. Даль в оренбургском востоковедении // Гостиный дворъ. 2021. № 3. URL: [https://www.zhurmir.ru/sites/zhurmir/files/pdf/gd\\_2021-19\\_-\\_324.pdf](https://www.zhurmir.ru/sites/zhurmir/files/pdf/gd_2021-19_-_324.pdf) (дата обращения 24.07.2024).
- Матвиевская Г. П., Зубов И. К. Владимир Иванович Даль, 1801–1872 / Отв. ред. Э. Н. Мирзоян. М.: Наука, 2002. 221 с.
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
- Созина Е. К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 6–15.
- Фесенко Ю. П. Проза В. И. Даля. Творческая эволюция. Луганск; СПб.: Альма матер, 1999. 261 с.
- Шенк Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. 2001. № 4. С. 4–17.
- Шпак Г. В. Изобретая пространство. Россия и Англия XVI–XIX вв. в путешествиях, травелогах, картах: Монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 247 с.
- Downs R. M., Stea D. Cognitive Karten. Die Welt in unseren Köpfen. N. Y.: Harper & Row, 1982. 392 p.
- Schmidt V. Inventing Exoticism: Geography, Globalism, and Europe's Early Modern World. Philadelphia: Uni. of Pennsylvania Press, 2015. 448 p.

### Список источников

- Автобиографическая записка В. И. Даля // Русский архив. 1872. Год 10-й. Вып. 11. С. 2246–2250.
- Даль В. И. О карте зауральских степей, изданной в Берлине // Отечественные записки. 1841. Т. 19, № 11–12. С. 33–48.
- Даль В. И. Картины из русского быта. СПб.: Изд. книгопродавца и типографа М. О. Вольфа, 1861.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1978–1980.
- Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича) / Отв. ред. Н. А. Халфин. М.: ГРВЛ изд-ва «Наука», 1983. 149 с.
- Русский архив. М.: Тип. В. Грачева и К, 1867. Вып. 3. С. 402–431.
- Переписка В. И. Даля и М. П. Погодина. Ч. 1 // Лица: Биографический альманах / Ред.-сост. А. А. Ильин-Томич. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1993. С. 287–388.
- Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1860. Кн. 1. С. 147–166.

## References

- Gettner A.** Geografiya. Ee istoriya, sushchnost' i metody [Geography. Its history, essence and methods]. Ed. by N. Baranskaya. Leningrad, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930, 416 p. (in Russ.)
- Downs R. M., Stea D.** Kognitivnye Karten. Die Welt in unseren Köpfen. New York, Harper & Row, 1982, 392 p.
- Fesenko Yu. P.** Proza V. I. Dal'ya. Tvorcheskaya evolyutsiya [V. I. Dahl's prose. Creative evolution]. Lugansk, St. Petersburg, Alma mater Publ., 1999, 261 p. (in Russ.)
- Kandrashina E. Yu., Litvintseva L. V., Pospelov D. A.** Predstavlenie znaniy o vremeni i prostranstve v intellektualnykh sistemakh [Representation of knowledge about time and space in intelligent systems]. Ed. by D. A. Pospelov. Moscow, Nauka, 1989, 326 p. (in Russ.)
- Lo D.** Objects and spaces. In: Sotsiologiya veshchei [The Sociology of Things]. Ed. by V. Vahshtain. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006, pp. 223–243. (in Russ.) (Seriya "Universitetskaya biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo")
- Matvievskaya G. P.** Dal' v orenburgskom vostokovedenii [Dahl in Orenburg Oriental studies] *Gostinyi dvor*, 2021, no. 3. (in Russ.) URL: [https://www.zhurmir.ru/sites/zhurmir/files/pdf/gd\\_2021-19\\_-\\_324.pdf](https://www.zhurmir.ru/sites/zhurmir/files/pdf/gd_2021-19_-_324.pdf) (accessed 24.07.2024).
- Matvievskaya G. P., Zubov I. K.** Vladimir Ivanovich Dahl, 1801–1872. Ed. by E. N. Mirzoyan. Moscow, Nauka, 2002, 221 p. (in Russ.)
- Minsky M.** Freimye dlya predstavleniya znaniy [A framework for representing knowledge]. Moscow, Energiya Publ., 1979, 152 p. (in Russ.)
- Sozina E. K.** Diskurs "stepnykh plennikov" v russkoi literature XIX veka [The discourse of the "Steppe captive" in the Russian literature of the 19<sup>th</sup> century]. *Uralskii istoricheskii vestnik [Ural Historical Herald]*, 2016, no. 1 (50), pp. 6–15. (in Russ.)
- Shenk F. B.** Mental'nye karty: konstruirovaniye geograficheskogo prostranstva v Evrope [Mental maps: the construction of geographical space in Europe]. *Politicheskaya nauka [Political Science]*, 2001, no. 4, pp. 4–17. (in Russ.)
- Shpak G. V.** Izobretaya prostranstvo. Rossiya i Angliya XVI–XIX vv. v puteshestviyakh, travelogakh, kartakh [Inventing space. Russia and England of the XVI–XIX centuries in travel, travelogues, maps]. Monograph. Ekaterinburg, Ural State Uni. Press, 2021, 247 p. (in Russ.)
- Schmidt B.** Inventing Exoticism: Geography, Globalism, and Europe's Early Modern World. Philadelphia, Uni. of Pennsylvania Press, 2015, 448 p.
- Zamyatin D. N.** Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov [Humanitarian geography: The space and language of geographical images]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2003, 331 p. (in Russ.)
- Zamyatin D. N.** Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodeistvie sovremennykh gumanitarnykh nauk [Humanitarian Geography: Space, Imagination and the interaction of modern Humanities]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*, 2010, vol. 9, no. 3, pp. 26–50. (in Russ.)

## List of Sources

- Avtobiograficheskaya zapiska V. I. Dal'ya [An autobiographical note of V. I. Dahl]. *Russkii arkhiv [Russian archive]*, 1872, year 10, vol. 11, pp. 2246–2250. (in Russ.)
- Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1860, vol. 1, pp. 147–166. (in Russ.)
- Dahl V. I.** O karte zaural'skikh stepei, izdannoi v Berline [On the map of the Trans-Ural steppes published in Berlin]. *Otechestvennye zapiski*, 1841, vol. 19, no. 11–12, pp. 33–48. (in Russ.)

- Dahl V. I.** Kartiny iz russkogo byta [Scenes from Russian everyday life]. St. Petersburg, Izdanie knigoprodavtsa i tipografa M. O. Volfa, 1861. (in Russ.)
- Dahl V. I.** Tolkovyĭ slovar zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 vols. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1978–1980. (in Russ.)
- Perepiska V. I. Dalya i M. P. Pogodina. Ch. 1 [Correspondence between V. I. Dahl and M. P. Pogodin. Pt. 1]. In: Litsa: Biograficheskii almanakh. Comp. A. A. Iliin-Tomich. Moscow; St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1993, pp. 287–388. (in Russ.)
- Russkii arkhiv [Russian archive]. Moscow, Tipografiya V. Gracheva i K, 1867, vol. 3. pp. 402–431. (in Russ.)
- Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchety P. I. Demezona i I. V. Vitkevicha) [Notes on the Bukhara Khanate (Reports by P. I. Demezona and I. V. Vitkevich)]. Ed. by N. A. Khalfin. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, Nauka Publ, 1983, 149 p. (in Russ.)

### **Информация об авторе**

**Сергей Михайлович Шаврыгин**, доктор филологических наук  
SPIN 5293-9196

### **Information about the Author**

**Sergej M. Shavrygin**, Doctor of Sciences (Philology)  
SPIN 5293-9196

*Статья поступила в редакцию 11.08.2024;  
одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 23.08.2024  
The article was submitted on 11.08.2024;  
approved after reviewing on 20.08.2024; accepted for publication on 23.08.2024*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-112-122

## **Рассказ о Пугачеве в составе «Первой русской книги для чтения» Л. Н. Толстого: редакции, источники, «лабиринт сцеплений»**

**Евгения Евгеньевна Анисимова**

Красноярский государственный педагогический университет  
имени В. П. Астафьева  
Красноярск, Россия

eva1393@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7324-9355>

### *Аннотация*

Реконструируются причины интереса Толстого к историческому сюжету о самозванце. Сопоставлены три редакции рассказа о Пугачеве конца 1860-х – середины 1870-х гг., рассмотрены его творческая история и взаимосвязи с другими произведениями «Первой русской книги для чтения» (1875). В центре внимания находится поэтика эквивалентностей – повествовательная техника, которую писатель именовал «лабиринтом сцеплений». С ее помощью, как показано в работе, писателю удалось включить рассказ о Пугачеве в широкий контекст отечественной и мировой истории, общественных и природных закономерностей, соотнести образ самозванца с известными персонажами фольклора и художественной литературы.

### *Ключевые слова*

Пугачев, Ермак, Л. Н. Толстой, А. С. Пушкин, эквивалентность, поэтика «сцеплений», мотив самозванчества

### *Для цитирования*

Анисимова Е. Е. Рассказ о Пугачеве в составе «Первой русской книги для чтения» Л. Н. Толстого: редакции, источники, «лабиринт сцеплений» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 112–122. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-112-122

## **The Story on Pugachev as a Part of Tolstoy's *First Russian Book for Reading*: Redactions, Original Sources, "Labyrinth of Linkages"**

**Evgeniya E. Anisimova**

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev  
Krasnoyarsk, Russian Federation

eva1393@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7324-9355>

### *Abstract*

*Purpose.* The work examines the cycle-creating poetics of Tolstoy's *The First Russian Book for Reading* and in particular – the story "How auntie told her grandmother about how the bandit Yemelka Pugachev gave her a dime" (1875) which occupies an essential place and, as demonstrated in the article, may be regarded as one of the key poles in the artistic structure of this collection of prose works.

*Results.* The article compares three editions of the story on Pugachev, establishes their continuity in relation to *The Captain's Daughter* and *The Squire's Daughter* by A. S. Pushkin, analyzes the changes in Pugachev's image and

© Анисимова Е. Е., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 112–122

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 112–122

the entire narrative strategy of representing the impostor. The main images and motifs that form the meaning for the story on Yemelyan Pugachev are presented in the book as a system of repetitions and juxtapositions: conformity / non-conformity to one's place, imposture/self-denial, etc. They are gradually included in the book and develop into stories about animals and people. Thus, in order to understand Tolstoy's view of Pugachev the necessary explanatory context was reconstructed, and within this context the hero's semantic and functions were clarified. It is concluded that multiple "linkages" of this selected story with other stories within a framework of "The First Russian Book for Reading" allowed the reader to see the national ideal (Ermak) and its antipode (Pugachev) correlated with each other.

*Conclusion.* The methodological basis of this paper is provided by works of W. Schmid on narrative equivalence, V. B. Shklovsky, S. G. Bocharov, V. G. Odionokov and Yu. V. Lebedev on Tolstoy's techniques of "estrangement" and "linkages", as well as B. A. Uspensky's and A. M. Panchenko's observations on Russian imposture.

#### Keywords

Pugachev, Ermak, L. N. Tolstoy, A. S. Pushkin, narratological equivalences, poetics of "linkages", the motif of imposture

#### For citation

Anisimova E. E. The Story on Pugachev as a Part of Tolstoy's *First Russian Book for Reading*: Redactions, Original Sources, "Labyrinth of Linkages". *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 112–122. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-112-122

Личность Емельяна Пугачева заинтересовала Л. Н. Толстого в период его работы над «Войной и миром» (1863–1869). Упоминания о предводителе крестьянской войны 1773–1775 гг. звучат в эпилоге, а также в черновиках писателя: «Если власть есть перенесенная на правителя совокупность воля, то *Пугачев* есть ли представитель воля масс? Если не есть, то почему *Наполеон I* есть представитель?» (здесь и далее курсив наш. – Е. А.) (т. 12, с. 308)<sup>1</sup>; «Рассуждать о том, хорошо или дурно сделал *Наполеон*, не дав гвардию, всё равно, что рассуждать о том, хорошо или дурно сделал *Пугачев*, напиваясь пьян в Оренбурге» (т. 14, с. 202).

Как можно видеть в приведенных фрагментах, а также в последующих высказываниях Толстого о самозванце, имена Пугачева и Наполеона практически всегда стоят рядом: «Когда свергнут был Людовик XVI-тый и во власть вступил Робеспьер и потом *Наполеон*, кто властвовал? Более добрые или более злые? <...> И когда царем был Петр III или когда его убили и царицей стала в одной части России Екатерина, а в другой – *Пугачев*. Кто тогда был злой, а кто добрый?»; «Нет тех ужасающих преступлений, которые не совершили бы люди, составляющие часть правительства, и войска по воле того, кто случайно (*Буланже*, *Пугачев*, *Наполеон*) может стать во главе их»; «Ведь организация эта будет действовать всё так же, в чьих бы руках она ни находилась: нынче власть эта, положим, в руках сносного правителя, но завтра ее может захватить Бирон, Елизавета, Екатерина, *Пугачев*, *Наполеон первый*, третий» («Царство Божие внутри нас») (т. 28, с. 190, 247). Секретарь Толстого В. А. Лебрен в своих мемуарах пересказал один из разговоров писателя с сыновьями: в этой беседе французский император и русский самозванец не просто соседствуют, но оказываются в одном ряду с эпидемиями и природными катаклизмами: «Каждое поколение имело свои крупные бедствия. У наших дедов это был *Наполеон*, прежде *Пугачев* или *холера*, *наводнение*, *землетрясение*... У каждого поколения свое испытание, которое надо нести» (т. 55, с. 550).

По наблюдению А. В. Гулина, фигуры Пугачева и Наполеона современниками Толстого воспринимались как воплощения единого «духовн<ого> принцип<a>, жизн<енн<ой> модел<i>, провозгласивш<ей> самозванство, собственную волю грешного человека главными и определяющими силами бытия. <...> В этом смысле, – замечает исследователь, – Наполеоновская империя как венец революционного самовластья представлялась глубоко родственной царским притязаниям безграмотного донского казака» [Гулин, 2020, с. 170]. Пугачев, упомянутый в «Войне и мире», представал русской аналогией Наполеона, не являясь при этом самостоятельным персонажем книги. Как показали исследователи, «тень пугачевщины» и аллюзии на пушкинскую «Капитанскую дочку» присутствуют в сюжете имплицитно – на-

<sup>1</sup> Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958. В скобках указаны номер тома и страница.

пример, в сценах вспыхнувшего было богучаровского бунта [Гулин, 2020, с. 164–176] и расправы над Верещагиным [Юхнова, 2016, с. 152–157].

Однако, несмотря на регулярность упоминаний Пугачева и нередкие сравнения его с Наполеоном, единственным окончанным произведением Толстого, посвященным восстанию яицких казаков, стал рассказ «Как тетушка рассказывала бабушке о том, как ей разбойник Емелька Пугачев дал гривенник». Сочинение было помещено в «Первую русскую книгу для чтения», увидевшую свет вместе с остальными частями в 1875 г. «Азбука» и прилагавшиеся к ней четыре книги с рассказами были предназначены, по словам автора, для обучения «всех детей от царских до мужицких». «Первые впечатления поэтические получают из нее, – поясняет Толстой, – и... написав эту “Азбуку”, мне можно будет спокойно умереть» (т. 61, с. 269). В каждую из книг писатель включил сюжеты об исторических событиях и деятелях, особенно выделив фигуры Емельяна Пугачева, Ермака и Петра I. Если в «Войне и мире» была воплощена историческая программа автора, то исторические рассказы из русских книг для чтения представляли собой историю для народа в лицах – со своими образцами (Ермак) и их антиподами (Пугачев). Настоящая статья посвящена исследованию творческой истории рассказа Толстого «Как тетушка рассказывала бабушке...», который мы намерены рассмотреть в многообразии его связей с другими произведениями «Первой русской книги для чтения» и историческими рассказами тетралогии.

Замысел рассказа о Пугачеве возник у Толстого в конце 1860-х гг., в период завершения «Войны и мира», когда он приступил к составлению «Азбуки» и «Русских книг для чтения» (т. 48, с. XVII). В набросках тем статей и рассказов для будущих изданий писатель последовательно помещает имя Емельяна Пугачева в перечни исторических деятелей, о которых планирует написать: «32. Самозванец. 33. Ермак. 34. Пугачев. 35. Суворов. 36. Меншиков <...> 80. Пугачев разорил помещиков. Девочку одели в сарафан. <...> 2) Суворов. Ермак. 3) Меншиков. Пугачев – история девочки»; «5. Пугачев, девочка. 6. Суворов. 7. Меншиков» (т. 21, с. 428–430, 502). Можно заметить, что в первый список запланированных для дальнейшей разработки сюжетов Пугачев включен дважды. Вероятно, в первом случае автор собирался написать собственно исторический рассказ – подобный будущему «Ермаку». Во втором случае имелась в виду вымышленная история о встрече девочки с Пугачевым. В следующих по порядку планах писателя, как мы видим, эта вымышленная история потеснила историко-биографическую.

Обращает на себя внимание и то, что в набросках Толстого повторяются одни и те же имена исторических деятелей, которые затем группируются в пары. Романист, с одной стороны, объединяет фигуры незаурядных военных лидеров Суворова и Ермака, с другой – отличившихся чрезвычайной социальной мобильностью Меншикова и Пугачева. Александр Меншиков стал персонажем неоконченного романа Л. Н. Толстого об эпохе Петра I. В характеристике сподвижника императора писатель выделил его двойственный статус и необыкновенный карьерный взлет от продавца пирогов до государственного деятеля (т. 17, с. 409). Впоследствии опыт преподавания в Яснополянской школе привел Толстого к мысли о целесообразности полного курса истории для детей (т. 8, с. 109) и, как следствие, к существенному сокращению исторических экскурсов в его книгах для чтения. Так, из перечисленных выше исторических сюжетов писатель реализовал только два замысла, остановив свой выбор на народных героях – Ермаке и Пугачеве.

Впервые о рассказе «Как тетушка рассказывала бабушке...» Толстой упоминает в письме Н. Н. Страхову от 6–7 августа 1872 г., где обещает прислать критику «заброшенную было историческую статейку» о Пугачеве в ответ на его интерес к Ермаку (т. 21, с. 571, 631). Спустя три года сочинение о самозванце было опубликовано в составе «Первой русской книги для чтения» (1875). Творческая история толстовского рассказа о Пугачеве свидетельствует о том, что первоначальный замысел писателя и тип повествования претерпели значительные изменения. Всего было создано три редакции рассказа, причем фабула в самом общем виде сохранилась без изменений. В дворянское имение неожиданно приезжает Емельян Пугачев.

Чтобы спасти барскую дочь, няня переодевает ее в крестьянский сарафан и выдает за свою внучку. Пугачев дарит девочке гривенник и уезжает.

Мотив переодевания в рассказе о Пугачеве восходит к пушкинской традиции – роману «Капитанская дочка» и повести «Барышня-крестьянка», в которой смена одежды связана не с историческим противостоянием, а с «войной» двух соседей-помещиков. Когда Пугачев осадил Белогорскую крепость, родители Марьи Ивановны переодевают ее в крестьянское платье: «Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успеешь, надень на Машу *сарафан*» [Пушкин, 1978, с. 306–307], в простой одежде застают ее в плену у Швабрина Гринев и Пугачев: «На полу, в крестьянском оборванном платье сидела Марья Ивановна» [Там же, с. 340]. Мотив переодевания зафиксирован в записях Толстого еще на этапе планирования рассказа: «Пугачев разорил помещиков. Девочку одели в *сарафан*». За переодеванием следует смена социальной роли. Пребывающую в горячке дочь капитана Миронова попадая выдает за свою племянницу, а толстовская няня оказавшегося в смертельной опасности барского ребенка – за свою внучку:

#### «Капитанская дочка» А. С. Пушкина

Он услышал: «А кто это у тебя охает, *старуха*?» Я вору в пояс: «*Племянница моя*, государь; *захворала*, лежит, вот уж другая неделя». <...> «А покажи-ка мне, старуха, свою племянницу». – У меня сердце так и екнуло, да нечего было делать. – «Изволь государь; только девка-то не сможет встать и прийти к твоей милости». – «Ничего, старуха, я и сам пойду погляжу». И ведь пошел окаянный за перегородку; как ты думаешь! ведь отдернул занавес, *взглянул* ястребиными своими глазами! – и ничего... бог вынес! [Пушкин, 1978, с. 311].

#### «Пугачев» Л. Н. Толстого (первая редакция)

И *разболелся* у барыни сынок. Кричит целый день и ночь и ничего не ест. <...> – Здорово, *старуха*. Сказывай, где господа, а то заporю. Няня говорит: Нету, родимый, уехали все в Казань. Одни мы, слуги, остались. – А девчонка чья? – *Моя*, родимый, *внучка* с деревни пришла погостить без господ. *Стал* человек *оглядывать* горницу (т. 21, с. 514).

Сюжет нападения Пугачева на Белогорскую крепость Толстой внедряет в дающуюся мельком историю соседей главных героев: «к соседям нашим за 40 верст *Пугачев* приходил и... *барина на воротах повесил*, а *детей всех перебил*. <...> Погостили они у нас так 2 дня, все поели, попили, поломали, но ничего не сожгли и уехали» (т. 21, с. 125–126). В первой редакции рассказа сходство с «Капитанской дочкой» просматривается более явно – на уровне лексики и деталей предметно-вещного мира: «Всё было пусто; стулья, столы, *сундуки были переломаны*; посуда перебита; *всё растаскано*» [Пушкин, 1978, с. 310] – «Погостили день, *переломали все сундуки, всё хорошее увезли, уехали*» (т. 21, с. 516).

Толстой адаптирует сюжет пушкинской «Капитанской дочки» для юного читателя, помещив на место девушки на выданье девочку-ребенка. Аналогичный ход наблюдаем в другом известном произведении, вошедшем в состав русских книг для чтения, – «Кавказском пленнике», в котором был переосмыслен сюжет одноименной пушкинской поэмы, а на месте «черкешенки младой» оказалась Дина, «девочка... лет тринадцати» (т. 21, с. 309). Переодевшие Маша Миронова, Лиза Муромская и девочка из рассказа о Пугачеве «собираются» замуж. Пушкинские героини в действительности находят себе супругов, а героиня Толстого – образно, получая прозвище «Пугачева невеста».

Монета в сюжете рассказа о Пугачеве представляет собой свернутый пушкинский сюжет милости со стороны самозванного государя и государыни. Правило атамана «Казнить так казнить, жаловать так жаловать», реализованное в цепи происшествий с героями романа и их поступков, а также обещание Екатерины II «устроить состояние» дочери капитана Миронова сжимаются в детском произведении до одной сцены получения памятного подарка. Обратимся к трансформации первоначального замысла Толстого в разных редакциях произведения.

Первая редакция, сохранившаяся в черновиках писателя, получила название «*Пугачев*» и была написана от третьего лица. Тем самым создавалась иллюзия действительно произо-

шедшей некогда истории. Первоначальная ситуация мирной жизни и некоторые повествовательные детали в этой версии произведения были аналогичны зачину другого исторического рассказа – «Ермак». При этом на месте татар, от которых исходила угроза для мирного населения, в данном случае оказывался Пугачев:

**«Ермак»**

*При царе Иване Васильевиче Грозном были богатые купцы Строгоновы, и жили они в Перми, на реке Каме. Прослышали они, что по реке Каме на 140 верст в кругу есть хороша земля: пашина не пахана от века, леса черные от века не рублены. В лесах зверя много, а по реке озера рыбные, и никто на той земле не живет, только захаживают татары (т. 21, с. 190).*

**«Пугачев» (первая редакция)**

Было это дело 100 лет тому назад. Царицей была Екатерина Алексеевна. <...> Жил тогда барин Ивлев за 80 верст от города Казани, на реке Мёше. Было у него большое имение, сто дворов крестьян, большие леса, земли пахотной много <...>. Когда прослышал Ивлев про названного царя, что зашел он в Казанскую губернию, и жжет господские дома, и вешает господ, он и говорит жене: Слухи есть, что за Камой рекой стоит этот царь. От нас 150 верст. Как бы к нам не зашел (т. 21, с. 514).

Для двух историй о казачьих атаманах автор избрал отчетливо различающиеся повествовательные стратегии, что следует уже из наименований произведений: с одной стороны, лаконичное «Ермак», с другой – распространенное, в литературной манере XVIII – начала XIX в. «Как тетушка рассказывала бабушке о том, как ей разбойник Емелька Пугачев дал гривенник». «Ермак», написанный раньше, но помещенный во «Вторую русскую книгу для чтения», был сделан как достоверное повествование об исторической личности и ее главном деянии – завоевании Сибири. С учетом тесных взаимосвязей Ермака с представителями разных сословий, героического финала и образно-мотивных переключек внутри книги произведение тяготело к эпике. Рассказ о Пугачеве, напротив, уводил на второй план связанное с самозванцем историческое событие и фокусировался на частном случае – встрече ряженого в царя казака и переодетой в крестьянское платье девочки-дворянки, т. е. типичной анекдотической ситуации. Таким образом, в центре внимания оказывалось не столько событие, сколько сама ситуация рассказывания, подчеркиваемая автором в нескольких вариантах названия: «дедушкина мать рассказывала...», «тетушка рассказывала бабушке...». «Самозванческая» переодетость героев словно программировала характерный образ рассказчика. Автор прятался за маской повествователя, который, с одной стороны, ограничен в понимании исторических событий, с другой – был их очевидцем и участником. В «Ермаке», напротив, видим типичного для прозы Толстого аукториального повествователя, сообщающего рассказанной истории статус объективного факта, а ее герою – реноме образцового исторического деятеля. В этом отношении весьма характерен приведенный Н. Я. Эйдельманом пример о правке пушкинской рукописи о самозванце Николаем I. Император предложил заменить первоначальное название «История Пугачева» на «Историю Пугачевского бунта», так как Пугачев «не имел истории» [Эйдельман, 1984, с. 145]. Повествовательный акцент Толстого делает Пугачевский бунт эксцессом, случаем в истории России, а случай, как правило, передается в форме анекдота.

Во второй черновой редакции произведения под названием «*Что мне дедушкина мать рассказывала про Пугачева*» Толстой изменил первоначальное «объективное» повествование на рассказ от первого лица. Если сравнить состав «Азбуки» (1871–1872) и «Первой русской книги для чтения» (1875), то можно увидеть, что рассказ о самозванце был добавлен в более позднее издание в числе других произведений, написанных от первого лица. События в нем освещаются уже не в «объективном» ключе, а будучи пропущенными сквозь сознание ребенка. Предводитель крестьянского бунта здесь превращается в «Пугача», которым взрослые «пугают» девочку: «Вот погоди, Пугач придет, перестанешь блажить» (т. 21, с. 515).

Наконец, в окончательной редакции рассказ получил название «*Как тетушка рассказывала бабушке о том, как ей разбойник Емелька Пугачев дал гривенник*» и был опубликован в «Первой русской книге для чтения». Вариативность названия одного произведения

в разных редакциях свидетельствует о смене акцентов. Во-первых, внимание смещается с фигуры предводителя восстания на героиню-рассказчицу. Во-вторых, в последнем варианте названия зафиксирована случайностная картина мира, присущая нарративной стратегии анекдота: мятежник дарит ребенку монету. В-третьих, в заглавии опубликованного рассказа Пугачев получает оценочную характеристику, становясь «Емелькой» и «разбойником».

Изменения коснулись и имени главной героини. В первой редакции девочка была названа Настей, во второй – Анночкой, в третьей – Катюшкой. Имя Анна из второй версии рассказа в последнем варианте произведения было передано другой героине – няне Анне Трофимовне. Это же имя, как мы помним, носит и главная героиня романа «Анна Каренина», над которым Толстой работал одновременно с русскими книгами для чтения. Имя Катя, на котором в итоге остановился Толстой, упоминалось в первой – «исторической» – версии рассказа и впоследствии было исключено из текста. Оно принадлежало действующей императрице Екатерине Алексеевне, упоминанием о которой открывалось повествование. В этом смысле неслучайным представляются фокусировка на подаренном гривеннике и включение прозвища героини «Пугачева невеста» в последнюю редакцию рассказа. Казак не просто дарит девочке гривенник, но и говорит о ней, отмечая ее белизну и красоту:

- Иди, *Катюшка*, не бойся. – Я подошла.
- Он взял меня за щеку и говорит:
- Вишь, белолицая какая, *красавица* будет. – Вынул из кармана горсть серебра, *выбрал гривенник* и дал мне.
- На тебе, помни государя, – и ушел.
- <...> А меня шутя звали с тех пор: *Пугачева невеста* (т. 21, с. 126).

Как видно из приведенного фрагмента, герой не просто дарит монету, но и выбирает ее из нескольких, знает имя девочки – тѣзки императрицы. Сравним с аналогичным эпизодом в черновике, где не упоминаются ни имя ребенка, ни поиск нужной монеты: «– Поди, *девочка*, не бось. Полез в карман, *достал гривенник*, дал» (т. 21, с. 515). В период царствования Екатерины Великой на гривеннике, десятикопеечной монете, помещался портрет императрицы. В этом смысле прозвище «Пугачева невеста» ассоциативно соотносится не только с новой обладательницей подарка, но и с изображенной на нем царицей, так как Пугачев, объявивший себя Петром III, тем самым оказывался законным супругом Екатерины Алексеевны<sup>2</sup>.

Следующий важный мотив, объединяющий всех главных героев рассказа, – мотив переодевания. Пугачев наряжается государем, претендуя на недоступный ему по рождению статус. Няня переодевает в крестьянский наряд барскую дочку, стремясь, напротив, замаскировать ее «барство» и тем самым спасти жизнь. Как отмечает Б. А. Успенский, самозванчество на Руси расценивается как переодевание, «игра в царя»: «Переодевание в царское платье предстает в этом контексте как типичный случай анти-поведения, которому в содержательном плане соответствует кощунственное стремление через внешнее подобие обрести сакральные свойства» [Успенский, 1996, с. 159].

Исследуемый мотив развивается от первой редакции рассказа к первопубликации. Сначала повествователь изображает героя нейтрально, как некоего человека в собольей шубе, т. е. потенциального царя. В опубликованной версии та же сцена показана уже глазами ребенка. Подобно персонажу известной сказки Г. Х. Андерсена «Новое платье короля», объявившему, что «король голый», девочка Катя видит вещи в присущей поэтике Толстого остраненной перспективе, т. е. такими, «какие они есть», и потому сразу понимает, что человек в горнице – не государь: «К утру я заснула, и когда проснулась, то увидала, что у нас в горнице *казак в зеленой бархатной шубе*, и Анна Трофимовна ему низко кланяется» (т. 21, с. 125).

Подготовка книг для чтения велась Толстым параллельно с работой над романом об эпохе Петра I, оставшимся неоконченным, и «Анной Карениной». В связи с последним автор изложил свои мысли о поэтике «лабиринта сцеплений» в знаменитом письме Н. Н. Страхову от 23 апреля 1876 г. В современной нарратологии описанный Толстым прием получил на-

<sup>2</sup> О серьезном отношении окружения Пугачева к его «семейному статусу» см.: [Панченко, 1996, с. 28].

именование эквивалентности [Шмид, 2008, с. 229]. Она подразумевает сложное соотношение элементов, связь которых обеспечена не причинностью, логикой и целенаправленностью сюжетного развития самого нарратива, а «основывается на совпадении этих элементов на более общем понятийном уровне, поскольку оппозиции... нейтрализуются относительно более абстрактного, более глубокого родового признака» [Там же, с. 230–231]. Эквивалентность является слагаемым общей тенденции – литературной циклизации, отмечавшейся исследователями творчества Толстого на материале его ранних произведений и романа «Анна Каренина» [Бочаров, 1978, с. 9; Одинокоев, 1978, с. 9–10; Лебедев, 1988, с. 130; Browning, 2010].

По наблюдению В. Г. Одинокоева, даже несобранные в циклы ранние произведения Толстого образуют «художественные ансамбли». Исследователь приводит важное замечание автора «Войны и мира» о повторяемости народного идеала в разных поэтических формах: «каждый народ употребляет различные приемы для выражения в искусстве общего идеала и... благодаря именно этому мы испытываем особое наслаждение, вновь находя наш идеал выраженным новым и неожиданным образом» [Одинокоев, 1978, с. 9]. В поэтике самого Толстого отражение народного идеала предполагает не только отмеченную писателем повторяемость, но и последовательное противопоставление различным примерам его нарушения. Так, в повести «Казачьи» отдаленность дворянина Оленина от гармоничного идеала естественного человека вскрыта «на тонких сопоставлениях... действий, мыслей, поступков» его и казака Лукашки [Там же, с. 30]. Эти приемы повторяемости и противопоставления были положены в основу поэтики рассматриваемых детских книг Толстого.

Система образов построена в каждой из частей по принципу эквивалентности: сюжетам об исторических событиях, социальных и семейных перипетиях соответствуют аналогичные сюжеты о животных, насекомых, растениях, водоемах и т. д. По Толстому, история, общество и природа развиваются по одним законам, и ассоциативные «сцепления» между рассказами закрепляют представление о мире как едином целом. Первыми в книгах, как правило, следуют связанные общими темами и мотивами рассказы о животных и природных явлениях, затем добавляются соответствующие им произведения о людях, их внутрисемейном и социальном взаимодействии, наконец, в заключительную часть сборника помещаются характерные исторические примеры и народный эпос. На уровне макроцикла из четырех книг исторические примеры образуют системные пары, включающие одновременно и общие основания, и принципиальные различия. Так, два казачьих атамана Пугачев и Ермак в ситуации противостояния с властью ведут себя по-разному: первый объявляет себя царем и поднимает бунт, второй – уходит и покоряет Сибирь.

В составе «Первой русской книги для чтения» рассказ о Пугачеве находится в центре небольшого микроцикла о героях-«бунтовщиках». История о Емельяне Ивановиче предваряется басней «Мужик и лошадь» о строптивом животном. Хозяин отправляется в город за овсом для своей лошади, которая, не понимая цели поездки, всю дорогу не слушается его. В финале она ест купленный в городе овес и размышляет следующим образом: «Лучше бы с самого начала оставаться нам с ним дома; он бы сидел на печи, а я бы ела овес» (т. 21, с. 124). Следующим после истории о Пугачеве Толстой поместил рассказ «Визирь Абдул». Сказка изначально имела другое заглавие – «Министр Моле» и, вероятно, представляла собой исторический анекдот об авантюристе, возвысившемся при Наполеоне I до министра юстиции. Однако в ходе работы над рассказом Толстой предпочел скрыть аллюзии на современный историко-политический контекст, ориентализировав сказку и заменив в тексте французского министра Моле на визиря Абдула при персидском царе (т. 21, с. 631). В произведении один из бунтовщиков дергает визиря за бороду, но когда обстоятельства меняются в пользу придворного, важный сановник неожиданно прощает своего обидчика.

Как можно видеть, в представленном микроцикле поэтика «сцеплений» сочетается у Толстого с приемом остранения [Шкловский, 1929, с. 13–14]. Выдающий себя за царя донской казак и дергающий за бороду визиря участник народного бунта подобны глупой и самонаде-

янной лошади, которая не понимает мотивов своего хозяина и потому нарушает естественный порядок вещей. Такой подход писатель использует и в других книгах для чтения, а также в более поздней повести «Холстомер» (1886), где рабочая лошадь олицетворяет собой простой народ. Например, в рассказе «Ермак» трудный выбор казачьей дружины перед решающей битвой иллюстрируется атаманом именно притчей о лошади, которой нужно везти в гору тяжелый груз. Но если Ермак «со товарищи» согласен нести свою нелегкую ношу, то самозванец отказывается это делать.

Поэтика эквивалентностей в «Первой русской книге для чтения» не ограничивается тематической группой произведений о народном бунте. Рассказ о Емельяне Пугачеве увязан с другими текстами сборника цепью постепенно развивающихся образов и мотивов. К числу ключевых мотивно-образных «сцеплений», значимых для исследуемого сюжета, отнесем, прежде всего, *самозванчество* и этически противоположное ему, но конструктивно сходное *самоотречение*, как правило, связанные с сюжетами переодевания, подмены, образами одежды / шитья / ниток и т. п. Самоотречение или, как говорит сам Толстой, «самоотвержение» – одно из ключевых понятий в поэтике предшествующих произведений писателя – «Казачков» и «Войны и мира». Именно этим качеством писатель характеризует Кутузова, противопоставляя его Наполеону: «Кутузов же тот человек, который от начала до конца своей деятельности в 1812 году... являет необычайный в истории пример *самоотвержения*» (т. 12, с. 183). В другом фрагменте романа-эпопеи, посвященном княжне Марье, Толстой демонстрирует разницу между гордыней и самоотвержением, указывая на глубоко христианскую природу последнего: «Княжна никогда не думала об этом *гордом* слове: “справедливость”. Все сложные законы человечества сосредоточивались для нее в одном простом и ясном законе – в законе любви и *самоотвержения*, преподанном нам Тем, Который с любовью страдал за человечество, когда сам Он – Бог» (т. 10, с. 231–232). В «Русских книгах для чтения» мысль Толстого развивается аналогичным образом – путем сложного комбинирования соответствий – сходств и противопоставлений.

Ключевой для истории о Пугачеве мотив самозванчества предваряется целой серией произведений о животных и людях, стремящихся занять не свое место. В басне «Черепаша и орел» героиня просит орла научить ее летать, не внимая его словам о том, что черепахе подниматься в небо не пристало. В итоге самонадеянная черепаха, стремящаяся, что показательно, вверх, падает и разбивается о камни. В другой басне «Голова и хвост змеи» хвост решает ходить впереди, несмотря на предупреждение головы о том, что для этого ему недостает глаз и ушей. В результате он передвигается вслепую и проваливается в трещину. В рассказе «Галка и голуби» черная от природы птица «выбелилась» (т. е., перенося ситуацию на мир людей, – *переделась*), чтобы питаться в голубятне, где «хорошо кормят». Забывшись, она закричала «по-галчьи» и была изгнана сначала голубями, а затем и не признавшими ее галками. Наконец, обезьяна из одноименного рассказа решила занять место человека и в его отсутствие села на распиленное им дерево. Не понимая технологии работы, она вытащила клин, прищемила себе хвост и была «прибита» вернувшимся работником.

Схожим образом в различных обстоятельствах ведут себя и люди. Персонажи «Первой русской книги для чтения» стремятся, не прилагая больших усилий, повысить свой социальный статус, разбогатеть, оказаться на несвойственном себе более привлекательном месте, однако, как Наполеон и Пугачев, всегда терпят поражение. Герой басни «Мужик и огурцы» хотел украсть огурцы, чтобы разбогатеть и самому нанять охрану, однако забывается и попадает караульщикам. В были «Как вор сам себя выдал» преступник, желающий завладеть имуществом купца, обнаруживает себя чиханием от табака, в котором прячется от хозяина и его работника. В рассказе «Два купца» один из персонажей позарился на чужое добро, обманув владельца железа и сказав, что металл съели мыши. В итоге ему пришлось вернуть товар и заплатить за него вдвое больше. Общая закономерность, демонстрируемая Толстым на разных примерах, наиболее четко иллюстрируется притчей «Ноша». Два человека несут свою ношу, но быстрее приходит тот, кто шел, не снимая тяжелого груза (ср. с притчей Ер-

мака о лошади и тяжелом возе). Социально-политический масштаб эта тема получает в рассказе «Как мальчик рассказывал о том, как он дедушке нашел пчелиных маток». В нем дедушка объясняет внуку природу государственного устройства на примере пчелиного улья: «Я спросил у дедушки, какие такие бывают матки? Он сказал:– “А *матка все равно, что царь в народе; без нее нельзя быть пчелам*”» (т. 21, с. 115).

Как было отмечено выше, наряду с установлением эквивалентности по принципу сходства в книге устанавливаются образно-мотивные и смысловые связи и по принципу противопоставления. Героям-самозванцам в структуре сборника противопоставляются персонажи, готовые к самоотречению. В «Пожарных собаках» и «Сан-готардской собаке» мысль Толстого раскрывается на примерах из мира зверей. Служебные собаки рискуют собственной жизнью, отправляясь в огонь и метель, т. е. тоже некоторым образом выходят за пределы своего исходного социального амплуа – но ради спасения оказавшихся в беде людей. Развитие сюжета самоотвержения происходит уже в рассказах, персонажами которых становятся дети. Так, в «Котенке» и «Пожаре» (в последнем случае характерна идентичность ситуаций, в которых приходится действовать животным и человеку) мальчики подвергаются смертельной опасности, спасая других – слабых и незащищенных. Маленький Вася закрывает собой котенка от своры несущихся к нему собак, восьмилетний Ваня – возвращается в горящий дом и спасает малолетних брата и сестру. Аналогично, как мы помним, поступает няня в рассказе о Пугачеве, с риском для жизни выдавая барских детей за своих внучек. Герои, защищающие терпящих бедствие, сами оказываются в добровольно избранном положении потенциальной жертвы, однако, в отличие от персонажей-самозванцев, которые также занимают чужое место, их поступки продиктованы любовью и готовностью к самоотречению. Те же мотивы движут и взрослыми героями, готовыми пожертвовать собой ради ближнего.

В «Рассказе мужика о том, за что он старшего брата любит» герой вызвался пойти в солдаты за младшего брата. Пугачев становится самозванцем ради обретения более высокого статуса, а занявший место брата мужик – «самозванцем наоборот», утрачивая имеющееся у него безопасное положение, а вместе с ним, по всей вероятности, и жизнь. Дальнейшее развитие этого сюжета можно увидеть в позднейшей повести Толстого «Хаджи-Мурат», где за старшего брата в солдаты пошел младший – Петр Авдеев, получивший затем смертельное ранение. Младший брат в рассказе для детей, от лица которого ведется повествование, тоже носит имя Петр. В первоначальной редакции произведения персонажи были названы именами действительных яснополянских крестьян – Василий и Игнат, однако затем Толстой дал героям другие имена – Николай и Петр (т. 21, с. 632), сделав их одновременно тезками двух русских императоров и главных героев «Войны и мира» – Николая Ростова и Пьера Безухова. Поступок старшего брата находит отклик в душе младшего и рождает в нем готовность к ответной жертве: «...как пораздумал, что за меня брат идет, стало мне тошно. Я и говорю: “Не ходи, Николай, мой черед, я и пойду”. <...> А теперь как вспомню про брата, кажется бы жизнь за него отдал» (т. 21, с. 632).

Наконец, завершается «Первая русская книга для чтения» адаптированной былинной «Святогор-богатырь», в которой представлены два типа героя – гордец Святогор и «мужик» Миккула Селянинович. Для первого характерны наполеоновские амбиции, для другого – знакомая по притче «Ноша» готовность, не сетуя, нести свое бремя. Таким образом, в финале цикла сложная система соответствий и противопоставлений обретает эпическое звучание.

Итак, смысло- и структурообразующей основой «Первой русской книги для чтения» становится сравнение двух жизненных позиций и соответствующих им фольклорных и литературных сюжетов и мотивов – *самозванчества* и *самоотречения*. Внутри сборника мысль писателя развивается с помощью повторов и со- / противопоставлений, демонстрирующих единство природных, социальных и исторических законов. В рамках всего макроцикла из четырех книг писатель формирует системную пару Ермак – Пугачев, которые представляют собой наиболее яркие примеры народного исторического идеала и его нарушения.

## Список литературы

- Бочаров С. Г.** «Война и мир» Л. Н. Толстого. М.: Худож. лит., 1978. 103 с.
- Гулин А. В.** Богучаровский «бунт» в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: источники, философия, поэтика // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 1. С. 162–177.
- Лебедев Ю. В.** В середине века. Историко-литературные очерки. М.: Современник, 1988. 384 с.
- Одинокое В. Г.** Поэтика романов Л. Н. Толстого. Новосибирск: Наука, 1978. 160 с.
- Панченко А. М.** Самозванство на Руси // Из истории русской культуры. М.: ЯРК, 1996. Т. 3 (XVII – начало XVIII века). С. 25–33.
- Пушкин А. С.** Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 6. 575 с.
- Толстой Л. Н.** Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.
- Успенский Б. А.** Избранные труды. М.: ЯРК, 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 605 с.
- Шкловский В.** О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 266 с.
- Шмид В.** Нарратология. М.: ЯСК, 2008. 304 с.
- Эйдельман Н. Я.** Пушкин: история и современность в художественном сознании поэта. М.: Сов. писатель, 1984. 368 с.
- Юхнова И. С.** Об одной пушкинской аллюзии в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: два тулупчика // Болдинские чтения – 2016. Большое Болдино, 2016. С. 150–158.
- Browning G. L.** A “Labyrinth of Linkages” in Tolstoy’s *Anna Karenina*. Brighton, Ma.: Academic Studies Press, 2010. 130 p.

## References

- Bocharov S. G.** “Voina i mir” L. N. Tolstogo [*War and Peace* by L. N. Tolstoy]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978, 103 p. (in Russ.)
- Browning G. L.** A “Labyrinth of Linkages” in Tolstoy’s *Anna Karenina*. Brighton, Ma.: Academic Studies Press, 2010, 130 p.
- Eidelman N. Ya.** Pushkin: istoriya i sovremennost’ v khudozhestvennom soznanii poeta [Pushkin: History and Modernity in the poet’s artistic consciousness]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1984, 368 p. (in Russ.)
- Gulin A. V.** Bogucharovskii “bunt” v “Voine i mire” L. N. Tolstogo: istochniki, filosofiya, poetika [Bogucharovsky’s “revolt” in L. N. Tolstoy’s *War and Peace*: sources, philosophy, poetics] *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 162–177. (in Russ.)
- Lebedev Yu. V.** V seredine veka. Istoriko-literaturnye ocherki [In the middle of the century. Historical and literary essays]. Moscow, Sovremennik, 1988, 384 p. (in Russ.)
- Odinokov V. G.** Poetika romanov L. N. Tolstogo [The poetics of L. N. Tolstoy’s novels]. Novosibirsk, Nauka, 1978, 160 p. (in Russ.)
- Panchenko A. M.** Samozvanstvo na Rusi [Imposture in Russia]. In: Iz istorii russkoi kul’tury [From the history of Russian culture]. Moscow, YaRK Publ., 1996, vol. 3 (XVII – nachalo XVIII veka) [17<sup>th</sup> – early 18<sup>th</sup> century], pp. 25–33. (in Russ.)
- Pushkin A. S.** Complete Works and Letters. In 10 vols. Leningrad, Nauka, 1978, vol. 6, 575 p. (in Russ.)
- Shklovsky V.** O teorii prozy [On the theory of prose]. Moscow, Federatsiya Publ., 1929, 266 p. (in Russ.)
- Shmid V.** Narratologiya [Narratology]. Moscow, YaSK Publ., 2008, 304 p. (in Russ.)
- Tolstoy L. N.** Complete Works and Letters. In 90 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1928–1958. (in Russ.)
- Uspensky B. A.** Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow, YaRK, 1996, vol. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul’tury [Semiotics of history. The semiotics of culture], 605 p. (in Russ.)

**Yukhnova I. S.** Ob odnoi pushkinskoi allyuzii v “Voine i mire” L. N. Tolstogo: dva tulupchika [About one Pushkin allusion in L. N. Tolstoy’s *War and Peace*: two sheepskin coats]. In: Boldinskie chteniya – 2016 [Boldino readings – 2016]. Bolshoe Boldino, 2016, pp. 150–158. (in Russ.)

### Информация об авторе

**Евгения Евгеньевна Анисимова**, доктор филологических наук, доцент  
Scopus Author ID 57196720845  
WoS Researcher ID O-2265-2017  
RSCI Author ID 533356  
SPIN 3894-5497

### Information about the Author

**Evgeniya E. Anisimova**, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor  
Scopus Author ID 57196720845  
WoS Researcher ID O-2265-2017  
RSCI Author ID 533356  
SPIN 3894-5497

*Статья поступила в редакцию 16.07.2024;  
одобрена после рецензирования 19.08.2024; принята к публикации 20.08.2024  
The article was submitted on 16.07.2024;  
approved after reviewing on 19.08.2024; accepted for publication on 20.08.2024*

Научная статья

УДК 82-94

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-123-133

## Системная перестройка поэтики И. А. Бунина в начале 1900-х годов. Трансформация идейного в философическое

Евгений Рудольфович Пономарев

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук  
Москва, Россия

Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского  
Санкт-Петербург, Россия

eponomarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

### Аннотация

Не исследовавшийся ранее механизм системной перестройки поэтики Бунина в начале XX в. изучается на разных уровнях: образном, сюжетном, тематическом. Последний представляется наиболее важным для понимания резкого перехода Бунина от народническо-толстовской «идейности» (преобладавшей в его творчестве 1890-х гг.) к философичности, близкой ранним символистам (определяющей поэтику рассказов 1900–1902 гг.). Редуцирование традиционных «идейных» мотивов, связанных с народническими и толстовскими идеологемами, привело к появлению пейзажных зарисовок, размышлений о красоте мира и непостижимости Божьего замысла. Показаны изменения поэтики: от персонажей к сюжетам, от сюжетов к новым способам оформления идей внутри нарратива. Наряду с демонстрацией динамики творчества писателя сделан ряд выводов, характеризующих бунинскую «модерность».

### Ключевые слова

И. А. Бунин, ранние рассказы, народничество, толстовство, переход к модернизму

### Благодарности

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00347 «Раннее творчество И. А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)»

### Для цитирования

Пономарев Е. Р. Системная перестройка поэтики И. А. Бунина в начале 1900-х годов. Трансформация идейного в философическое // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 123–133. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-123-133

## Systemic Restructuring of I. A. Bunin's Poetics in the Early 1900s. Transformation of the Ideological into the Philosophical

Evgeny R. Ponomarev

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences  
Moscow, Russian Federation

F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy  
St. Petersburg, Russian Federation

eponomarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

### Abstract

*Purpose.* The article examines the previously unexplored mechanism of the systemic restructuring of Ivan A. Bunin's poetics at the beginning of the 20<sup>th</sup> century. It is studied at different levels: images interaction, plots structure, subjects of narration. The last one seems to be the most important for understanding Bunin's quick transition from the *narodnichestvo* and Tolstoyism ideas (prevailing in his work of the 1890s) to the philosophy close to the early symbolists (determining the poetics of the stories of 1900–1902).

*Results.* The gradual reduction of traditional ideological motifs associated with *narodnichestvo* and Tolstoyism – while Tolstoy's ideologemes remained in the Bunin's stories longer than *narodnik* ones – made room for landscape sketches not tied to socially significant subjects, and the narrator's free reflections on beauty of the world and the in-

comprehensibility of God's plan. At the formal level, this manifests in unusual compositional solutions and a new understanding of characters structure. The mechanisms of general change in poetics are shown: from characters to plots, from plots to new ways of formatting ideas within the narrative.

*Conclusion.* Along with demonstrating the dynamics of Bunin's creativity and the gradual restructuring of poetics, a number of conclusions have been made that characterize the specifics of Bunin's "modernity" against the background of early symbolism.

*Keywords*

Ivan Bunin, early prose writing, *narodnichestvo*, Tolstoyism, transition to modernism

*Acknowledgements*

The reported study was supported by the grant of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00347 "Early work of I. A. Bunin: poetry, prose, criticism, journalism, translations (1883–1902)"

*For citation*

Ponomarev E. R. Systemic Restructuring of I. A. Bunin's Poetics in the Early 1900s. Transformation of the Ideological into the Philosophical. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 123–133. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-123-133

Основной проблемой ранней прозы И. А. Бунина справедливо считается резкий (занивший один-два года) переход от традиционной реалистической поэтики к поэтике «импрессионистической», близкой стихотворениям в прозе. Работы советского периода, описывающие этот переход, говорили о постепенном становлении художественного метода писателя [Крутикова, 1983, с. 640] и указывали на существенное влияние поэзии Бунина на его прозу: «От объективно-эпической манеры письма Бунин переходит в 1900-х гг. к лирическому самовыражению» [Там же, с. 640]. Ю. В. Мальцев в одной из первых постсоветских монографий о Бунине предложил термин «модерность» и одним из первых заговорил о многочисленных созвучиях творчества Бунина 1900-х гг. русскому модернизму [Мальцев, 1994]. В дальнейшем идея о близости прозы Бунина модернистской поэтике была значительно развита [Аверин, 2003; Пономарев, 2019а]. Отметим и более раннюю иностранную литературу, сопоставляющую Бунина и символистов [Woodward, 1980].

Однако сам механизм этого перехода, по сути, не был описан<sup>1</sup>. С формальной стороны он протекал в несколько этапов.

Во-первых, было создано несколько текстов, где – при сохранении прежнего строя – в центре повествования оказался не некий вымышленный герой, как было раньше, а лирическое «я» повествователя. В рассказах «Скит» (1900) и «Сосны» (1901) главные герои – не мужики Мелитон и соответственно Митрофан, которым на первый взгляд посвящены эти рассказы, а повествователь, лирически тонко воспринимающий бытовую святость первого и мудрую (в толстовском понимании) смерть второго. Мелитон и Митрофан очень напоминают некоторых героев из самого раннего творчества Бунина: Капитона Иваныча из рассказа «На хуторе» (1892) или Кастрюка из рассказа «Кастрюк» (1892)<sup>2</sup>. Но если в 1890-х гг. старики, умудренные самой жизнью, были, без сомнения, главными героями произведений (их мысли и слова определяли тематику рассказов), то теперь рядом с ними появляется живой голос повествователя, благодаря которому мужики-старики преобразуются в древних старцев. Герои, практически ничего не произносящие, кроме нескольких лаконичных фраз, становятся отчасти наперсниками повествователя, отчасти предметом его размышлений. Следующим шагом бунинский рассказ обретает чистого наперсника, функция которого – подавать реплики и служить лирическим «ты», к которому обращены излияния нарратора (см. рассказ «На Женевском озере», 1901; с 1902 г. печатался под заглавием «Тишина»<sup>3</sup>).

<sup>1</sup> Этот переход тем более интересен, что он был первым в череде резких перемен поэтики Бунина, которые случались практически раз в десятилетие [Пономарев, 2019б].

<sup>2</sup> Британский исследователь Джеймс Вудворд не видел между этими героями, которых разделяет почти десятилетие, вообще никакой разницы: «Кастрюк, Мелитон, Митрофан – почти агиографические портреты, живые воплощения концепции Бунина психологической гармонии человека и природы» (перевод наш. – Е. П.) [Woodward, 1980, p. 45].

<sup>3</sup> Лирическое «ты» этого рассказа имеет реального прототипа – одесского художника и музейного деятеля В. П. Куровского, в компании которого Бунин совершил свое первое европейское путешествие.

Третьим шагом бунинский рассказ освобождается от самого института героя, лирическое сознание повествователя становится самодостаточным.

Вместе с переменами в сфере персонажей менялось сюжетостроение бунинской прозы: рассказ становился все более и более лаконичным. От эпизодов, подводящих итог всей жизни героя («Скит», «Сосны»), бунинский сюжет перешел к нескольким случайным эпизодам из жизни повествователя («Над городом», 1900 «Тишина»), чтобы остановиться под конец на одном конкретном эпизоде, нередко имеющем («Туман», 1901), но иногда и не имеющем («Надежда», 1902) какое-то философское звучание. В целом можно говорить об ослаблении сюжетного повествования и формировании жанра лирических зарисовок, ограничивающихся одним ярким эпизодом: «Над городом» – рассказ о том, как здорово было в детстве взбежать на колокольню и насладиться громким колокольным звоном; «Надежда» – рассказ о впечатлении от вида большого парусного корабля в море; рассказы «Поздней ночью» или «Новый год» (1901) – о счастливой ночи, проведенной обычно ссорящимися супругами (любовниками) в необычном месте. Значительно сложнее, но похожим образом (чередование картин за окном железнодорожного вагона или чередование разных воспоминаний-впечатлений в сознании повествователя) построены «Новая дорога» и «Антоновские яблоки».

Мы хотели бы подробно остановиться на наиболее интересной, с нашей точки зрения, составляющей этого процесса – тематической. К началу 1900-х гг. Бунин был уже известным писателем, специализирующимся на проблематике, близкой к народнической. Наверное, самый известный на тот момент его рассказ «На край света» (1894) был посвящен проблеме переселенчества; другие рассказы освещали проблемы голода в деревне, разорения помещиков и крестьян, неустройства сельских школ и сельских учителей. Во многих рассказах 1890-х гг. с народнической проблематикой соседствует толстовская, а рассказ «На даче» (1895) специально посвящен обсуждению идей Л. Н. Толстого и преимуществ толстовского учения. Системная перестройка поэтики Бунина в начале 1900-х гг. привела к резким тематическим изменениям. Ключевым моментом перемен, на наш взгляд, стало постепенное растворение прежней «идейности» (обязательной основы народнической литературы) в чистой «художественности» (возможно, сказался интерес Бунина к поэтам «чистого искусства»; В. Я. Лакшин полагал, что это связано с влиянием Чехова [Лакшин, 1988, с. 427]). Процесс этот тоже проходил поэтапно.

Новизна тематико-композиционных решений определяет постепенное освобождение текстов от общественно значимых сентенций. Поначалу морально-общественные оценки сохранялись дозированно и фрагментарно – как одно из возможных символических обобщений рассказанного жизненного эпизода. Затем они остались потенциальными намеками внутри отдельных мотивов. И после этого пропали совсем. Следует отметить, что от народнических сентенций Бунин отказался значительно быстрее, чем от толстовских.

На первом этапе системной перестройки бунинской поэтики сентенции еще сохраняются в тексте, но уходят в концовку рассказа – в качестве некоего структурно-обобщающего элемента (наподобие морали в басне). Этот процесс ярко виден в рассказе «Над городом» (1900). Рассказ-зарисовка завершается прямой речью повествователя, жалеющего (в духе народнических мыслей дворянина Волкова из рассказа «Неожиданность / Вести с родины»; 1893) друзей своего детства, не имевших возможности саморазвития и не принеших по этой причине пользы обществу: «Товарищи моих детских дней – где они? Видели ли хоть что-нибудь, кроме Епифани и Задонска? Принесли ли они людям хоть крупицу счастья? Пережили ли хоть несколько мгновений сильных и высоких дум и чувств?» (Бунин, 1902а, стб. 1287)<sup>4</sup>. Этот пассаж придавал пейзажному рассказу социальный оттенок, кажущийся инородным по отношению к остальному тексту, но сообщающий финалу некое «положительное значение». Не случайно в 1915 г., готовя рассказ для Полного собрания сочинений,

<sup>4</sup> Рассказы И. А. Бунина цитируются по первым публикациям – что принципиально важно для изучения поэтики Бунина описываемой эпохи. Многие из рассказов в дальнейшем были переработаны автором, некоторые – весьма существенно.

Бунин снял этот пассаж почти полностью, сохранив лишь риторический вопрос: «Товарищи моих детских дней, те, которым детство сулило так много, – где они?» (Бунин, 1915, т. 2, с. 186). Рассказ приобрел тематическую однородность.

Вероятно, ощущая учительную интонацию финала, Бунин уже в первом варианте текста использовал специальный прием, как бы сглаживающий ее. Проповедническая интенция впервые появляется еще в середине повествования, но там она скрыта метонимией (настолько ли явной?), игрой словесных значений – и от этого становится невамделишной, несерьезной: «Теперь детство кажется мне далеким сном, но до сих пор мне приятно думать, что хоть иногда поднимались мы над мещанским захолустьем <...>» (Бунин, 1902а, стб. 1285). С одной стороны, избегая на колокольню, дети поднимаются над мещанским захолустьем в прямом смысле слова; с другой – действует и переносный смысл: они хоть на мгновение становятся выше обычных мещанских интересов. Эту сентенцию о мещанском захолустье (после вычеркивания финального пассажа изменившую функцию на создание объемности, многозначности) Бунин сохранил во всех вариантах рассказа.

Помимо социального финал рассказа «Над городом» использует и религиозный подтекст. Рассказ завершается евангельской цитатой (Мф. 22:32; Мк. 12:27; Лк. 20:37–38), придающей всему рассказанному загадочную многозначность: «<...> и хоть на мгновение поверить и напомнить людям, что “Бог не есть Бог мертвых, но живых”!» (Бунин, 1902а, стб. 1288). Оказывается, колокольный звон, вызывавший восхищение мальчишек, благовествует о живой душе, которая есть у каждого, даже если он в жизни своей не видел ничего, «кроме Епифани и Задонска». Если же вспомнить о евангельском контексте этой фразы, который был определенно известен большинству бунинских современников, то речь идет о воскресении мертвых и жизни вечной.

Евангельские цитаты нечасто обнаруживаются в ранней прозе Бунина. Как правило, их появление связано со смыслами, близкими толстовству. В Евангелии фразе Иисуса о Боге живых предшествует вопрос, заданный саддукеями: чьей женой будет в вечной жизни женщина, побывавшая в земной жизни женой нескольких мужчин? Интересно, что эти вопрос и ответ особо выделены Толстым в трактате «В чем моя вера?»:

«Что же касается того, что есть восстановление мертвых», говорит Он, возражая саддукеям, признающим одну земную жизнь и ничего, кроме плотской земной жизни, «то разве вы не читали того, что сказано вам Богом? В писании сказано, что Бог при купине сказал Моисею: «Я – Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова». Если Бог сказал Моисею, что он Бог Иакова, то Иаков не умер для Бога, потому что Бог есть Бог только живых, а не мертвых. *Для Бога все живы*. И потому если есть живой Бог, то и жив тот человек, который стал в общение с вечно живым Богом (Толстой, 1957, с. 392; выделено автором).

Толстовское толкование этого евангельского эпизода было, вероятнее всего, хорошо известно Бунину. Можно предположить, что эту цитату он воспринял именно через толстовское понимание Бога. Ведь беседы в кругу толстовцев (в 1893 и 1894 гг.) были единственным религиозно-философским опытом в жизни молодого писателя.

Благодаря всем перечисленным ассоциациям финал рассказа звучит мощным аккордом, в котором соединяются, во-первых, тема долга интеллигенции перед народом и надежда на улучшение народной жизни; во-вторых, по-толстовски окрашенная идея «для Бога все живы»; в-третьих, общехристианское чувство «Бога живаго»; наконец, общелитературная метафора духовной жизни. В данном случае Бунин пытается полисемантическим пуантом искупить непривычную бессюжетность основного текста.

Но пуанты-сентенции быстро редуцируются в новой «импрессионистической» поэтике писателя. При этом первым делом из текстов уходят мотивы народнического происхождения и социальные смыслы, а смыслы обобщенно-религиозные, имеющие толстовское звучание, временно остаются.

Например, финал чуть более раннего рассказа «Поздней ночью» (авторская дата: 1899; первая публикация: 1901), проблематика которого весьма далека от общественной:

Она хотела взять всю вину на себя одну, старалась во всем оправдать меня, а я говорил ей, что мы оба виноваты, потому что оба нарушали заповедь радости, для которой мы должны жить на земле. Я говорил ей, что мы оба должны прощать друг друга, потому что злоба никогда не приносила радости. И, на мгновение возвратившись к искренности и нежности детства, мы вместе провели остаток этой ночи. Мы опять любили друг друга, как могут любить только те, которые вместе страдали, которые вместе заблуждались, но зато вместе встречали и редкие мгновения правды. И только бледный, грустный месяц видел наше счастье и радость и говорил нам о правде Вечной Тишины и Вечной Ночи, перед лицом которой, может быть, простятся все наши прегрешения: вольные и невольные (Бунин, 1901в, с. 45).

Возвращение первоначальной силы любви после покаяния мужа и жены<sup>5</sup> друг перед другом – очень толстовский сюжет, нередко встречающийся как в творчестве (прежде всего Левина и Кити), так и в жизни (отношения с женой) Л. Н. Толстого. Собственно, сам сюжет бунинского рассказа может восприниматься как иллюстрация заповеди о недопустимости разводов, которая казалась Толстому одной из важнейших (соблюдение душевного целомудрия). Выражение «заповедь радости»<sup>6</sup> (сохраняющееся во всех вариантах текста, хотя финал будет в дальнейшем существенно переработан) можно считать близким Толстому, хотя сам Толстой (см., например, трактат «Царство Божие внутри вас», 1890–1893) обычно использует эти лексемы в ином порядке и говорит о радости, которая приходит с исполнением заповедей Христа. Впрочем, мотивы, близкие к бунинской трактовке «радости», легко обнаруживаются у раннего Толстого – см., например, слова дяди Ерошки из «Казачков»: «Все Бог сделал на радость человеку» (Толстой, 1936, с. 56).

«Правда Вечной Тишины и Вечной Ночи» звучит совсем не народнической «правдой-справедливостью» (народнические значения слова «правда» уже забыты), а характерной для раннего символизма и всего Серебряного века семантикой «правды-красоты» (и кажется синонимом «тайны ненужности и в то же время значительности всего земного» из рассказа «Сосны»). Наконец, последнее предложение цитирует православную молитву, объединяя все предшествующие мотивы в религиозном дискурсе, в котором вновь слышны отдельные нотки толстовского понимания христианства.

Похожую (но значительно менее концентрированную) сентенцию находим в финале рассказа «Новый год» (1901), который общим абрисом сюжета повторяет рассказ «Поздней ночью». В нем тоже можно увидеть иллюстрацию к толстовской заповеди о ненужности развода, ибо семейная гармония представляет собой одну из жизненных тайн:

– Да, все-таки ты единственный близкий мне человек!.. Ты чувствуешь, что я люблю тебя?

Я пожал ее руку.

– Как это случилось? – спросила она, открывая глаза. – Выходила я не любя, живем мы с тобой дурно, ты сам говоришь, что из-за меня ты ведешь пошлое и тяжелое существование... И однако все чаще мы чувствуем, что мы нужны друг другу. Откуда это приходит и почему только в некоторые минуты?.. (Бунин, 1902в, с. 100).

«Пошлое и тяжелое существование» звучит узнаваемым перифразом из Толстого, напоминающая о проблематике «Крейцеровой сонаты» или еще не прочитанного в эти годы Буниным «Живого трупа» (пьеса будет опубликована только после смерти Толстого). Это же высказывание в иной лексической парадигме, более близкой публицистическим работам Толстого, повторяется и в финале:

А далеко впереди уже бежали туманные силуэты телеграфных столбов вдоль железной дороги, и мелкий лепет бубенчиков так шел к моим думам о бессвязной и бессмысленной жизни, которая ждала меня впереди... (Бунин, 1902в, с. 105).

<sup>5</sup> Начиная со второго издания рассказа Бунин снял все указания на то, что героиня – жена героя (возможно, под влиянием письма к нему издателя «Журнала для всех» В. С. Миролубова, увидевшего в рассказе эпизод семейной жизни Бунина; подробнее см.: [Щавлинский, 2024]).

<sup>6</sup> Отметим, что и в рассказе «Над городом» (с опорой на текст церковной службы в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы: «Благовестуй, земле, радость велию!») в рассуждении о назначении колокола появляется синонимичное выражение (интересно, что Бунин прочитывает обращение как форму косвенного падежа): «<...> благовествовать земле радость» (Бунин, 1902а, стб. 1286).

Отметим тот же прием, что и в рассказе «Над городом»: дважды повторенное в последнем предложении «впереди» (в начале и конце пассажа) соединяет прямой план с метонимическим. Бессмысленность жизни здесь решена уже не по-толстовски, а скорее по-чеховски: жизнь бессмысленна не тогда, когда живешь неправильно, она бессмысленна сама по себе.

В конечном счете метафоры или метонимии общего плана («Перевал», «Надежда», «Тишина», «Антоновские яблоки»), поставленные в центр повествования, окончательно вытеснят из бунинских текстов общественно-идеологические коннотации, морализм и «идейность».

Так, в рассказе «Надежда» финальная сентенция строится таким же способом, как и в разобранных выше концовках, – на метонимической игре между двумя значениями слова: надеждой как таковой и названием корабля (что ярко проявляется при чтении, когда кавычки не передаются голосом):

Поздно ночью, когда набегающий ветер беспокойно и осторожно, точно ища чего-то, шелестел сухими ветвями плюща на нашем балконе и доносил полусонный шум волн, я все еще провожал «Надежду» на ее пути в земном море. Утром мы снова возвратились в город, и весь день прошел среди будничных забот и дел, но весь день казалось, что я видел ночью какой-то печальный, поэтический сон. «Надежда» была теперь уже далеко... Но как отрадно было хотя мысленно следить за нею в этой таинственной морской дали! (Бунин, 1902б).

«Будничные заботы и дела» сродни «бессвязной и бессмысленной жизни», но, в отличие от них, не несут никаких морализаторских коннотаций. Остается характерное для раннего символизма противопоставление мечты и реальности; прочие смыслы более не актуальны. В этой концовке – показательно освобожденной от каких бы то ни было общественных и моральных смыслов – совершенно пропадает и толстовская семантика. Она – плоть от плоти интеллигентского мудрствования, от которого Бунин стремительно уходит.

Процесс освобождения нарратива от общественных или моральных интенций протекает и на сюжетном уровне. Проследим его на примере рассказа «В августе». Реалии рассказа автобиографичны: они взяты из полтавских впечатлений Бунина 1894 года – года толстовского «послушания». В ряде деталей (возраст и портрет героини, время действия и т. д.) сознательно допущены неточности по отношению к собственной биографии: автор не хочет, чтобы рассказ воспринимался слепком с натуры. Сюжетостроение, по сравнению с рассказами 1890-х гг. (будем сравнивать этот текст прежде всего с «толстовским» рассказом «На даче»), радикально меняется: сюжет основательно размыт, дан самыми общими штрихами («Уехала девушка, которую я любил <...>» (Бунин, 1901а, с. 146) – герой идет по городу – выходит за город – приходит на хутор братьев-толстовцев – встречает жену старшего брата – садится рядом с ней и ведет разговор, незначительность которого лишь на один момент нарушает вопрос героя: «Зачем вы насилуете себя?» (Бунин, 1901а, с. 149)<sup>7</sup> – герой остается один в степи на закате). Если «На даче» был написан для того, чтобы разобраться в правоте толстовских идей, то «В августе» – это не рассказ идей, это рассказ настроения. Все мотивы этого небольшого текста либо передают меланхолическое состояние героя (меланхолическое же сочувствие он находит в душе героини), либо создают противоположное настроение – счастья и радости бытия: «заповедь радости» разлита в окружающем мире. Собственно, в ней самой и заключена основная идея рассказа.

При этом основная антитеза, выраженная в начале рассказа вербально, кажется излишней и совсем не приковывает читательского внимания. На ней останавливаешься только в случае медленного внимательного чтения: «Кажется, никогда не любил я так Малороссию, как в ту пору, никогда не хотел так жить, как в ту осень, а между тем я толковал тогда именно о воздержании в жизни, бывал у молокан и духоборов, и даже подумывал навсегда уйти в деревню, – пахать, – а пока что – учился бондарному ремеслу» (Бунин, 1901а, с. 147). Важнее

<sup>7</sup> Начиная с издания 1912 г. к этой реплике добавится еще более провокационное утверждение: «Вы любите меня» (Бунин, 1915, т. 2, с. 224).

и интереснее красочные эпизоды из быта малороссийского города, которые эту фразу окружают.

Толстовский хутор тоже показан исключительно с точки зрения сельскохозяйственного быта. Центральная деталь описания, возвращающая к основной антитезе рассказа, тоже бытовая – это босые ноги героини:

Однако я никак не мог привыкнуть к ее одежде, к тому, что она босыми ногами ходит по навозу и колкому жнивью, и даже стыдился смотреть на эти ноги. Можно смело глядеть на ноги бабы, но когда я вспоминал, что она жена бывшего чиновника, мне делалось неловко. Да она и сама все поджимала их и часто искося поглядывала на свои испорченные ногти. А ноги были маленькие и красивые (Бунин, 1901а, с. 149).

Босые ноги как знак толстовской естественности вдруг превращаются в собственную противоположность: герой воспринимает их как нечто крайне неестественное. Красивые, холеные, некрестьянские ноги не приспособлены к хождению по навозу и жнивью, ногти у молодой женщины сбиты. Эта деталь обретает элементы символической, воплощающей глубокие внутренние смыслы.

Не ответив прямо на вопрос героя «Зачем вы насилуете себя?», молодая женщина рассказывает, что ей нравится жить на хуторе и что мужа она все-таки любит, но как брата. Эта длинная реплика кажется попыткой убедить не столько собеседника, сколько саму себя. Однако центральным моментом в создании образа героини остаются босые сбитые ноги.

Концовка рассказа совершенно свободна от сентенций: она лишь усиливает меланхолические переживания героя. Возвращение к толстовской теме спустя семь лет после окончания «толстовского послушания» полностью освобождено от толстовской идейности. Пересказан случайный эпизод, центром которого становится необычная деталь. Отметим, что героиня – такая же штаффажная фигура, что и Митрофан с Мелитоном. Ее основная функция – функция наперсницы, оттеняющей и усиливающей меланхолию повествователя.

Второй этап системной перестройки бунинской поэтики можно характеризовать появлением новой философической манеры, заместившей прежнюю идейность. Лирические зарисовки начинают наполняться лирическими раздумьями, как правило, приводящими повествователя к изумлению пред тайнами бытия. Эта тенденция сближает Бунина с философскими поисками символизма (конкретный жизненный эпизод, неслучайно ставший сюжетом краткого рассказа, влечет за собой некое прозрение повествователя – возможный выход в ноуменальное), но вместе с тем, в отличие от символистской практики, никогда не прерывает связь образной системы с миром феноменальным. Настойчивое предпочтение «внешней изобразительности» (см.: [Сливицкая, 1994]) разным способам ассоциативного письма, все более захватывавшим символистов в этот период, можно предполагать, во многом поддерживалось авторитетом Толстого и Чехова. Кроме того, следует заметить, что появившаяся в этот период творчества Бунина манера философствовать во многом близка произведениям Толстого, в которых как герои, так и повествователь движутся к обобщающим мыслям от «земли» и быта, от очевидного, и рассуждают принципиально просто, безыскусно.

Рассмотрим с этой точки зрения рассказ «Туман» – лирическое раздумье во время морского путешествия о тайнах жизни и смерти.

Лексема «туман» первоначально используется для введения морского пейзажа. С первого абзаца туман сопровождают глаголы-«одушевления», формирующие развернутое олицетворение: «мы встретили то, что можно было предвидеть: <...> туман, который закрыл горизонты, задымил мачты и медленно возрастал вокруг нас <...>» (Бунин, 1901г, с. 1). Последовательность олицетворений подводит к первому переносному значению: туман уподобляется морскому чудовищу, поглощающему пароход (который, в свою очередь, метафорически превращается в воздушный корабль и корабль-призрак). Переносные значения тумана множатся: это пространство, выпавшее из мира; это пустое сознание веселящихся пассажиров; это неясные размышления повествователя. Другая сторона прямого значения тумана влечет иной шлейф ассоциаций. Густой туман в море – это потенциальная опасность; следовательно, ту-

ман – неизвестность, одиночество, смерть. Звон колокола, который (во избежание возможного столкновения с другим судном) постоянно раздается на баке, тоже работает на эти смыслы.

Отметим, что в этот период своего сближения с символистами Бунин пользуется похожей, но все-таки иной литературной техникой. Заглавия этого периода нередко обретают символическое значение<sup>8</sup>, но, в отличие от обычной практики писателей-символистов, Бунин не отпускает изначальных прямых значений, на основе которых сформировался символ. Образный строй текста балансирует на грани прямых и переносных значений, не отрываясь при этом от материального мира, сохраняя его актуальность.

Это специфически бунинское символистское мировидение, в котором постижение ноуменального мира не отменяет ни одного из проявлений феноменального, ярко ощущается во время видений в предрассветный час лунной ночи. Во-первых, эта ночь как бы выпала из времени: «воцарилась глубокая полночь... совершенно такая же, как, вероятно, пять, десять тысяч лет тому назад...» (Бунин, 1901г, с. 3) – как пароход, войдя в туман, выпал из пространства. Во-вторых, месяц, который «замер на бледной и прозрачной завесе тумана и, как живой, глядел из огромного, широко раскинутого кольца», обретает «что-то апокалиптическое» и «что-то неземное» (Бунин, 1901г, с. 3). Месяц «прямо смотрел мне в лицо с грустным и бесстрастным выражением...» (Бунин, 1901г, с. 3) – оживая, как и туман. Отметим, что у месяца тоже есть выражение лица, то ли совпадающее, то ли не совпадающее с выражением лица повествователя.

Собственно, замена стаффажного наперсника молчаливым природным объектом не изменила функцию приема: месяц – адресат реплик повествователя и как бы участник диалога. Отсюда его антропоморфность. Но при этом замена (почти молчащего) человека природным объектом (априори безмолвным) приносит значительные результаты: месяцу не только поверяются мысли – его молчание символизирует непостижимость вечных тайн природы и Божьего мира. Так формируется характерная для Бунина (не только для этого, но и последующих этапов творчества) философическая манера – вопрошание о тайнах бытия всегда остается без ответа: «<...> эта тишина – тайна, часть того, что за пределами познаваемого...» (Бунин, 1901г, с. 4). Следует привычный вопрос «Где мы?», соединяющий феноменальное значение (местоположение парохода; «в этих местах на Черном море я никогда не бывал») с ноуменальным «Где буду я?», которое уже искал, задаваясь вопросом о смерти, Капитон Иваныч в рассказе «На хуторе» и будут искать многие герои Бунина. Изумленное непонимание ноуменального, которое скрывается за феноменальным, выступает в функции ответа:

Я не понимаю молчаливых тайн этой ночи, но ведь я и вообще ничего не понимаю. Я оглядывался кругом, чего-то ждал и во что-то хотел вдуматься, но чувствовал только одно – что я совершенно одинок и что я не знаю, где я и зачем существую. И зачем эта странная ночь, и зачем стоит этот сонный корабль в сонном море? А главное – зачем все это не просто, а полно какого-то глубокого и таинственного значения? (Бунин, 1901г, с. 4–5).

«Я не знаю, где я и зачем существую» звучит очень по-толстовски. Сам стиль философствования Бунина ближе всего именно к Толстому. Дополнительные вопросы усиливают толстовское вопрошание и доводят интенсивность философского подтекста до уровня ранне-символистской прозы. Ответом становится само присутствие месяца: он связывает ныне живущего нарратора со всеми когда-либо жившими на земле (он видел их всех – в прямом смысле: у него есть лицо). Но теперь прошлое кажется рассуждающему нарратору – выпавшему из времени – столь же незначительным, как и настоящее. Апокалиптическая тайна, которую познал герой в сиянии месяца, выше древних тайн:

И впервые мне пришло в голову, что, может быть, именно то великое, что обыкновенно называют *смертью*, заглянуло мне в эту ночь в лицо, и что я впервые встретил ее спокойно и понял так, как должно человеку (Бунин, 1901г, с. 5–6; выделено автором).

<sup>8</sup> Дж. Вудворд, например, полагал, что заглавия рассказов «Туман» и «Перевал» – «вне всякого сомнения, символические» (перевод наш. – *Е. И.*) [Woodward, 1980, p. 71].

Смерть заглядывает в лицо повествователю вместе с месяцем, видевшим всех умерших ранее. Это бунинский вариант «Записок сумасшедшего». Но, в отличие от произведения Толстого, смерть оказывается не страшной, а таинственной и гармоничной.

Тишина как символ вечности и ее тайны (символический ряд, сопоставимый с системой младшего символизма, складывающейся в те же годы<sup>9</sup>) переходит и в рассказ «На Женевском озере».

Начало этого рассказа наполнено мотивами Божьего благоволения: «Славное утро послал нам Бог!»; «<...> первый день нашего приезда куда-нибудь – непременно погожий?» (Бунин, 1901б, с. 34). Далее следует вполне толстовский пассаж о здоровой жизни, будто бы взятый непосредственно из «В чем моя вера?». Он соединяет «здоровый» быт (воздержание от курения, диета, режим дня) с уже знакомой нам заповедью радости: «А главное – как весело!» (Бунин, 1901б, с. 34). «Радость» становится лейтмотивом рассказа. Одновременно грамматические объекты – озеро и утро – получают субъектное значение, оживают и как бы растворяют в себе повествователя и его товарища: «утро <...> приняло нас так приветливо и радостно» (Бунин, 1901б, с. 35); «озеро все шире обнимало нас» (Бунин, 1901б, с. 37). Товарищ на этом фоне кажется рудиментом наперсника – основную функцию наперсника выполняют утро, озеро и (чуть позднее) горы.

«Давно уже не испытанная нами тишина» наступает посреди озера, вдалеке от берега – почти так же, как в рассказе «Туман» тишина нисходила на героя посреди Черного моря. Далекий звук церковного колокола, долетающий до путешественников, рифмуется с корабельным колоколом в «Тумане». По-символистски оксюморонно (но не отрываясь от своего предметного значения) звон не мешает полной тишине: «Где-то в горах, – думал я, – приютилась маленькая кирка и одна славит своим звонким голосом мир и тишину воскресного утра <...>» (Бунин, 1901б, с. 37).

Горы, возвышающиеся над Женевским озером, становятся воротами в царство тишины – и одновременно стеной, отделяющей суетный мир от мира предвечного. Тишина, как и у символистов, получает возможность звучать (ее можно слушать) и олицетворяет предвечный мир. В души героев входит нечто бесконечно большее, чем людская жизнь. И концепт «радость / веселье», оркестровавший весь рассказ, перетекает в точку кульминации в более значительный концепт «счастье». Для обретения счастья нужно войти в тишину и остаться в ней навсегда. Смерть, как и в «Тумане», перестает вызывать страх, оказывается желанной и приносит исключительное блаженство: «<...> мне кажется, что когда-нибудь я сольюсь с этой предвечной тишиной, у преддверия которой мы стоим, и что счастье в ней» (Бунин, 1901б, с. 38).

Найденная в эти годы философическая манера сохранится в творчестве Бунина до самого конца. Поэтика прозы Бунина будет радикально меняться каждое десятилетие – манера философствовать останется неизменной. Философские пассажи рассказа «Цикады», романа «Жизнь Арсеньева», книги «Освобождение Толстого» построены практически так же, как и пассажи «Тумана» и «Тишины».

Прямолинейная «идейность» XIX в. трансформировалась в литературе Серебряного века в символическую философичность. Этим путем шли старшие символисты, вышедшие из народнической литературы. Однако Бунин, также оттолкнувшись от народничества, прошел этот путь самостоятельно. Поэтому после кратковременного сближения с символистами он разошелся с ними, а спустя десятилетие последовательно критиковал их эстетическую позицию.

<sup>9</sup> Ср. с символизацией тишины в цикле стихотворений А. А. Блока «Стихи о Прекрасной даме». Ср. также оксюморонные контексты употребления символа «тишина» у Блока с характерно оксюморонной первой строчкой стихотворения Бунина «Таинственно шумит ночная тишина...» (авторская дата: 1898; первая публикация: 1900 под заглавием «Осень»).

## Список литературы

- Аверин Б. В.** Дар Мнемозины: романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. 398, [1] с.
- Крутикова Л. В.** Иван Бунин // История русской литературы: В 6 т. Л.: Наука, 1983. Т. 4. С. 635–666.
- Лакшин В. Я.** Пять великих имен. М.: Современник, 1988. 458, [2] с.
- Мальцев Ю. В.** Иван Бунин, 1870–1953. Франкфурт-на-Майне; Москва: Посев, 1994. 432 с.
- Пономарев Е. Р.** Преодолевший модернизм. Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019а. 340 с.
- Пономарев Е. Р.** Путь Бунина. Динамизм и эксперимент как основа бунинской поэтики // Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте. М.: Литфакт, 2019б. С. 91–100. (Серия «Академический Бунин». Вып. 1)
- Сливицкая О. В.** О природе бунинской «внешней изобразительности» // Русская литература. 1994. № 1. С. 72–80.
- Щавлинский М. С.** Рассказ И. А. Бунина «Поздней ночью»: поэтика памяти сквозь призму текстологии // Раннее творчество И. А. Бунина (1883–1902 гг.): поэтика, текстология, комментарий / Отв. ред. С. Н. Морозов; ред. А. В. Бакунцев, Т. М. Двинятина, Е. Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 124–135. (Серия «Академический Бунин». Вып. 4). DOI 10.22455/978-5-9208-0761-8-124-135
- Woodward J.** Ivan Bunin: A Study of His Fiction. Chapel Hill: Uni. of North Carolina Press, 1980. XII, 275 p.

## Список источников

- Бунин И. А.** Полн. собр. соч.: В 6 т. Пг.: Изд-во Т-ва А. Ф. Маркс, 1915.
- Бунин Ив.** В августе // Русская мысль. 1901а. № 8. С. 146–150.
- Бунин Ив.** На Женевском озере // Мир Божий. 1901б. № 7. С. 34–38. (b)
- Бунин Ив.** Поздней ночью // Северные цветы. М.: Скорпион, 1901в. С. 42–45.
- Бунин Ив.** Туман // Жизнь. 1901г. № 4. С. 1–6.
- Бунин Ив.** Над городом // Журнал для всех. 1902а. № 11. Стб. 1283–1288.
- Бунин Ив.** «Надежда» // Одесские новости. 1902б. 7 марта. № 5571. С. 1.
- Бунин Ив.** Новый год // Русская мысль. 1902в. № 1. С. 99–105.
- Толстой Л. Н.** В чем моя вера? // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 23. С. 304–468.
- Толстой Л. Н.** Казаки // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1936. Т. 6. С. 3–152.

## References

- Averin B. V.** Dar Mnemosiny: romany Nabokova v kontekste russkoi avtobiograficheskoi traditsii [The Gift of Mnemosina. Nabokov's Novels in the Context of Russian Autobiographic Tradition]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2003, 398, [1] p. (in Russ.)
- Krutikova L. V.** Ivan Bunin. In: Istoriya russkoi literatury [History of Russian Literature]. In 6 vols. Leningrad, Nauka, 1983, vol. 4, pp. 635–666. (in Russ.)
- Lakshin V. Ya.** Pyat' velikikh imen [The Five Great Names]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988, 458, [2] p. (in Russ.)
- Maltsev Yu. V.** Ivan Bunin, 1870–1953. Frankfurt a/M, Moscow, Posev Publ., 1994, 432 p. (in Russ.)
- Ponomarev E. R.** Preodolevshii modernizm. Tvorchestvo I. A. Bunina emigrantskogo perioda [Overcoming Modernism. Ivan Bunin's Works of the Émigré Period]. Moscow, Litfakt Publ., 2019, 340 p. (in Russ.)
- Ponomarev E. R.** Put' Bunina. Dinamizm i eksperiment kak osnova buninskoï poetiki [Ivan Bunin's Way. Dynamics and Experiment as a Base for Bunin's Poetics]. In: Tvorchestvo I. A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste [I. A. Bunin Activity in the Literary-historical

Context]. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 91–100. (in Russ.) (Akademicheskii Bunin [Academic Bunin] series, iss. 1)

**Slivitskaya O. V.** O prirode buninskoi “vnesheinei izobrazitel’nosti” [On the nature of Bunin’s external imagery]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1994, no. 1, pp. 72–80. (in Russ.)

**Shchavilinsky M. S.** Rasskaz I. A. Bunina “Posdnei noch’yu”: poetika pamyati skvoz’ prizmu tekstologii [Ivan Bunin’s Short Story Late at Night: Poetics of Memory Through the Prism of Textual Criticism]. In: *Ranee tvorchestvo I. A. Bunina (1883–1902 gg.): poetika, tekstologiya, kommentarii* [Ivan Bunin’s Early Works (1883–1902): Poetics, Textual Criticism, Commentary]. Ex. ed. S. N. Morozov; eds. A. V. Bakuntsev, T. M. Dvinyatina, E. R. Ponomarev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 124–135. (Academic Bunin; 4). (in Russ.) DOI 10.22455/978-5-9208-0761-8-124-135

**Woodward J.** Ivan Bunin: A Study of His Fiction. Chapel Hill, Uni. of North Carolina Press, 1980, XII, 275 p.

### List of Sources

**Bunin I. A.** V avguste [In August]. *Russkaya mysl’* [The Russian thought], 1901, no. 8, pp. 146–150. (in Russ.)

**Bunin I. A.** Nad gorodom [Above the City]. *Zhurnal dlya vsekh* [The Magazine for All], 1902, no. 11, column 1283–1288. (in Russ.)

**Bunin I. A.** “Nadezhda” [“The Hope”]. *Odesskie Novosti* [Odessa News], 1902, March 7, no. 5571, p. 1. (in Russ.)

**Bunin I. A.** Na Zhenevskom ozere [On Geneva Lake]. *Mir Bozhii* [God’s World], 1901, no. 7, pp. 34–38. (in Russ.)

**Bunin I. A.** Novyi god [The New Year]. *Russkaia mysl’* [The Russian thought], 1902, no. 1, pp. 99–105. (in Russ.)

**Bunin I. A.** Complete Works. In 6 vols. Petrograd, A. F. Marks Publishing House, 1915. (in Russ.)

**Bunin I. A.** Pozdnei noch’yu [In the Late Night]. In: *Severnye tsvety* [The Nordic Flowers]. Moscow, Scorpion Publ., 1901, pp. 42–45.

**Bunin I. A.** Tuman [Fog]. *Zhizn’* [Life], 1901, no. 4, pp. 1–6.

**Tolstoy L. N.** V chem moya vera? [What is My Religion?]. In: *Tolstoy L. N. Complete Works*. In 90 vols. Moscow, GIHL Publ., 1957, vol. 23, pp. 304–468. (in Russ.)

**Tolstoy L. N.** Kazaki [The Cossacks]. In: *Tolstoy L. N. Complete Works*. In 90 vols. Moscow, GIHL Publ., 1936, vol. 6, pp. 3–152. (in Russ.)

### Информация об авторе

**Евгений Рудольфович Пономарев**, доктор филологических наук, доцент

Scopus Author ID 36171218300

SPIN 4518-7108

### Information about the Author

**Evgeny R. Ponomarev**, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 36171218300

SPIN 4518-7108

*Статья поступила в редакцию 04.10.2024;*

*одобрена после рецензирования 06.11.2024; принята к публикации 12.11.2024*

*The article was submitted on 04.10.2024;*

*approved after reviewing on 06.11.2024; accepted for publication on 12.11.2024*

Научная статья

УДК 821.161.1; 82-312.7

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-134-141

## Мотив мыши / мышеловки в романе В. Набокова «Отчаяние»

Елена Александровна Полева

Томский государственный педагогический университет  
Томск, Россия

polewaea@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

### Аннотация

Исследуется мотив мыши / мышеловки в романе «Отчаяние» В. Набокова. Доказывается, что двойники-антагонисты центрального персонажа аллюзивно связаны с образами кота / льва, а в облике и поведении Германа прослеживаются ассоциации с образом мыши, который актуализирует семантику малости и корреспондирует с «Записками из подполья» Ф. М. Достоевского. Завершающий семантику мотива образ мышеловки отсылает к известной «гамлетовской» сцене, но она дана в трансформированном виде. «Мышеловкой» становится созданный персонажем текст, который в ситуации отсутствия очевидцев свидетельствует перед автором и против автора, проявляет несостоятельность замысла Германа избавиться от «мышинного» в себе и занять позицию хозяина своего бытия.

### Ключевые слова

В. Набоков, литература русского зарубежья, мотив мыши / мышеловки, роман «Отчаяние»

### Для цитирования

Полева Е. А. Мотив мыши / мышеловки в романе В. Набокова «Отчаяние» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 134–141. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-134-141

## The Mouse/Mousetrap Motif in V. Nabokov's Novel *Despair*

Elena A. Poleva

Tomsk State Pedagogical University  
Tomsk, Russian Federation

polewaea@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

### Abstract

*Purpose.* The article examines the mice/mousetrap motif which is “peripheral” (B. Gasparov) in V. Nabokov's novel *Despair*, but it is associated with the central motives of crime and punishment, self-identification, and relationships with a double.

*Results.* It is proved that the double-antagonists of the central character of the novel are allusively associated with the images of a cat / lion, and in Herman's appearance and behavior associations with the image of a mouse can be traced. A significant piece of clothing is the “mouse leggings” that Herman takes off and puts on Felix before killing him. An attempt to replace or borrow the name of his double-antagonists counterparts testifies to Herman's internal insecurity and dissatisfaction with himself.

The image of a mouse contains an allusion to *Notes from Underground* by F. M. Dostoevsky, and the final motif of the mouse, the image of a mousetrap, refers to the famous *Hamlet* scene. However, it is given in a transformed form in the novel: Herman appears as both a director, an actor, and a viewer, but does not feel remorse, does not sense a “trap”. Self-exposure occurs when Herman takes the position of the reader of his text.

© Полева Е. А., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 134–141

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 134–141

*Conclusion.* The text created by the character becomes a «mousetrap», and in the absence of eyewitnesses, it testifies against the author, who turned out to be mediocrity and a criminal, revealing the failure of Herman's plan to get rid of the "mouse" in himself and take the position of the "master" of his existence.

*Keywords*

V. Nabokov, literature of the Russian expatriate community, the mouse/mousetrap motif, the novel "Despair"

*For citation*

Poleva E. A. The Mouse/Mousetrap Motif in V. Nabokov's Novel *Despair*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 134–141. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-134-141

За последние десятилетия сложились магистральные направления исследования проблематики и поэтики прозы В. Набокова, с опорой на которые стал возможен анализ мотивов неочевидных, не замеченных набоковедами ранее.

Под мотивом понимается «повествовательный феномен», «интертекстуальный в своем функционировании и обретающий эстетически значимые смыслы в рамках сюжетных контекстов» [Силантьев, 2002, с. 32]. Б. Гаспаров отметил, что «в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое "пятно"», репродуцирующееся в тексте [Гаспаров, 1994, с. 30]. Мотивы разделяются на центральные и периферийные, но только «...все они в совокупности образуют незамкнутое поле, придающее смыслу романа черты открытости и бесконечности...» [Там же, с. 31]. В центре нашего внимания не ядерный, а периферийный в организации романа «Отчаяние» (1930–1931) мотив мыши / мышеловки. Тем не менее его анализ позволяет дополнить представления о мотивной структуре романа В. Набокова, об имплицитных способах выражения авторской позиции.

«Мышь» и однокоренные слова упоминаются в тексте романа всего 11 раз, однако неизменно для характеристики двух персонажей – Германа и Феликса, являющихся, по мнению недостоверного повествователя и одновременно фокализованного персонажа, двойниками. Более того, слова с корнем «мыш-» употребляются при описании узловых сюжетных положений: все три встречи Германа с двойником Феликсом, развязка истории убийства Германом двойника (как выяснилось, мнимого).

«Животный код романа Набокова "Отчаяние" представлен разнообразием фауны...», – отмечает Е. Г. Николаева [2021, с. 103]. Но в основном исследователи, как и сама Е. Г. Николаева, обращают внимание на *льва* в связи с образом антагониста центрального персонажа Ардалиона (см, например, [Смирнов, 2001, Николаева, 2021]) и анализируют аллюзивный план имени персонажа, в котором «спрятался» лев (-лион / Leon). Для нас же важен прямой смысл обнаруживаемой в имени ассоциации.

К этому, предвзято анализу мотива мыши / мышеловки, важно добавить ранее не замеченную учеными связь с семейством кошачьих и второго двойника-антагониста Германа – Феликса. Это имя у современников Набокова ассоциировалось с очень популярным мультфильмом, созданным в студии Пэта Салливана (1887–1933), о бездомном коте-бродяге Феликсе, которому были свойственны свободолюбие и способность выпутываться из самых сложных ситуаций и положений. Образ активно тиражировался в комиксах, игрушках и т. п. и был чрезвычайно популярен в США и Европе в течение 1920–1930-х гг. [Гаврилов, 2015].

Вероятно, Набоков изучал работы карикатуристов для создаваемого примерно в то же время, что и «Отчаяние», романа «Камера обскура». Ни разу не упомянув кота в тексте, писатель конструирует образ, ассоциативно связанный с популярным мультипликационным персонажем не только именем. Феликс в романе также бездомный бродяга. Большие лапы – отличительная черта изначального образа кота Салливана, а в романе подчеркиваются большие ступни Феликса – ему жмёт обувь Германа. Акцент на ступнях возникает в эпизоде, когда Герман уже после совершения убийства возмущается, что его уподобляют «каким-то олухам с вампирными наклонностями <...>. Был, например, такой, который сжег свой авто-

мобиль с чужим трупом, мудро отрезав ему ступни, так как они оказались не по мерке владельца» (Набоков, 1990, с. 451)<sup>1</sup>.

Мышь впервые в романе упоминается именно Феликсом при первой встрече с Германом, т. е. в завязке сюжетных событий. Бродяга завершает рассказ об относительно устойчивом периоде своей жизни упоминанием о том, что он был владельцем мыши: «А одно время я играл на скрипке, и у меня была белая мышь» (с. 338). Попутно отметим, что образ музыканта, в том числе, семантически связан с мышами благодаря немецкой легенде о Гамельнском крысолове, который управлял грызунами при помощи музыки. Герман игнорирует информацию о том, что Феликс музыкант, дважды (при первой и второй встрече), и в целом весь семантико-образный код, связанный с мышью, отражает зону сознания не персонажа, а автора-создателя романа.

Если Феликс – владелец мыши, то признаки мышинового облика обнаруживаются в портрете Германа. Во вторую встречу на вопрос Германа об участии в войне «Здорово боялся, что убьют, – правда?» Феликс «...подмигнул и проговорил загадочно: “У всякой мыши – свой дом, но не всякая мышь выходит оттуда”» (с. 376). По верному замечанию Р. Барта, авторский код «загадка» служит для дополнительного привлечения внимания к некоей информации [Барт, 1989, с. 435]. Набоков ориентирует читателя в необходимости поиска смысла фразы, которую Герман понять не может, трактует как глупую, бессмысленную шуточку: «Я уже успел заметить, что он любит пошлые прибаутки в рифму; не стоило ломать себе голову над тем, какую собственно мысль он желал выразить» (с. 376). «В рифму» указывает на то, что эта фраза произнесена по-немецки: «Jede Maus hat ihr Haus, aber nicht jede Maus tritt aus dem heiaus». Ответ Феликса понятен в контексте их разговора: он намекает на трусость Германа, берегущего свою жизнь, не участвовавшего в Первой мировой войне за интересы Германии. Посредством этой фразы Феликс сравнивает Германа с мышью и дает собственную характеристику ему как трусу (ср. идиому в русском языке «дрожать, как мышь»).

Сравнение Феликсом Германа с мышью семантически перекликается с деталями одежды последнего. При первой встрече Феликс скользит взглядом по «дорогой бледно-серой материи» костюма Германа (с. 339). Эксплицитно в этом описании подчеркивается богатство владельца, а имплицитно – цветовая характеристика одежды, соответствующая типичному окрасу мыши. На вторую встречу с Феликсом (чтобы проверить сходство, подступаясь к еще невызревшему плану убийства двойника с целью подмены) Герман надевает «мышинные гетры». На первый взгляд прилагательное «мышинные» – лишь обозначение цвета и фактуры одежды Германа, призванное в полной мере воссоздать парадный портрет уверенного в себе, с хорошим достатком мужчины. Причем лексическим повторением Набоков акцентирует эту деталь образа: «...шагаю я ладно, выбрасывая ноги носками врозь, – не по росту моему маленькие, в идеально чистой и блестящей обуви, в мышинных гетрах, – гетры то же что перчатки, – они придают мужчине добротное изящество...» (с. 371). Однако в контексте развития мотива мыши / мышеловки деталь приобретает иное значение: Герман соотносится с ‘мышью-жертвой’. Именно эти гетры Герман наденет поверх других, чтобы переодеть в них Феликса, а затем убить его: «Далее я надел две пары носков... черные башмаки, мышинные гетры...» (с. 425). Перед убийством «...я разделся, кинул ему верхнюю оболочку моего белья...» (с. 435). Пиджак, снятый с себя и надетый на Феликса, также мышинового («темно-серого») цвета.

Семантику жертвы, связанную с образом мыши в романах В. Набокова, отметила В. Ю. Лебедева, анализируя «Камеру обскуру». Там центральный персонаж, богатый бюргер и эстет (как и Герман, *вроде бы* находящийся в положении хозяина жизни), ближе к финалу оказывается фактически в заключении, терпит фиаско, и исследователь тонко подмечает: «Сам ослепший Бруно носит халат мышинового цвета <...> образ этого животного указывает на роль жертвы», «серый цвет визуализирует у Набокова переход от витальности к морталь-

<sup>1</sup> В дальнейшем ссылки на исследуемый роман приводятся в тексте с указанием в круглых скобках страницы.

ности...» [Лебедева, 2015, с. 41]. В «Отчаянии» этот мотив сопровождает сюжетную линию взаимоотношения Германа с двойником и концентрированно дан в линии подготовки и совершения убийства.

Черты мыши в поведении (трусость), одежде (серый цвет) проявляют бессознательно низкую самооценку Германа<sup>2</sup>, а желание сделать жертвой (мышью) не себя, а двойника – вполне осознанные цели: быть не жертвой обстоятельств, а «хозяином своей жизни» и «деспотом своего бытия» (и не только своего) (с. 435).

Переодевая Феликса в свои «мышинные гетры» и присваивая себе его имя, Герман выступает в роли хищника, а Феликс, которого убивают, – в роли жертвы. Ровно ту же мену ролей, по сути, пытается осуществить Герман со своим вторым «оппонентом» Ардалионом (что уже многократно комментировалось набоковедами, в том числе в указанных выше работах): убийство Герман совершает на его участке, для переписки с женой присваивает его имя (с. 459). Он использует собственность Ардалиона для достижения собственных целей. На имена обоих визави (связанных с кошачьей семантикой) Герман претендует после совершения убийства, актуализируя этимологическое значение «мыши»: от «др.-инд. *mōṣati*, *muṣati*, *muṣṇāti* – “ворует”» [Гура, 1997, с. 404].

Несмотря на пренебрежительное и даже брезгливое отношение к физической нечистоплотности своих двойников-антагонистов – Феликса и Ардалиона, высокомерное отношение к их низкому социальному статусу (оба «мужики», представители «простого народа», бездомный бродяга и эмигрант, не имеющий своего жилья), бессознательно Герман проявляет зависть к их самодостаточности, внутренней независимости, хотя оба нищие и не прочь воспользоваться его деньгами. Как подметила Т. Г. Мастепак, убийство двойника «для Германа становится неудавшимся актом самоутверждения и перерождения. Сменив внешность и присвоив чужое имя, он не изменил свою сущность, не обрел цельности и цели существования. Условного перемещения-превращения в другого человека не произошло...» [Мастепак, 2018, с. 115].

Последние главы фиксируют провал замысла убийства-подмены для освобождения от своего прошлого и начала жизни под другим именем, в статусе признанного всеми гения, как криминального, так и литературного. Герман отчаянно пытается убедить себя и окружающих, что его личность соответствует новому имени, но эмоциональность речи выдает внутренние сомнения: «Да и как я могу отрешиться от имени, которое с таким искусством присвоил? Ведь я же похож на мое имя, господа, и оно подходит мне так же, как подходило ему. Нужно быть дураком, чтобы этого не понимать» (с. 451). Переодевание другого в свою одежду и его убийство не оборачивается исчезновением «мышинового», мелкого в самом себе.

После совершения убийства Герман обретает облик, похожий на звериный; он это отмечает, но не рефлексирует: «Из всех пор прет волос. По-видимому, внутри у меня были огромные запасы косматости. Скрываюсь в естественной чаше, выросшей из меня» (с. 345). А описывая свои последние дни перед арестом, Герман дважды фокусирует внимание на мышеловке, хлопка которой он ожидает. На это обратила внимание М. Гург, указав на интертекстуальную связь данной детали: «...эмблематичная мышеловка, которая украшает его (Германа. – Е. П.) комнату накануне ареста, вызывает ассоциации с мышью “Записок” (Ф. М. Достоевского. – Е. П.)» [Гург, 1999, с. 205]. Замечание исследовательницы опосредованно подтверждает наличие мотива мыши / мышеловки в романе и его интертекстуальный потенциал.

Несмотря на известную критику Набоковым творчества Достоевского, пародийные и диалогово-дискуссионные связи романа «Отчаяние» с прозой классика убедительно доказаны исследователями (см.: [Сараскина, 1993, Гург, 1999, Середенко, 2000; Таганова, 2012] и др.),

---

<sup>2</sup> Хотя внешне персонаж декларирует уверенность в себе, он оговаривается и по поводу собственной творческой несостоятельности, так как не может создать художественный текст, отличный от шаблонов массовой литературы, и по поводу личностной неуспешности – как в бизнесе (его «шоколадное дело» разорено), так и в отношениях с женой (стремление избавиться от Ардалиона объясняется неосознанной ревностью).

поэтому наблюдение М. Гург представляется небеспочвенным и указывает на набоковский прием смещения на периферию образов, которые у Достоевского даны эксплицитно. Й. Догнал отмечает подчеркнутую при помощи рефрена мысль рассказчика «Записок из подполья»: «человек, чувствующий себя мышью, – это “антитеза нормального человека”» [Догнал, 2021, с. 75]. Мыши у Достоевского уподобляется неестественный, «ретортный» человек с повышенной рефлексивностью, существующий в мире искусственных идей, но при этом пасующий перед обстоятельствами и перед человеком «естественным», что развивает в нем скрытую злобу и жажду мести. Повествователь «Записок из подполья» объясняет зависть «ретортного» человека с запутанной самоидентификацией – человеку «природному», который, может, и глуп или социально неуспешен, но живет в гармонии с собой и миром. Й. Догнал резюмирует: «Природный, естественный человек действует в согласии со своими эмоциями, не управляет ими, не чувствует неизбежности кем-нибудь стать, кем-нибудь сделаться, по каким-нибудь правилам думать и поступать, он просто есть» [Там же, с. 76]. «Ретортный» человек, в отличие от «естественного», живет не в согласии с «законами природы», потому что их невозможно игнорировать, обойти, а подчиняться им «обидно». Утверждая это, рассказчик «Записок...», по сути, объясняет причины бунта человека-мыши против бытийного миропорядка и стремления «переписать» онтологические правила, утвердить свои.

Набоков, описывая отношения Германа (человека-мыши, в трактовке рассказчика «Записок из подполья») с «природными» людьми Феликсом и Ардалионом, по-своему рецепирует поставленную в тексте Достоевского проблематику. Автор романа фиксирует неприятие Германом «природного» человека на рациональном уровне и одновременно иррациональную тягу к нему, зависть, выраженную в стремлении присвоить или использовать по своему усмотрению то, что принадлежит Феликсу и Ардалиону.

У Набокова исследуемый мотив имплицитно участвует в разрешении темы «тварь ли я дрожащая или право имею?», причём не только на отнятие жизни другого для изменения социальных порядков, но и для освобождения от онтологических законов. Ведь социально-юридическая сторона дела для Германа не является внутренней коллизией, для него раскольниковская дилемма неактуальна: он изначально считает, что вправе совершить преступление. Замысел его масштабнее: он хочет остаться жив, погибнув, и вину за убийство возложить на саму жертву. Но здесь-то и вскрывается главное противоречие. Убийца убеждает, что он теперь другой, т. е. Феликс, и одновременно отказывается от вины за убийство и, следовательно, от того, что он Феликс: «Не я искал убежища в чужой стране, не я обрастал бородой, а Феликс, убивший меня» (с. 440). При любом из двух вариантов получается, что избавиться от «мышинного» в себе не получилось.

О недостижении планов центрального персонажа свидетельствует образ мышеловки. Первый раз она упоминается в связи с гневным письмом Ардалиона, на которое Герман реагирует такой «дрожью» (опять ассоциативно вспоминается идиома «дрожать, как мышь»), «что все кругом затряслось, – стол, стакан на столе, даже мышеловка в углу новой моей комнаты» (с. 425). Второй раз – в ситуации ожидания казни: «Сейчас, дрожая в студеной комнате, проклиная лающих собак, ожидая, что в углу с треском хлопнет мышеловка, отхватив мыши голову...» (с. 425). Образ попавшейся и обезглавленной мыши метафорически передает крах замыслов и финал его жизни.

Подмена и с Ардалионом, и с Феликсом по-настоящему не состоялась. Центральный персонаж пытается присвоить биографию Феликса, повторяя в числе прочего умение играть на музыкальном инструменте и непонятную ему фразу о мыши («Играл на скрипке. <...> У всякой мыши есть свой дом...» (с. 439)), но у него не получается. Герман ощущает, что потерял свою прежнюю жизнь и биографию, а новую, желанную для себя, не приобрел. Более того, даже мертвый, убитый им Феликс как бы переигрывает его и обеспечивает наказание своего убийцы, оставив на месте преступления палку со своим вырезанным именем. Проигрывает персонаж-повествователь и Ардалиону, оказавшемуся вследствие его исчезновения

удачливым соперником в любви, что проявляется во сне Германа: «...нашел наконец скрывавшуюся от меня Лиду, которая спокойно сказала мне, что все хорошо, наследство она получила и выходит замуж за другого, ибо меня нет, я мертв» (с. 455).

Образ мыши в этом контексте связан с обманом, даже самообманом: стремящаяся даром полакомиться мышь становится жертвой, попадая в ловушку. Причем горечи Герману придает внезапное осознание того, что он угодил не в чужую «мышеловку», а в свою собственную. Он перебирает разные причины непризнания его гениальности: ущербность зрения других; предвзятость критика, оценивающего произведение (убийство) заведомо неприятного ему автора; ограниченность «толпы». Но в финале обнаруживает свой промах и впадает в отчаяние: «Я стоял над прахом дивного своего произведения, и мерзкий голос вопил в ухо, что меня не признавшая чернь может быть и права...» (с. 457). Захлопнувшаяся мышеловка в ожидании собственной казни аккумулирует развитие исследуемого мотива в романе.

Принципиально, что разоблачает творческую несостоятельность персонажа и совершенное им преступление память и созданный им текст. Эпизод убийства Феликса включает черты театральности: «театральной декорацией плоско серел лес»; разговор с «двойником» он интерпретирует как «оперный» («Отрывок из оперы кончился...»), внешний вид Феликса сравнивается с «гримом» (с. 432). Преступление как бы разыгрывается на сцене, возникает аллюзия на шекспировскую «мышеловку», семантика которой включает значения ловушки и разоблачения преступника. Однако «гамлетовский» эпизод в романе трансформируется, так как преступник выступает в качестве актера и лишь позднее, во время описания событий в тексте – в качестве зрителя. Но он не ощущает ни вины, ни раскаяния. И тем не менее эта сцена оказывается «мышеловкой», что осознает Герман, читая ее описание, т. е. сменив позицию с писателя на читателя. В отсутствие очевидцев текст «свидетельствует» против своего автора, оказавшегося бездарностью и преступником: «Никогда в жизни я не был так удивлен... Я сидел в постели, выпученными глазами глядя на страницу, на мою же <...> написанную фразу, – и уже понимал, как это непоправимо» (с. 457).

Мотив мыши / мышеловки в «Отчаянии» на первый взгляд относится к мотивной периферии произведения, однако его анализ позволяет сделать вывод, что он участвует в движении основных тем романа и является имплицитным средством раскрытия авторской позиции. Развитие мотива мыши / мышеловки в полной мере отражает сюжетную логику, поддерживая семантику убийства с целью подмены как неудачного способа разрешения внутренних противоречий мелкой личности, притязающей на исправление «книги природы».

### Список литературы

- Барт Р.** Текстовый анализ одной новеллы Э. По // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 249–262.
- Гаврилов А.** «Кот Феликс» – самый успешный сериал Америки // ПрофиСинема. 2009. 23 апр. URL: <http://www.proficinema.ru/questions-problems/articles/detail.php?ID=57210> (дата обращения 03.03.2024).
- Гаспаров Б. М.** Литературные лейтмотивы. М.: Наука, 1994. 303 с.
- Гура А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Гург М.** Набоков, наследник поэтики Достоевского в повести «Отчаяние» // Достоевский и мировая культура. Альманах № 12 / Общество Достоевского; ред.-сост. К. А. Степанян. М.: Раритет-Классика плюс, 1999. С. 202–209.
- Догнал Й.** Несколько заметок по поводу образа мыши в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Отечественная филология. 2021. № 3. С. 73–80.
- Лебедева В. Ю.** Визионерские мотивы в романе В. Набокова «Камера обскура» // Филологос. 2015. № 27 (4). С. 38–42.

- Мастепак Т. Г.** Мотив перемещения и семантика культурно-географических топосов в романе В. Набокова «Отчаяние» // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2018. Вып. 6 (195). С. 112–119.
- Николаева Е. Г.** Животный код в романе В. В. Набокова «Отчаяние»: еще раз к вопросу о «львином» начале в образе Ардалиона // Текст и контекст: литературно-культурные связи: Монография / Под ред. Н. В. Константиновой. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2021. С. 103–110.
- Сараскина Л.** Набоков, который бранится (Набоков и Достоевский) // Октябрь. 1993. № 1. С. 176–189.
- Середенко И. И.** Достоевский в пространстве романа В. Набокова «Отчаяние» // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2000. Вып. 6 (22). С. 28–30.
- Силантьев И. В.** Мотив как проблема нарратологии // Критика и семиотика. 2002. № 5. С. 32–60.
- Смирнов И.** Art à Lion // Набоков: pro et contra. Антология: В 2 т. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 2001. Т. 2. С. 730–740.
- Таганова Н. Л.** В. Набоков и Ф. М. Достоевский: вечный диалог // Соловьевские исследования. 2012. № 1 (33). С. 123–130.

#### Список источников

- Набоков В.** Отчаяние // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 3. С. 333–462.

#### References

- Barth R.** Tekstovyi analiz odnoi novelly E. Po [Textual analysis of one short story by E. Poe]. In: Barth R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika [Selected works: Semiotics: Poetics]. Comp., ed. by G. K. Kosikov. Moscow, Progress, 1989, pp. 249–262. (in Russ.)
- Gavrilov A.** “Kot Feliks” – samyi uspekhnyi serial Ameriki [“Felix the Cat” is America’s most successful TV series]. *ProfiSinema*, 2009, April 23. (in Russ.) URL: <http://www.proficinema.ru/questions-problems/articles/detail.php?ID=57210> (accessed: 03.03.2024).
- Gasparov B. M.** Literaturnye leitmotivy [Literary leitmotifs]. Moscow, Nauka, 1994, 303 p. (in Russ.)
- Gura A. V.** Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii [Animal symbolism in the Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 912 p. (in Russ.)
- Gurg M.** Nabokov, naslednik poetiki Dostoevskogo v povesti “Otchayanie” [Nabokov, the heir to Dostoevsky’s poetics in the story “Despair”]. In: Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Al'manakh no. 12. Obshchestvo Dostoevskogo [Dostoevsky and World Culture. Almanac no. 12. Dostoevsky Society]. Comp., ed. by K. A. Stepanyan. Moscow, Raritet-Klassika plyus Publ., 1999, pp. 202–209. (in Russ.)
- Dognal I.** Neskol'ko zametok po povodu obraza myshi v “Zapiskakh iz podpol'ya” F. M. Dostoevskogo [A Few Notes on the Image of the Mouse in F. M. Dostoevsky’s “Notes from Underground”]. *Otechestvennaya filologiya* [Russian Studies in Philology], 2021, no. 3, pp. 73–80. (in Russ.)
- Lebedeva V. Yu.** Vizionerskie motivy v romane V. Nabokova “Kamera obskura” [Visionary motives in V. Nabokov’s novel “Camera Obscura”]. *Filologos* [Philologos Magazine], 2015, no. 27 (4), pp. 38–42. (in Russ.)
- Mastepak T. G.** Motiv peremeshcheniya i semantika kul'turno-geograficheskikh topov v romane V. Nabokova “Otchayanie” [The motive of displacement and the semantics of cultural-geographical topoi in V. Nabokov’s novel “Despair”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2018, iss. 6 (195), pp. 112–119. (in Russ.)

- Nikolaeva E. G.** Zhivotnyi kod v romane V. V. Nabokova “Otchayanie”: eshche raz k voprosu o “I’vinom” nachale v obraze Ardaliona [Animal code in V. V. Nabokov’s novel Despair: once again on the issue of the “lion” principle in the image of Ardalion]. In: Konstantinova N. V. (ed.). Tekst i kontekst: literaturno-kul’turnye svyazi [Text and context: literary and cultural connections]. Monograph. Novosibirsk, NSPU Press, 2021, pp. 103–110. (in Russ.)
- Saraskina L.** Nabokov, kotoryi branitsya (Nabokov i Dostoevsky) [Nabokov, who swears (Nabokov and Dostoevsky)]. *Oktyabr’* [October], 1993, no. 1, pp. 176–189. (in Russ.)
- Seredenko I. I.** Dostoevsky v prostranstve romana V. Nabokova “Otchayanie” [Dostoevsky in the Space of V. Nabokov’s Novel “Despair”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2000, iss. 6 (22), pp. 28–30. (in Russ.)
- Silantev I. V.** Motiv kak problema narratologii [Motive as a problem of narratology]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2002, no. 5, pp. 32–60. (in Russ.)
- Smirnov I.** Art à Lion. In: Nabokov: pro et contra. Antologiya. In 2 vols. St. Petersburg, Izd-vo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2001, vol. 2, pp. 730–740. (in Russ.)
- Taganova N. L.** V. Nabokov i F. M. Dostoevsky: vechnyi dialog [Nabokov and F. M. Dostoevsky: Eternal Dialogue]. *Solovievskie issledovaniya* [Soloviev Studies], 2012, no. 1 (33), pp. 123–130. (in Russ.)

### List of Sources

- Nabokov V.** Otchayanie [Despair]. In: Nabokov V. Complete Works. In 4 vols. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 3, pp. 333–462. (in Russ.)

### Информация об авторе

**Елена Александровна Полева**, кандидат филологических наук, доцент  
Scopus Author ID 57211584072  
WoS Researcher ID AAQ-9167-2021  
RSCI Author ID 496799  
SPIN 2384-2459

### Information about the Author

**Elena A. Poleva**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor  
Scopus Author ID 57211584072  
WoS Researcher ID AAQ-9167-2021  
RSCI Author ID 496799  
SPIN 2384-2459

*Статья поступила в редакцию 23.08.2024;  
одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 02.09.2024  
The article was submitted on 23.08.2024;  
approved after reviewing on 29.08.2024; accepted for publication on 02.09.2024*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-142-152

## Образ мира в рассказе А. П. Платонова «Никита»: мифопоэтический аспект

Светлана Анатольевна Скуридина<sup>1</sup>, Елена Олеговна Кузьминых<sup>2</sup>  
Надежда Борисовна Бугакова<sup>3</sup>

<sup>1-3</sup> Воронежский государственный технический университет  
Воронеж, Россия

<sup>1</sup> saskuridina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2313-2482>

<sup>2</sup> eleshka-82@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7571-7634>

<sup>3</sup> ya\_witch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2683-0665>

### Аннотация

Проанализирован рассказ А. Платонова «Никита», первоначально названный писателем «Добрый кит», в котором окружающая действительность представлена через восприятие пятилетнего мальчика, ежедневно преодолевающего сиротство. Он наделяет одушевленностью, разумом и чувствами видимые им предметы и определяет их через термины родства, имена собственные и другие языковые единицы, освоенные к этому возрасту. В мифологической картине мира Никиты существует «свое», которое связано с образом дома и двора, отгороженного забором от «чужого». Ежедневно выполняя функцию хозяина, которую отводит ему мать, Никита должен сохранять гармонию окружающего его мира – жить смиренно, т. е. в родстве со «своим» миром, не допуская никого чужого и не лишая жизни поименованных, а значит, одушевленных обитателей.

### Ключевые слова

А. П. Платонов, «Никита», «Добрый кит», «Добрые люди», сиротство – родство, термины родства, бинарные оппозиции, свое – чужое, жизнь – смерть, антропонимы, антропоморфизм, персонификация, пространство, время

### Для цитирования

Скуридина С. А., Кузьминых Е. О., Бугакова Н. Б. Образ мира в рассказе А. П. Платонова «Никита»: мифопоэтический аспект // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 142–152. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-142-152

## The Image of the World in A. P. Platonov's Short Story *Nikita*: A Mythopoetic Aspect

Svetlana A. Skuridina<sup>1</sup>, Elena O. Kuzminykh<sup>2</sup>, Nadezhda B. Bugakova<sup>3</sup>

<sup>1-3</sup> Voronezh State Technical University  
Voronezh, Russian Federation

<sup>1</sup> saskuridina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2313-2482>

<sup>2</sup> eleshka-82@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7571-7634>

<sup>3</sup> ya\_witch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2683-0665>

### Abstract

*Purpose.* The article analyzes the story *Nikita*, which is important for the work of A. Platonov. It was originally named *The Kind Whale* and was included into the cycle *Good People*.

© Скуридина С. А., Кузьминых Е. О., Бугакова Н. Б., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2: Филология. С. 142–152

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 142–152

*Results.* The authors identify the mythological picture of the world implementation features in the story. It is noted that the writer represents the reality through a perception of a five-year-old boy who gives animation, reason and feelings to visible objects around him, which are perceived by the hero through kinship terms, proper nouns, and other linguistic units mastered by this age. In Nikita's mythological picture of the world there are "his own" things, which are associated with the image of a house and a yard, fenced off from the "stranger" things. Being appointed daily to the role of master by his mother, Nikita must preserve the harmony of his world – to live quietly, that is, in kinship with "his" world, not allowing anyone else and not depriving of life named, and therefore animate, inhabitants. Violation of the maternal covenant has negative consequences: "one's own" and "someone else's" change places, instilling fear in Nikita, which he had not experienced before, because he lived in the world of objects and phenomena created and named by him, and therefore, endowed with life.

*Conclusion.* The opposition "life – death" acquires an additional meaning from A. Platonov, including the opposition "kinship – orphanhood": the one who is related to the world remains alive, and orphanhood is perceived as detachment from the world, loss of connection with it, which is equal to death.

*Keywords*

A. P. Platonov, "Nikita", "The Good Whale", "Good people", orphanhood – kinship, kinship terms, binary oppositions, one's own – another's, life – death, anthroponyms, anthropomorphism, personification, space, time

*For citation*

Skuridina S. A., Kuzminykh E. O., Bugakova N. B. The Image of the World in A. P. Platonov's Short Story *Nikita*: A Mythopoetic Aspect. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 2: Philology, pp. 142–152. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-2-142-152

Мотив сиротства, по мнению исследователей, является одним из основополагающих в творчестве А. Платонова (см. [Спиридонова, 1998; Грязнова, 2011] и др.). К. Г. Исупов выделяет «коллективное» сиротство как следствие губительной обособленности платоновских героев и отмечает, что состояние сиротства характерно не только для людей, но и для вещей, которые, «как люди хотят выйти из круга сиротства, влиться в общую жизнь, найти свой смысл в таком мире, о котором сказано, что он – "страна бывших сирот" и в котором пространство между "прочими" и "другими" без остатка заполнено "вещью дружбы"» [Исупов, 1992, с. 104]. По мнению Н. В. Корниенко, «сиротство героев А. Платонова – это не индивидуальная черта их характера, а знак-символ разрушенной целостности национальной жизни и обезбоженья мира» [Корниенко, 1991, с. 330]. Сам А. Платонов в литературно-критической статье, посвященной повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука», говорит о важности любви ребенка к своей матери и к своему отцу для будущей жизни, «потому что мать и отец в конце концов умрут, а потомок их останется – и воспитанная в нем любовь, возжженное, но уже не утоляемое чувство, обратится, должно обратиться, на других людей, на более широкий круг их, чем одно семейство» (Платонов, 2012, с. 84)<sup>1</sup>.

В 1945 г. Андреем Платоновым был написан рассказ, названный автором «Добрый кит» и включенный им в цикл «Добрые люди». Однако рассказ увидел свет под другим названием – «Никита» («Мурзилка» (№ 4; 7), «Новый мир» (№ 7). Вариативность названий является одной из характерных особенностей творчества А. Платонова 30–40-х гг. (например, рассказы «Глиняный дом в уездном саду» («Нужная родина»), «Машинист Мальцев» («В прекрасном и яростном мире») и др.).

Главный герой рассказа – пятилетний Никита. Платоновский рассказ, жанр которого определяется как философская притча [Яблоков, 2019, с. 38], построен на контрасте между «детской» фабулой и «взрослой» проблематикой. А. Платонов в рассказе представляет окружающий мир глазами пятилетнего ребенка, мать которого ежедневно уходит на работу, а отец «умирает» на войне. Мать и Никита живут, ожидая его возвращения, при этом оба высказывают мысль о том, что отца у мальчика нет: «Не балуй, Никитушка, отца у тебя нету», «тут добро наше, а отца нету» (с. 126). Полагаем, такое отношение к отсутствию отца связа-

<sup>1</sup> В дальнейшем ссылки на тексты А. Платонова приводятся по этому изданию с указанием в скобках страницы.

но с тем, что он не только часть семьи, но и своего, домашнего, пространства, его хозяин. И, пока он не вернется, Никита живет как сирота, «с миром один». Данная мысль подтверждается тем, что мальчик перестает быть одиноким и ощущает пространство как «свое», только когда отец возвращается «век вековать» («векование» – это «житье или пребывание где-либо, все на одном месте, в одном положении или состоянии» (Даль, 1880, т. 1, с. 339)). Как указывает Е. А. Яблоков, «сирота для писателя – метафора человека вообще, не знающего связи с мировым Целым и держащего свою жизнь в своих руках. В философском смысле сиротство – знак неразвитости связей человека с миром. Но одиночество, сиротство – это и важнейший стимул к душевному творчеству, к восстановлению некогда оборванных связей» [Яблоков, 1990, с. 65], поэтому предсказуемо стремление Никиты к восстановлению «родства» с миром.

Ежедневно назначаясь матерью на роль хозяина, Никита продолжает оставаться ребенком и чувствует свое одиночество и незащищенность пространства, в котором он находится, от проникновения в него чужих существ. Это приводит мальчика к восприятию окружающего его мира через знакомую ему систему родственных отношений, в результате чего одушевляются такие предметы, как банька и избушка, превращаясь в бабушку, и даже далекое солнце предстает в образе любимого дедушки, а в колодце и бочке поселяются никому не известные, кроме Никиты, маленькие жители. Вступление в родство необходимо герою для снятия чувства опасности, что соответствует русским культурным традициям, рассматриваемым в работе С. М. Толстой [2009, с. 19]. Жилище в народных представлениях может уподобляться телу человека, «например, в обрядах, сопровождавших рождение ребенка (и особенно при трудных родах) придавалось особое значение открыванию дверей дома, который мыслился, таким образом, женским телом» [Байбурин, 1983, с. 61].

Как указывает А. Ю. Грязнова, «сюжет сиротства, завершающийся обретением родства, почти всегда предполагает у Платонова победу над смертью. Смерть – явление, с которым платоновские герои не могут примириться, потому что зачастую именно смерть становится причиной их сиротства» [Грязнова, 2011, с. 114]. Таким образом, мифологическая оппозиция «жизнь – смерть» приобретает у А. Платонова дополнительный смысл, включая в себя противопоставление «родство – сиротство»: живым остается тот, кто в родстве с миром, а сиротство, воспринимаемое как отстранение от мира, утрата связи с ним, подобно смерти. О необходимости быть в гармонии с миром говорит мать Никиты: «ты живи смирно один» (с. 127), где «смирно» тождественно понятию «вместе с миром».

Стоит обратить внимание на то, что у членов семьи Никиты отсутствуют имена. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что А. Платонов в рассказе представляет мир глазами пятилетнего ребенка, для которого лексемы «бабушка», «дедушка», «мама» выполняют, как имена собственные, идентифицирующую функцию; с другой стороны, термины родства, используемые традиционно в качестве эквивалентов антропонимов, способствуют осознанию Никитой собственной включенности в мироздание как одного из членов рода. Как указывает С. М. Толстая, «категория родства имеет не только биологическое, социальное, психологическое, ритуальное, языковое, литературное измерение, но и мифологическое содержание и магические функции поддержания жизни, устойчивости и безопасности людей в этом мире» [Толстая, 2009, с. 19]. Упоминание бабушки и дедушки помогает писателю выстроить историю рода, продолжением которого является Никита («ср. многозначность таких семантически соотносительных слов, как “баба” и “дед”, символизирующих бинаризм женского и мужского начала и вместе с тем, благодаря своей позиции в системе родства, получающих общее значение “предков”») [Там же, с. 12]).

Включая Никиту в систему родства (см. подробно: [Бугакова и др., 2024]), А. Платонов транслирует важную мысль о бесконечности жизни, поэтому, когда отец возвращается с войны, где он до этого «умирал», чтобы жить с семьей «веки вечные», – Никита ощущает, что его мир получает определенность, временную и пространственную локализацию: «Теперь уж век буду с тобой вековать», – говорит отец при первой встрече сыну (с. 132).

Возвращение отца – это восстановление рода как бесконечности рождений и смертей. Передача рода по мужской линии – природный процесс, именно поэтому старший в поколении характеризуется Никитой символом, обозначающим циклическое время, – дедушка-солнце. В этом контексте важной является фраза: «Отец знал, что Никита родился у него добрым» (с. 133).

Порождающее начало у А. Платонова мужское, но мать кормит молоком и поэтому поддерживает жизнь (внутри цветка, который сломал Никита, не сок, а молоко, которым питает его земля). И. А. Спиридонова, рассматривая мотив сиротства в романе «Чевенгур» в свете христианской традиции, указывает, что «в творчестве Платонова, опирающемся на народную философию жизни, мать есть природная, физически заданная связь человека с миром, отец – институт социальной и духовной преемственности. Авторитет отца является высшим в традиции народной жизни, на что указывает ее название – патриархальная» [Спиридонова, 1998, с. 516–517]. Подобное отношение к отцу А. Платонов вынес из своей семьи, отразив преклонение перед отцом в выбранном псевдониме и в имени сына.

По своей функции мать у А. Платонова соотносима с мифологемой «мать-сыра-земля», образ которой олицетворяет собой рождающее и плодоносящее начало (см. подробно: [Скуридина и др., 2022]). Интересно, что «в мифологеме Мать-сыра-земля наблюдается объединение двух дифференциальных признаков: “рождение” и “смерть”. Земля – рождающее лоно и могила, в которую уходит после смерти человек» [Пименова, Мошина, 2021, с. 146].

Как амбивалентный образ земля предстает и в рассказе А. Платонова. С одной стороны, ее подземная часть – это враждебное чужое пространство, где обитают мертвые («кубийство» Никитой цветка пробуждает хтоническое начало и актуализирует образ земли-могилы): «Внутри земли гудели голоса, там, должно быть, жили в тесной тьме многие люди, и слышно было, как они корябятся руками, чтобы вылезти оттуда на свет солнца» (с. 130).

Под землей находятся норы, и в них, по мнению Никиты, обитают змеи. Змея – хтоническое животное, связанное с подземным миром мертвых, поскольку живет под землей, в норе. Антагонистом змеи является солнце [Гура, 1997, с. 282–287]. Никита боится, что змеи поползут ночью, укусят мать, и та умрет. Страх Никиты объясняется народными поверьями, в которых говорится, что спасти от укуса змеи может только солнце, которого ночью нет. Всё, что страшит мальчика, находится во тьме или, что также обусловлено отсутствием света, под землей: бочка, лес, баня, частично ушедшая под землю, змеи в норах, великан в колодце. Сени в доме тоже связаны с подземным пространством, там земля, на которой воробей, перейдя порог, хочет найти зерно (как известно, зерно «имеет устойчивую семантику “плодородия”, “богатства”, связанную с циклическим характером смерти – воскрешения природы» [Байбурин, 1983, с. 66].

Появляющийся в доме воробей, как и змея, имеет хтоническую сущность. Интересно, что птица упоминается в тексте дважды. Во второй раз с воробьем сравниваются «маленькие водяные люди» (с. 128), живущие в колодце («ростом они были с воробья» (с. 128)), при этом говорится о том, что «они, должно быть, хотели выпить у Никиты глаза, когда он спал» (с. 128). И в этом стремлении воробей коррелирует со змеей, которая, согласно поверьям, «высосала» глаза у солнца [Гура, 1997, с. 283]. В сенах, куда проникает воробей, обитают пауки и жирные мухи, связанные в народной культуре с гадами, а в толкованиях снов «мухи часто предвещают смерть» [Там же, с. 440]. Таким образом, пространство, в котором живут мать и мальчик, в отсутствие отца не может защитить их, поскольку проницаемо для нечисти. Именно поэтому отец, возвращаясь домой, прежде всего готовит доски, для того чтобы перестелить пол и отгородить дом и семью от подземного мира.

С другой стороны, земля – мать, которая дает «молоко» растениям и людям, питая их. Никита всё время пытается отправить страшных существ обрабатывать землю, чтобы сделать их своими, живыми, нестрашными, поскольку земля, обработанная человеком, дает пищу, которая питается соками земли, но на поверхности и под солнцем. Не случайно с солнцем и теплом связан в рассказе образ хлеба: изба – тётка чужая – ругается, что его родили

«на свет», чтобы он хлеб жевал. Когда Никита убивает цветок, пространство двора начинает стремительно превращаться в чужое, Никита, испытывая страх, хочет бежать в поле к матери, но падает на землю и ползет на животе, становясь похожим на змею. Его спасает появившийся из-за облака дедушка-солнце, который помогает не стать частью подземного мира.

Никита ощущает себя частью семьи, когда упоминает о дедушке, матери, бабушке, и частью мира, когда в качестве хозяина обходит владения и проверяет, как ведут себя выдуманные им существа. Обитатели Никитиной вселенной обычно реагируют на него по-доброму («пень молча улыбался Никите» (с. 129)), пока мальчик не погубил желтый цветок, который представлялся ему грудным ребенком, сосавшим свою мать: «...вглядевшись в цветок, Никита увидел, как постепенно в круглом его личике являлось человеческое выражение, и вот уже стали видны маленькие глаза, нос и открытый влажный рот, пахнущий живым дыханием» (с. 130). В результате совершенных мальчиком действий происходит разрушение гармонии в Никитином мире – созданные детским воображением жители начинают вести себя как обитатели чужого пространства, желающие наказать его за причиненное им зло: изба «смотрела на него, как проходящая старая тетка из дальней деревни, и шептала ему: “У-у, непутевые, нарожали вас на свет – хлеб пшеничный даром жевать”» (с. 130–131). «Свое» и «чужое» пространства меняются местами, поэтому мальчик спешит выбраться за пределы двора, куда раньше нельзя даже было пускать чужого петуха, а теперь проникают чужие звуки и кто-то другой, а не Никита, дает имена обитателям: «И далеко кто-то, из леса за деревней, громко крикнул: “Максим, ты где?” – “В земле!” – глухо отозвался пень-голова» (с. 131).

Предстоящие изменения предсказаны А. Платоновым в эпизоде, в котором говорится о потере ножниц. Их, по мнению Никиты, взял «маленький, а живой человек», «чтобы обрезать себе бороду» (с. 127). Устройство ножниц, представленное в загадке «два кольца, два конца, а посередине гвоздик», делает их амбивалентным символом, поскольку кольцо – это бесконечность, а острие – конечность жизни. Отнять ножницы у выдуманного Никитой обитателя бочки должен отец, когда вернется с войны, в связи с чем символически значимым становится эпизод, в котором Никита с отцом выпрямляют гвозди. Сработанный Никитой гвоздь, который может соединять разные элементы, в том числе и части пропавших ножниц, – это человек, жизнь которого одновременно конечна, если он живет не с миром, а один, и бесконечна, если он ощущает родство с миром.

Пытаясь восстановить границы своего и чужого, Никита прибегает к терминам родства, являющимся своего рода оберегами, и зовет мать («К нам во двор чужие пришли и живут» (с. 131)), но она не слышит, к бабушке нет смысла обращаться, так как «щербатое лицо бабушки гневно ощерилось на него как на чужого» (с. 130) сразу же после поступка с цветком. (Изменение в отношении к внуку предопределяется семантикой бани, которая обычно располагалась «на задах» или вообще выносилась к границе селения, поближе к воде. Удаленность от жилища, близость границы с «неосвоенным» пространством является одной из причин маркированности бани в сфере отрицательных значений [Байбурин, 1983, с. 35].) Тогда Никита обращается к своему дедушке-солнцу, скрывающемуся за облаком, и получает его поддержку: освещенный солнцем мальчик, ползущий, подобно змее, все-таки находит силы встать, чтобы устремиться в пространство, где находится его мать, однако за пределами двора «в тени овина на околице» (с. 131) герой засыпает, а после пробуждения и возвращения домой происходит желанная встреча не только с матерью, но и с отцом.

Показательно, что сон настигает Никиту около овина, который расположен на околице. Околицей изначально называли деревянную изгородь, окружающую деревню и служившую границей, обозначающей край села. В сознании человека с мифологическим мировоззрением околица – это важный топос, связанный с непрямой дорогой, которая делит окружающий мир на организованное человеком пространство и пространство, принадлежащее стихиям и духам природы (лугов, полей, лесов, рек, ручьев, деревьев и других видов растений и т. д.). Околица – существующая незримо преграда, которую не могут перейти враждебные челове-

ку существа. В овине обитает овинник, характер которого сложен: он может устроить пожар, а может дать хороший примолот, однако важно, что овинник «милостивый» и является покровителем семьи, а следовательно, рода, поэтому он «чужому не выдаст» [Власова, 1995, с. 269]. Засыпает Никита, вероятно, в полдень, о чем косвенно свидетельствует фраза «в избе стало тепер жарко» (с. 129). Таким образом, Никита погружается в сон на пространственно-временном стыке, так как «год и сутки в народных представлениях изоморфны», а все мифологические существа появляются в определенное время: «чаще всего это период между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи, закат, сумерки, полдень, то есть “переходные” моменты дня, ночи» [Власова, 1995, с. 19]. Значимым является тот факт, что первым, кого видит Никита после пробуждения, оказывается «новый пастух», который заменил того, который утонул в реке по дороге в «чужую» деревню и превратился в «чужого» петуха, проникшего во двор к мальчику. Пространство, окружающее Никиту, обретает черты «своего», нестрашного, не связанного со смертью.

Окончательная гармонизация окружающего Никиту пространства происходит в момент встречи с отцом, возвращение которого с войны приводит к воссоединению в жизни мальчика мужского и женского начал. Как мы уже отметили, важность мужского начала в художественном мире А. Платонова определяется тем, что род наследуется по мужской линии, именно поэтому отец называет Никиту «сынок», дед спасает «ослабевшего внука», тогда как бабушка никак к нему не обращается, а мать использует диминутивный антропоним «Никитушка». С дедушкой и отцом связаны функции защиты: «Никита в испуге поглядел на солнце, чтобы оно защитило его» (с. 128), а отец появляется в тот момент, когда Никита пережил страх, связанный с невозможностью спастись от вторжения чужого.

При этом и наличие матери в жизненном пространстве Никиты необходимо: ее присутствие дает ему ощущение неразрывного единства с родным существом (добро наше, отец вернулся к нам, «живи там, а я тут с мамой», «там не страшно, там мать недавно была» (с. 129). Именно мать восстанавливает родственную связь с отцом в сознании Никиты (до момента, пока мать не сказала, что это его «отец домой пришел», мальчик мысленно употребляет по отношению к нему лексему «солдат», «старый солдат» (с. 131). Кроме того, мать является источником пищи: она кормит Никиту горячим ужином, оставляет еду на столе на весь день.

Семантически значимым является прозвище Никиты, придуманное отцом на войне, – Добрый кит. Кит – живородящее млекопитающее, в образе которого прослеживается прямая связь с молоком. В мифологических представлениях земля стоит на трех китах – это основа мира, в соответствии с символикой платоновского рассказа три кита – это дед, отец, сын (внук), унаследовавший их доброту. Согласно словарю В. И. Даля, добрый (о человеке) – это «дельный, сведущий, умеющий, усердный, исправный» (Даль, 1881, т. 2, с. 455). Отец и сын именно благодаря умению делать, трудиться оказываются способными оживить мир вокруг себя.

В рассказе А. Платонова мифологический сюжет о трех китах связан с христианской символикой воскрешения: в Никите воскрешаются дед и отец, т. е. род, а сам Никита стремится воскресить то, что его окружает. Последнее предложение рассказа: «Отец знал, что Никита родился у него добрым и останется добрым на весь свой долгий век» (с. 133) – фиксирует уверенность в том, что сын будет жить долго, а с ним – род и мир (рождающая земля), в который род человеческий вписан.

После прихода отца с войны, где он выполнял важную работу – защищал от смерти свой род, он возвращает себе функцию хозяина, и всё вокруг перестает быть чужим. Никита оказывается не с миром один (как ему наказывала мать), а вместе с отцом, от которого пахнет «теплом, чем-то добрым и смирным, хлебом и землей» (с. 133), в мире, который он может, как отец, делать трудом (сравним: в рассказе А. Платонова «Цветок на земле» дед говорит внуку: «Цветок этот – самый святой труженик, он из смерти работает жизнь» (с. 125)). Никита сообщает всему, что вокруг: «К нам отец пришел. Он век будет с нами вековать» (с. 132), –

и видит реакцию: «во дворе все молчали; видно, всем стало боязно отца-солдата, и под землей было тихо, никто не корябался оттуда наружу, на свет» (с. 132).

Двор в рассказе является аналогом вселенной, поэтому предсказуемо, что после возвращения отец-хозяин берет Никиту за руку и идет по двору, «оглядывая – где, что и как стояло, что было цело, а что погнило, что было нужно и что нет» (с. 132). Появление отца упорядочивает пространство, преодолевает хаос: «Никита так же, как вчера, смотрел в лицо каждому существу во дворе, но ныне он ни в одном не увидел тайного человека; ни в ком не было ни глаз, ни носа, ни рта, ни злой жизни. Коля в плетнях были иссохшими толстыми палками, слепыми и мертвыми, а дедушкина баня была сопревшим домиком, уходящим от старости лет в землю. Никита даже пожалел сейчас дедушкину баню, что она умирает и больше ее не будет» (с. 132). Существа остались, но ни в одном из них нет тайного человека и злой жизни, следовательно, доброта материальна, а зло иллюзорно, оно – выдумка ребенка с признаками сиротства, которое можно преодолеть в результате восстановления кровного или духовного родства.

У дома и двора новый хозяин, не Никита, а отец, который осматривает хозяйство с желанием упорядочить, гармонизировать домашнее пространство (что-то убрать, что-то оставить). Отец идет в сени и начинает работать и приобщает к работе сына, который становится «как взрослый». Гвоздь-человечек добрый, потому что его Никита «сам трудом сработал», а не просто выдумал (с. 133). Осуществление трудовой деятельности для Никиты также своего рода обряд инициации, посвящение в мужчины: А. Платонову важна мысль о том, что оживить можно трудом, так как обработка земли – это труд, благодаря которому земля рождает хлеб.

Маркёром близости отца и Никиты является указание на пространственную соотнесенность мальчика с родителями: вернувшийся отец Никите близок – только с ним у мальчика есть тактильный контакт (отец «поцеловал» его и «ушел на войну» (с. 132), «погладил светлые волосы сына» (с. 133), «взял его себе на руки» (с. 132), «взял Никиту за руку и пошел с ним по двору» (с. 132), «повел сына домой в избу» (с. 133), а мать он всё время видит со стороны – уходящую, сидящую за столом (она «в поле далеко» (с. 129), «попросил далекую мать» (с. 131)), между ними всегда есть расстояние, поэтому и рядом с ней он один. На наш взгляд, это объясняется тем, что образ матери связан не с пространством, а со временем: при упоминании матери в тексте обычно возникает указание на время: «Рано утром мать уходила со двора в поле на работу» (с. 126), «каждый день мать ожидала» (с. 126), «к вечеру мать вернется» (с. 126), «мать недавно дома была» (с. 129), «у матери недавно пропали ножницы» (с. 127), «время позднее, и мать Никиты давно ушла с поля ко двору» (с. 131) и т. д. Возникает ощущение, что мать с сыном находятся в разном времени и по-разному воспринимают его – в реальном мире матери время измеряется трудоднями («Мама, иди домой! – попросил Никита далекую мать. – Пускай тебе половину трудодня запишут» (с. 131), в выдуманном мире Никиты жизнь измеряется движением солнца по небу, в связи с чем важен образ петуха – символа света и солнца [Уваров, 1908, с. 197–199], который своим криком способен прогнать мрак и нечистую силу. В тексте рассказа два петуха – свой и соседский, которые являются семантическими частями оппозиции «свой – чужой» и связаны с возможностью перевоплощения мертвого в живое (традиционно петух – символ воскресения [Уваров, 1908, с. 198]) и наоборот, поэтому Никита должен следить, «чтобы чужой петух не приходил во двор и не бил своего петуха» (с. 126). При этом «чужим» петухом становится утонувший знакомый (а значит, свой) пастух, который шел «в чужую деревню» (с. 129). Здесь оппозиция «свой – чужой» коррелирует с оппозицией «жизнь – смерть», поэтому для мальчика становится потрясением, когда происходит смена полярностей, в результате чего свое пространство – пространство дома и двора со своими жителями – превращается в чужое, и «глядят на него чужие глаза, а кто не видит его, тот хочет выйти к нему из-под земли, из норы, из черной застрехи сарая» (с. 130).

До появления отца мать ни разу не обращается к Никите, используя термин родства, только автор многозначительно замечает, что «мать не услышала сына» (с. 131). С приходом отца всё меняется – дважды А. Платонов использует наименование по родственному признаку («Отец повел сына домой в избу» (с. 133), «Отец погладил светлые волосы сына» (с. 133)), поскольку автору важно показать, что семья, а в целом род – основа мироздания, но наиболее важным является обращение отца к Никите, в котором он совмещает термин родства с прозвищем: «Давай, сынок, – согласился отец. – Давай, добрый Кит» (с. 133). Издревле сын является продолжателем, наследником и защитником рода, а кит в космогонических представлениях – символ устойчивости, прочности и стабильности миропорядка (сравните: Чудо-юдо Рыба-кит в сказке П. Ершова). Прозвище *Кит* впервые возникает в сознании отца на войне в связи с его желанием обрести гармонию, вернувшись к основам мироздания, а значит, преодоление смерти возможно только через продолжение рода, где сын – тот самый Кит, на котором будет держаться новый мир.

Таким образом, оппозиция «жизнь – смерть» приобретает у А. Платонова дополнительный смысл, включая в себя противопоставление «родство – сиротство»: живым остается тот, кто в родстве с миром, а сиротство, воспринимаемое как отстранение от мира, утрата связи с ним, подобно смерти. Стремление Никиты наделить окружающие его предметы одушевленностью, разумом и чувствами вызвано особым отношением ребенка к проблеме жизни и смерти, его желанием победить смерть, «оживить» мертвых и понять свое место в мире. Даже грамматическое согласование («дедушка-солнце показался из-за облака») обусловлено персонификацией, что свидетельствует о доминировании не только в мире героя, но и в мире автора «живого» над «неживым». Приход настоящего хозяина возвращает равновесие не только в детский, но и во взрослый мир, показателем чего является обретение предметами и явлениями, включенными в оппозицию «свое – чужое», прежних функций: например, кривые гвоздики, сработанные Никитой, также преодолевают сиротство, превращаясь в добрых человечков, предназначение которых – держать доски, отделяющие мир живых от мира мертвых.

### Список литературы

- Байбурин А. К.** Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.
- Бугакова Н. Б., Скуридина С. А., Кузьминых Е. О.** Антропонимикон и термины родства в рассказе А. Платонова «Никита» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. № 43 (2). С. 199–205. DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-2-199-205
- Власова М.** Новая АБЕВЕГА русских суеверий: Ил. словарь. СПб.: Северо-Запад, 1995. 318 с.
- Грязнова А. Ю.** Сюжет сиротства в творчестве Андрея Платонова // Русская литература и философия: постижение человека: Материалы III Всерос. науч. конф. (Липецк, 8–10 октября 2009 г.). Липецк, 2011. С. 111–116.
- Гура А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Исупов К. Г.** Русская эстетика истории. СПб.: Изд-во Высших гуманитарных курсов, 1992. 155 с.
- Корниенко Н. В.** Комментарии // Новый мир. 1991. № 9. С. 58–74.
- Пименова М. В., Мошина Е. А.** Мифологема Мать-сыра-земля в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 138–151. DOI 10.17223/18137083/76/11.
- Скуридина С. А., Бугакова Н. Б., Кузьминых Е. О.** Земля как мифопоэтическая константа Ф. М. Достоевский, А. Платонов. И. Шмелев // Изв. Южного федерального ун-та. Филологические науки. 2022. Т. 26, № 3. С. 21–34. DOI 10.18522/1995-0640-2022-3-21-34

- Спиридонова И. А.** Мотив сиротства в «Чевенгуре» А. Платонова в свете христианской традиции // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 514–536.
- Толстая С. М.** Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. М.: Индрик, 2009. С. 7–22.
- Уваров А. С.** Христианская символика // [Соч.] Гр. А. С. Уварова. Символика древнехристианского периода. Посмерт. изд. Ч. 1. [Предисл.: гр. Уварова]; [ред.: В. Айналов, Е. Редин]. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1908. XII, 212 с.
- Яблоков Е. А.** Художественная философия природы (творчество М. Пришвина и А. Платонова середины 1920-х – начала 1930-х годов) // Советская литература в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 55–71.
- Яблоков Е. А.** Делать людей бы из этих гвоздей: рассказ А. П. Платонова «Никита» (К 120-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. Т. 80, № 5. С. 32–38. DOI 10.30515/0131-6141-2019-80-5-32-38

#### Список источников и словарей

- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880–1882.
- Платонов А. П.** Никита // Платонов А. П. Сухой хлеб: Рассказы, сказки / Сост., подгот. текста, коммент. Н. В. Корниенко. М.: Время, 2012. 416 с.

#### References

- Baiburin A. K.** Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Dwelling in The Rituals and Representations of the Eastern Slavs]. Leningrad, Nauka, 1983. 191 p. (in Russ.)
- Bugakova N. B., Skuridina S. A., Kuzminykh E. O.** Antroponimikon i terminy rodstva v rasskaze A. Platonova “Nikita” [Anthroponymicon and Kinship Terms in A. Platonov’s Short Story “Nikita”]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaneya [Issues of journalism, pedagogy, and linguistics]*, 2024, no. 43 (2), pp. 199–205. (in Russ.) DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-2-199-205
- Gryaznova A. Yu.** Syuzhet sirotstva v tvorchestve Andreya Platonova [The Plot of Orphanhood in The Works of Andrei Platonov]. In: *Russkaya literatura i filosofiya: postizhenie cheloveka [Russian literature and philosophy: comprehension of man]*. Materials of the III All-Russian Scientific Conference (Lipetsk, October 8–10, 2009). Lipetsk, 2011, pp. 111–116. (in Russ.)
- Gura A. V.** Simvolika zhyvotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 530 p. (in Russ.)
- Isupov K. G.** Russkaya estetika istorii [Russian Aesthetics of History]. St. Petersburg, Publishing House of Higher Humanitarian Courses, 1992, 155 p. (in Russ.)
- Kornienko N. V.** Kommentarii [Comments]. *Novyi mir [The New World]*, 1991, no. 9, pp. 58–74. (in Russ.)
- Pimenova M. V., Moshina E. A.** Mifologema Mat'-syra-zemlya v russkoi yazykovoi kartine mira [The Mythologeme of the Mother Cheese-the Earth in The Russian Linguistic Picture of the World]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2021, no. 3, pp. 138–151. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/76/11
- Skuridina S. A., Bulgakova N. B., Kuzminykh E. O.** Zemlya kak mifopoeticheskaya konstanta F. M. Dostoevsky, A. Platonov. I. Shmelev [The Earth as a Mythopoetic Constant F. M. Dostoevsky, A. Platonov, I. Shmelev]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki [The Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences]*, 2022, vol. 26, no. 3, pp. 21–34. (in Russ.) DOI 10.18522/1995-0640-2022-3-21-34
- Spiridonova I. A.** Motiv sirotstva v “Chevengure” A. Platonova v svete khristianskoi traditsii [The Motive of Orphanhood in A. Platonov’s *Chevengur* in the Light of the Christian Tradi-

tion]. *Problemy istoricheskoi poehtiki* [*Problems of historical poetics*], 1998, no. 5, pp. 514–536. (in Russ.)

**Tolstaya S. M.** Kategoriya rodstva v etnolingvističeskoj perspektive [Category of Kinship in The Ethno-linguistic Term]. In: *Kategoriya rodstva v yazyke i kul'ture* [Category of kinship in language and culture]. Moscow, 2009, pp. 7–22. (in Russ.)

**Uvarov A. S.** Khristianskaya simbolika [Christian Symbolism]. Op. Gr. A. S. Uvarov. The symbolism of the ancient Christian period. Posthumous ed. Pt. 1. [Preface: gr. Uvarov]. Ed. by V. Ainalov, E. Redin. Moscow, Type by G. Lissner and D. Sobko, 1908, XII, 212 p. (in Russ.)

**Vlasova M.** Novaya ABEVEGA russkikh sueverii: Il. slovar' [The New ABEVEGA of Russian Superstitions: An illustrated Dictionary]. St. Petersburg, North-West Publ., 1995, 318 p. (in Russ.)

**Yablokov E. A.** Delat' lyudei by iz etikh gvozdei: rasskaz A. P. Platonova "Nikita" (K 120-letiyu so dnya rozhdeniya) [To Make People out of These Nails: The Story of A. P. Platonov *Nikita* (To the 120<sup>th</sup> anniversary of his birth)]. *Russkii yazyk v shkole* [*Russian language at school*], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 32–38. (in Russ.) DOI 10.30515/0131-6141-2019-80-5-32-38

**Yablokov E. A.** Khudozhestvennaya filosofiya prirody (tvorchestvo M. Prishvina i A. Platonova serediny 1920-kh – nachala 1930-kh godov) [The Artistic Philosophy of Nature (The Works of M. Prishvin and A. Platonov in The Mid-1920s – Early 1930s)]. In: *Sovetskaya literatura v proshlom i nastoyashchem* [Soviet literature in the past and present]. Moscow, 1990, pp. 55–71. (in Russ.)

#### List of Sources and Dictionaries

**Dahl V. I.** Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 vols. St. Petersburg, Moscow, M. O. Volf Press, 1880–1882. (in Russ.)

**Platonov A. P.** Nikita [Nikita]. In: *Platonov A. P. Sukhoi khleb: Rasskazy, skazki* [Dry Bread: Stories, Fairy Tales]. Comp., text prep., comment. by N. V. Kornienko. Moscow, Vremya Publ., 2012, pp. 126–133. (in Russ.)

#### Информация об авторах

**Светлана Анатольевна Скуридина**, доктор филологических наук, профессор

RSCI Author ID 654307

SPIN 5975-9507

**Елена Олеговна Кузьминых**, кандидат филологических наук, доцент

RSCI Author ID 1042031

SPIN 7550-3566

**Надежда Борисовна Бугакова**, доктор филологических наук, доцент

RSCI Author ID 665430

SPIN 1080-8136

#### Information about the Authors

**Svetlana A. Skuridina**, Doctor of Sciences (Philology), Professor

RSCI Author ID 654307

SPIN 5975-9507

**Elena O. Kuzminykh**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

RSCI Author ID 1042031

SPIN 7550-3566

**Nadezhda B. Bugakova**, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor  
RSCI Author ID 665430  
SPIN 1080-8136

**Вклад авторов:**

- С. А. Скуридина – разработка концепции исследования, анализ ономастического кода и терминов родства.  
Е. О. Кузьминых – сбор оригинального материала, анализ христианского и мифологического «кодов» рассказа.  
Н. Б. Бугакова – сбор исходного материала, выявление биографических предпосылок создания рассказа и выбора к нему библионима, редактирование текста.

**Contribution of the Authors:**

- Svetlana A. Skuridina – development of the research concept, collection of original material, analysis of the onomastic code.  
Elena O. Kuzminykh – collection of original material, analysis of Christian and mythological “codes”.  
Nadezhda B. Bugakova – collection of source material, identification of biographical prerequisites for the creation of the story, text editing.

*Статья поступила в редакцию 12.07.2024;  
одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 21.10.2024  
The article was submitted on 12.07.2024;  
approved after reviewing on 11.10.2024; accepted for publication on 21.10.2024*

## Информация для авторов

---

### Вестник Новосибирского государственного университета

#### Серия: История, филология

#### Выпуск «Филология»

Редакционная политика выпуска «Филология» направлена на отбор наиболее значимых публикаций, подготовленных по актуальной научной тематике.

К печати в разделе «Языкознание» принимаются работы, в которых на репрезентативном языковом материале, собранном лично автором, решаются актуальные проблемы современной лингвистики, преимущественно русистики, отличающиеся новизной и теоретической обоснованностью.

К публикации в разделе «Литературоведение» принимаются исследования по поэтике русской литературы (сюжет, мотив, жанр, образ человека в литературе, поэтика образа, символа и пр.) с использованием современных научных методов.

Сроки выхода журнала: март (№ 2) и ноябрь (№ 9) каждого календарного года.

#### **Общие требования к оформлению статьи**

Авторы присылают в редколлегию выверенную ими рукопись статьи. Объем статьи не должен превышать 1 а. л. = 40 тыс. знаков (с пробелами и учетом всех сносок и всех мета-данных), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм составляет 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 12 тыс. знаков.

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором выпуска.

Материалы подаются в электронном виде в формате текстового редактора Word (расширение .doc, .docx или .rtf), шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы (внизу справа).

Обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf).

Подробно с требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии  
выпуска «Филология»

Новосибирский государственный университет,  
ауд. 1260 нового учебного корпуса  
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия  
E-mail: [philology@vestnik.nsu.ru](mailto:philology@vestnik.nsu.ru)

Журнал распространяется по подписке,  
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»